БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ,

Собранныя И. И. Носовичемъ.

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ.

I.

Предварительный взглядъ на характеръ Бѣлорусскихъ пѣсень.

Бѣлорусскія простонародныя пѣсни можно назвать безъискусственнымъ, но не лишеннымъ изящества изложеніемъ чувствъ простого, необразованнаго народа при радостныхъ, забавныхъ, не менѣе какъ и при скорбныхъ, печальныхъ и непріятныхъ обстоятельствахъ жизни человѣка.

Бѣлорусскія пѣсни очень многія составляютъ глубокую старину, изъ вѣка въ вѣкъ устнымъ единственно путемъ перешедшую къ нынѣшнимъ простолюдинамъ, и эти старинныя пѣсни носятъ типъ Славянскаго, а въ особенности Кривичскаго племени.

Не излишнимъ считаю здѣсь сказать, что названіе Кривичи, равно какъ и самыя старинныя пѣсни принадлежатъ всѣмъ вообще племенамъ, населявшимъ, и нынѣ кореннымъ потомкамъ ихъ, населяющимъ все пространство Бѣлорусской страны, кромѣ Литовцевъ. Эти всѣ племена сосредоточиваются подъ однимъ именемъ Кривичи, по Польски Kriwiczy и Германски Krewings, т. е. Кровичи, кровныя родственныя племена, по производству слова Кривичи отъ Бѣлорусскаго слова: кровь-криви; такъ какъ отъ этого же имени производятся слова: кривавецъ,—(кровавикъ, сердоликъ), кривавый, кривяницъ и проч.

Древность Бѣлорусскихъ пѣсень ясно видна изъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ и нынѣ Бѣлорусскими простолюдинами, оказываются слова совершенно вышедшія изъ употребленія въ живомъ простонародномъ говорѣ, какъ-то: бояре, боярочка, Ляхъ—Полякъ, Царь-городъ, шарварка, шестакъ и другія.

2) Выражаются древнія воинскія обстоятельства, напр.

Ѣдуць татарскія раци,
Хочуць твойго коня взяци.

—

Якъ поѣхавъ королевичъ да на уполеванне.

—

А поѣхавъ сынъ Данила на войну воеваци.

3) Въ старинныхъ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ, и нынѣ употребляемыхъ Бѣлорусскими простолюдинами, выражается духъ не крестьянскаго быта, а свободнаго и самостоятельнаго сословія и даже богатаго, какъ-то:

Бояре (сваты) вороты облегли,
Посыпали золото по скамьи.

—

Што у бѣломъ на конику бѣломъ, то мой свекорка.

—

Закоснички паничи,
Што ѣздзице по ночи?

—

Дзѣвочки боярочки,
Кладзице подарочки:
Молодые молойчики
Кладзице червончики.

Здѣсь предстоитъ вопросъ: не были ли въ древности простолюдины свободны и собственники земель, подобно какъ однодворцы и даже нынѣшняя шляхта, прежде нежели подпали они подъ администрацію сильныхъ Польскихъ помѣщиковъ, которые поработили ихъ, и земли ихъ защитали своими собственными?

Чѣмъ древнѣе Бѣлорусская пѣсня, тѣмъ, кажется, болѣе про-

глядываетъ въ ней образованность и изящество творчества въ сравненіи съ пѣснями позднѣйшаго сложенія, какъ-то:

Подъ имъ коникъ брое (шалитъ),
Копыцикомъ землю крое (кройтъ),
Вочами звѣзды личе (считаетъ),
Вушами войну чуе (слышитъ).

—

N. у кромѣ *(лавкѣ)* вѣнокъ сторговавъ;
Што ни дожджикъ не змоче,
Ни совникъ не зсуше,
Ни вѣтрикъ не звѣе.
Вѣтрикъ повѣе,—лялея (лилія), *)
Дожджикъ покропе,—зеленѣе,
Сонце пригрѣе,—ёнъ спѣе.

—

Пора жонки домовъ ици:
Поцеряла заря ключи,
Коло постаци **) идучи,
Да съ соуникомъ гуляючи.
А съ мѣсикомъ гу̀каючи.

Но многія изъ старинныхъ пѣсень потеряли свой колоритъ при переходѣ изъ устъ въ уста, или чрезъ пропускъ слова, или чрезъ безнужное прибавленіе слова, или болѣе чрезъ измѣненіе слова, по недоразумѣнію, какъ, напримѣръ, въ послѣдней пѣсни: «А съ мѣсикомъ гу̀каючи.» Бѣлорусскій глаголъ—гу̀кацъ съ кѣмъ—значитъ разговаривать, а гука́цъ—звать къ себѣ. Въ этой картинѣ, гдѣ заря, или вечерняя звѣзда играетъ роль красавицы, любезно провожающей отходящаго гостя и между тѣмъ зовущей къ себѣ другого, приближающагося, приличнѣе сказать: гука̀ючи кого, нежели гу̀каючи съ кѣмъ. Нѣкоторыя же въ простонародіи такъ испорчены старинныя пѣсни, что даже и смысла нѣтъ.

Поэтическія красоты, которыми, по представленнымъ мною выше образцамъ, отличаются старинныя пѣсни, заставляютъ заключить,

---

*) См. въ Бѣлор. Словарѣ г. Носовича стр. 275 *(Лялея)*.
**) *Постаць* — полоса съ дозрѣвшею рожью.

что Бѣлорусское Кривичское нарѣчіе въ старину было удѣломъ не одного Бѣлорусскаго простонародія, но и высшаго класса народа, который не лишенъ былъ совершеннаго образованія: но воспитаніе дѣтей въ іезуитскихъ школахъ вытѣснило привязанность въ нихъ къ родному нарѣчію Польскимъ элементомъ. Не смотря на это, привязанность эта не умирала совершенно: г. Чечотъ въ предисловіи своемъ къ изданнымъ имъ въ Вильнѣ въ 1846 году Бѣлорусскимъ пѣснямъ говоритъ, что даже въ лѣта его дѣтства Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ staruszkowie panowie między sobą mówić lubili (стр. 1).

Во всѣхъ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ, и въ особенности старинныхъ, господствуетъ тоническое стихосложеніе, въ которомъ удареніе главнаго въ смыслѣ слова подчиняетъ себѣ всѣ прочихъ словъ слоги и ударенія такъ, что Бѣлорусскій стихъ состоитъ изъ пиррихіевъ и сугубыхъ амфибрахіевъ, независимо отъ числа слоговъ. Напр. Коморочки мои. Подъ имъ коникъ брое, копыцикомъ землю крое. Размѣръ стиховъ бываетъ независимъ отъ числа слоговъ или а) въ одинъ темпъ, какъ-то:

Коморочки мои,
Не кусайце мене,
А кусайце пановъ,
Што не пускаюць домовь...

—

б) или въ два темпа, какъ-то:

Старикй | собѣ мы тўтъ,
Сядзимъ съ бабами | на кўтъ *(передній уголъ)*
Межъ собою | станемъ зюкаць *(бесѣдовать)*
И подъ рядъ | горѣлку клюкаць...

в) или въ три темпа, какъ-то:

Макъ зеле́ный | макъ червоный | у пôвночи квицець
Тамъ за горою | тамъ за другою | мене та́тка кличець.

Тактъ въ три темпа господствуетъ болѣе въ старинныхъ пѣсняхъ.

II.

Объ употребленіи Бѣлорусскихъ пѣсень.

Употребленіе Бѣлорусскихъ пѣсень можно раздѣлить:

I) По обстоятельствамъ общественной жизни, какъ-то: а) праздничныя, поздравительныя, весеннія и игрищныя на Ивана Купалу, б) при общественныхъ лѣтнихъ полевыхъ работахъ, особенно жнивныя; в) пѣсни веселаго содержанія, употребляемыя при общественныхъ сходбищахъ и при пляскахъ; г) любовныя и д) состоящія въ быляхъ и расказахъ;

II) По обстоятельствамъ семейной жизни, какъ-то: а) свадебныя, б) крестинныя, в) колыбельныя, г) разныхъ въ семействѣ перемѣнъ и невзгодъ, д) рекрутства, е) сиротства и ж) овдовѣнія.

О ПРАЗДНИЧНЫХЪ ПРОСТОНАРОДНЫХЪ БѢЛОРУССКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Бѣлорусскія простонародныя пѣсни, принаровленныя къ праздничному какому либо дню, не суть молитвенныя, но обыкновенно распѣваемыя для домашняго или собесѣдническаго увеселенія, или въ родѣ поздравленія съ праздниками.

Простолюдины кромѣ Бога и святыхъ угодниковъ Его олицетворяютъ даже самые факты изъ земной жизни Спасителя, Божіей Матери и Божіихъ угодниковъ. Они въ простотѣ сердца говорятъ: „Благослови разговѣцьца, святое Рождество, Великодне, Успеннико. Поможи намъ, святая Десятуха“ и проч.; даютъ святымъ свои эпитеты по ихъ мученической смерти или дѣйствіямъ, какъ - то: „Иванъ-Головорѣзъ, Иванъ-Купала, Сава—бацька Николинъ, Сороки святые, Недѣля Св. Отцовъ—Дзѣды и проч. Но это невинное уклоненіе отъ принятыхъ Православною церковью терминовъ ни гдѣ не доходитъ у Бѣлорусскихъ простолюдиновъ до признаковъ остатка древняго Славянскаго язычества (?) самыя даже обрядовыя обыкновенія, при праздновапіи урочныхъ дней, нисколько не напоминаютъ ничего кумирнаго: самыя даже пѣсни ихъ, не смотря на

свою наивность, дышатъ обращеніемъ къ Богу, испрошеніемъ благословенія на начинанія и упованіемъ на милость Его.

Въ нѣкоторыхъ праздничныхъ пѣсняхъ употребляются имена лицъ, какъ бы представителей праздника или праздничныхъ забавъ, которыхъ нынѣ между простолюдинами совершенно нѣтъ, кромѣ того, что они упоминаются только въ пѣсняхъ, какъ-то:

Ѣхала Коляда колядуючи,
За ею хлопцы жебруючи *(прося милостыни).*

—

Звала Купала Иллю на игрище.

Западные, особенно Польскіе миѳологи, не понимая точнаго значенія словъ «Коляда и Купала», выдумали изъ нихъ небывалыя божества, которымъ будто бы Славяне Бѣлорусскіе покланялись и приносили жертвы. *) Но ни въ одной изъ Бѣлорусскихъ пѣсень нѣтъ ни малѣйшаго намека, по которому можно было бы судить, что эти названія суть остатки боготворенія небывалыхъ кумировъ— Коляды, Купалы и другихъ под.

1. **Коляда.** Въ Бѣлор. нар. 1) Коляда означаетъ α) доброхотное даяніе священно-и церковно-служителямъ, ѣздящимъ по домамъ своихъ прихожанъ для сбора хозяйственныхъ для себя продуктовъ, β) вознагражденіе священнику, посѣщающему прихожанъ своихъ съ крестомъ во время праздниковъ Рождества Христова, γ) самый собиратель доброхотнаго даянія. (Ишла Коляда по лѣду, разсыпала Коледа колѣду). Но слово Коляды имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. Это есть праздничные дни Рождества Христова, продолжающіеся отъ 25-го декабря по 6-го января. Очень несправедливъ выводъ западныхъ миѳологовъ (Сестренцевичъ Богушъ), что яко-бы Ко-ля-до былъ какое-то божество древнихъ Славянъ, которому празднованіе совпадало съ праздниками Рождества Христова, якобы кутья подносилась въ видѣ жертвы небывалому божеству за годичные урожаи и якобы разныя хлѣбныя сѣмена, употребляемыя для кутьи, и застиланіе стола сѣномъ суть видимыя жертвы выдуманному

*) Польскіе миѳологи гораздо болѣе правы, чѣмъ оно кажется почтенному собирателю. *Прим. О. М.*

божеству. Употребленіе колива въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія освящено церковію, какъ пищи, приличной постнымъ днямъ; а сѣномъ застилаютъ столъ вечеромъ предъ Рождествомъ Христовымъ въ воспоминаніе Спасителя-младенца, лежавшаго въ ясляхъ *).

2. **Купала.** Такъ называли древніе Бѣлорусскіе простолюдины и нынѣшніе называютъ Святого Іоанна Крестителя: вмѣсто Іоаннъ Креститель, они говорятъ: Иванъ Купала. Слѣдовательно существованіе, по мнѣнію Славянскихъ миѳологовъ, какого-то древняго баснословнаго божества Купалы, которому будто покланялись древніе Славяне, есть очевидная выдумка. Она не имѣла бы мѣста, еслибы миѳологи обратили вниманіе на то, что слово Купала происходитъ отъ купать; Греч. βαπτιζω—крестить. Нѣтъ никакого основанія думать, что вошедшее въ обыкновеніе у Славянскихъ племенъ гулянье молодыхъ парней и дѣвицъ съ плясками подъ звуки пѣсней на канунѣ 24-го іюня есть остатокъ боготворенія идола Купалы. Въ одной изъ Бѣлорусскихъ старинныхъ пѣсень слова „самъ Богъ купався“, ясно доказываютъ, что, по мнѣнію самихъ простолюдиновъ, Иванъ Купала есть Іоаннъ Креститель **).

---

*) Также нелѣпо дѣлать выводъ изъ словъ простолюдиновъ Борисовскаго уѣзда: „забили кобана Колядзѣ“ (вѣрно: къ Колядамъ), якобы слова эти указываютъ на приношеніе кабановъ въ жертву идолу, о которомъ простолюдины и понятія не имѣютъ. Opisanie powiatu Borisorskiego 1848 г. стр. 383. *Прим. Собирателя.* Объ обрядовомъ употребленіи въ колядный праздникъ именно *свинины* см. выше въ примѣчаніи моемъ къ статьѣ свящ. Бермана, стр. 44. Также въ моемъ Ист. Об. Р. Слов. стр. 40—42.

Прим. О. М.

**) Миѳическая подкладка въ пѣсняхъ купальскихъ еще ярче кидается въ глаза, чѣмъ въ колядныхъ пѣсняхъ. Нѣтъ никакой возможности объяснить христіанскимъ значеніемъ праздника Рождества Іоанна Предтечи ни употребительнаго по всей Европѣ въ ночь на Ивановъ день зажиганья костровъ и перепрыгиванья черезъ нихъ, ни скатыванья горячихъ колесъ въ воду, ни отыскиванья кладовъ при помощи разцвѣтающаго въ эту ночь папоротника, и т. д. Нашему почтенному собирателю, если онъ совершенно уже не вѣритъ современной наукѣ сравнительной миѳологіи, слѣдовало бы вспомнить, по крайней мѣрѣ, про сѣтованія нашихъ древнихъ проповѣдниковъ на тѣ языческіе обряды, которыхъ держался (и держится еще) народъ, какъ бы наперекоръ Христіанскому смыслу праздниковъ. *Прим. О. М.*

III) Изъ стариннаго припѣва къ Малороссійской пѣснѣ: „На тихинькомъ Дунаѣ—диду калина, лели малина“ Славянскіе миѳологи извлекли небывалыя Славянскія божества: Дидо—божество, неблагопріятствующее любви и Леля—Славянскаго Амура. Но если разсмотрѣть съ критическимъ *вниманіемъ* этотъ припѣвъ, то въ немъ нисколько не выказываются какія-то выдуманныя божества, а выявляется прямой смыслъ: дѣду — старику, холостяку горькая калина, а Лешенькѣ, Лелю, молодчику, красавцу—малина.

IV) Сюда можно отнести и другія названія выдуманныхъ небывалыхъ божествъ, какъ-то: Бордзи и Кляскуна, Жевжыка, Сварога. Изъ нихъ 1) Бордзя,—старинное, нынѣ нигдѣ неслышимое слово—значило борзая, быстрая дѣвица. 2) Кляскунъ—значитъ мальчикъ шалунъ, линейкою или лучиною производящій трескъ. 3) Жевжыкъ – живчикъ значитъ—маленькая вертлявая рыбка, и мальчикъ живой, надоѣдающій шалостями. 4) Сварога—Бѣлор. сварюга значитъ брюзгунъ, ворчащій за всякую бездѣлицу. Если внимательно разсмотрѣть корень и значеніе этихъ словъ, какъ разсмотрѣны Коляда и Купала, то и эти выдуманныя божества исчезнутъ, какъ призраки, или какъ сонныя видѣнія.

Тоже относится и къ слѣдующимъ созданьямъ догадливыхъ миѳологовъ: *Баба-Яга, Бѣлунъ, Вовколакъ, Воструха, Гарникъ, Дзѣдка, Злыдзень, Зничка, Зорка, Ледащикъ, Пыдзень.* Разсмотримъ эти слова. 1) Баба-Яга. Это не повѣрье, а Бѣлорусская басня о злой волшебницѣ, дѣлающей ночью разныя пакости и о которой говорится, что она „въ ступѣ ѣдзиць, товкачомъ погоняець, а помяломъ слѣдъ заметаець“ и что она ночью дѣлаетъ разныя пакости людямъ.

2) Бѣлунъ,—также басенка о сѣдомъ старикѣ, якобы живущемъ во ржи при дорогѣ. „Онъ, кажуць, показываецца бѣдняку, идущему по дорогѣ и просиць его уцерць ему носъ, съ котораго цекуць возгри; коли гетый не згадзицца да утрець, то Бѣлунъ высыпиць ему золото изъ своей торбы“. Эта басенка имѣетъ наставительную цѣль—не пренебрегать стариковъ, если они неопрятны (?)

3) Вовколакъ значитъ по предразсудкамъ простолюдиновъ—оборотень, или человѣкъ, обращенный силою волшебства въ волка. Переносно значитъ—злой человѣкъ, смотрящій угрюмо изъ подлобья, какъ волкъ.

4) Воструха значитъ только: 1) съ язычкомъ острымъ, язвительная женщина, наносящая колкости; 2) осока, подобно серпу рѣжущая пальцы: „на воструха палецъ порѣзавъ".

5) Гарникъ въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи ничего болѣе не значитъ, какъ только—трава приворотень, пригарнывающая, по предразсудку простолюдиновъ, къ любви. „Оттопи гарнику въ молоцѣ и дай мужику своему выпиць, дакъ и будзецъ цебе любиць".

6) Дзѣдка значитъ—старый нищій съ котомкою за плечами и съ двумя посохами, которыми впрочемъ пугаютъ неспокойныхъ дѣтей. „Дзѣдка хорошо пѣецъ. Мовчи! Дзѣдка почуе́цъ, придзецъ и въ торбу возмецъ".

7) Злыдзень: 1) бѣднякъ, несчастливецъ; слово ругательное: „за злыдня николи гетаго не пойду за-мужъ;" 2) попрошайка. „Надокучивъ мнѣ злыдзень гетый, дай ему то того, то другого. „Злыдни, склоняемое во множ., значитъ: бѣдственное положеніе. „Сядзѣвъ три дни, а высѣдзѣвъ злыдни". Посл. „Злыдни возме́шъ".

8) Зничка просто значитъ: 1) звѣздочка, появившаяся на небѣ и вдругъ скрывшаяся, какъ метеоръ, 2) ругательное слово на отбѣгающаго отъ работы. „Зничку гетого ни коли не спотачишь, *(найдетъ)* за работою"

9) Зо́рка, уменьш. слово отъ—заря. Сочинитель этаго небывалаго божества извлекъ его изъ изрѣченія простолюдиновъ, дурно имъ понятаго: „Што уже зъ е́го, кали ёнъ не ўзоркій", т. е. слѣпой, потерявшій зоркость; но онъ, записавъ это выраженіе неправильно: „што зъ его, коли о́нъ не у зорки", создалъ небывалое божество—Зорка.

10) Лядащикъ, по понятію простолюдиновъ, не значитъ злой духъ, а значитъ человѣкъ дурного поведенія. Почему творецъ этого, боготворимаго якобы простолюдинами, злого духа подъ именемъ ледащика дурно понялъ пословицу: „зъ ледащикомъ спознався, зъ разуму спався" т. е. со строптивымъ развратился.

11) Ныдзень и ныдница, отъ гл. ныць—изнывать, значитъ не болѣе, какъ терпящій нужду, изныванiе *).

---

*) См. Бѣлорусскія народныя повѣрья, статья первая и вторая—въ Прибавленіяхъ къ Ж. Мин. Нар. Просв. 1846 г. въ отдѣленіи Литературномъ псевдонима Древлянскаго и въ Литер. Приб. къ Ж. М. Нар. Просв. Декабря 1852 г. статью г. Шпилевскаго. ***Прим. г. Носовича.***

Подобнымъ же образомъ Польскіе миѳологи, изъ страсти преслѣдовать все православное, невинныя обыкновенія простолюдиновъ въ день Радоницы посѣщать могилки своихъ родныхъ съ разными съѣдобными припасами, приличными поминовенію, и водкою, обратили въ остатокъ языческихъ жертвъ древнему могильному божеству Копшѣ. Но копшею (отъ копать) въ старину назывался гробокопатель *).

БѢЛОРУССКІЕ ПРАЗДНИКИ.

1. Колядьı.

Коляды суть праздничные дни, простирающіеся отъ навечерія предъ 25 Декабря по 7 Января. Колядные праздники между простолюдинами начинаются бѣганьемъ по домамъ своей деревни мальчиковъ, не смотря на жестокость морозовъ, съ поздравленіемъ, за которое они получаютъ по горсти орѣховъ отъ старушекъ, запасшихся ими нарочито на этотъ предметъ. Мальчики собираютъ орѣхи для обыкновенной между ними по вечерамъ игры въ „цотъ и лишку".

Характеръ колядныхъ праздниковъ вездѣ одинаковъ и простолюдины проводятъ ихъ также весело и угощательно, какъ и прочія сословія, по пословицѣ: пришли Колядки, блины да ладки. Особенность у простолюдиновъ заключается въ томъ, что колядные вечера у нихъ чрезвычайно чтутся святыми и всякая работа запрещена, а поэтому они всѣ колядные вечера посвящаютъ на посѣщенія или, лучше, на общія собранія въ сельскомъ трактирѣ, т. е. въ корчмахъ, которыя въ Бѣлоруссіи бываютъ довольно вмѣстительны, потому что по селамъ и деревнямъ они служатъ заѣзжими до-

---

*) Если изслѣдователи въ области народной миѳологіи и бываютъ склонны къ натяжкамъ и если не всѣ ихъ толкованія въ частности выдерживаютъ строгую критику, то основное ихъ заключеніе о народномъ *двоевѣріи* самымъ непосредственнымъ образомъ совпадаетъ со свидѣтельствомъ самой нашей древней церкви. Нельзя не замѣтить, что гораздо глубже г. Носовича смотритъ на этотъ предметъ достопочтенный священникъ Берманъ въ своемъ выше напечатанномъ календарѣ Воложинскаго прихода.

мами. Если же гдѣ не вмѣстительно, то простолюдины выбираютъ на этотъ предметъ обширную избу у своего сосѣда и тамъ устанавливаютъ ресурсы или клубъ по своему вкусу, съ скоморохой или съ деревенскими флейтами, посредствомъ складки.

Колядьг отличаются отъ прочихъ праздниковъ тѣмъ, что имѣютъ три сочельные дня, или такъ называемыя кутьи: двѣ постныя, очень благоговѣйно проводимыя простолюдинами, предъ Рожд. Христ. и предъ Богоявленіемъ; средняя-же изъ нихъ, называемая богатою, отличается обиліемъ кушаньевъ.

2. Благовѣщенье.

Благовѣщенье есть праздникъ, чрезвычайно уважаемый простолюдинами такъ, что, по мнѣнію ихъ, "и птушка на Благовѣщенье не кладзець гнѣзда„. *) Подъ вечеръ Благовѣщенія дѣвицы собираются на какую либо гору "гукàць„ (кликать) весну словами: „Благослови, Божія Маци, весну гукàци, зиму замыкаци, лѣто отмыкаци", и за тѣмъ поютъ пѣсни, приличныя обстоятельствамъ времени.

3. Вербница.

Вербное Воскресенье, въ отношеніи простонародныхъ обычаевъ, имѣетъ ту особенность, что изъ каждаго дома деревни или села непремѣнно должно быть хотя одно лицо въ церкви у заутрени, чтобы получить освященную вербу. По выходѣ изъ церкви всѣ вообще сѣкутъ ёмко другъ друга поочередно въ родѣ поздравленія, приговаривàя: „не я бью, бербá бьець, хира въ лѣсъ, здоровье въ косци." За это поздравленіе не могущіе обратно поздравить очень благодарятъ, хотя бы было и ощутительно для ихъ тѣла. Вербу эту хранятъ въ домѣ, какъ святыню.

4. Великодне или Воскресеніе Христово.

Воскресенію Христову предшествуетъ Чистый Четвертокъ. Въ Чистый Четвертокъ простолюдины непремѣнно стараются до разсвѣта вымыться въ банѣ, а также многія женщины соль и мыло выкладываютъ на ночь предъ Чистымъ Четвергомъ на открытый

---

*) Мнѣніе обще-Русское. *О. М.*

воздухъ и потомъ прячутъ, почитая ихъ лѣкарствомъ отъ суроцъ— отъ урѣченія или призорства. Есть Бѣлорусское повѣрье, что во̀ронъ до разсвѣта въ Чистый Четвертокъ носитъ своихъ дѣтей купать въ рѣку.

Торжество Святой Пасхи простолюдинами отправляется болѣе скромными увеселеніями—посѣщеніемъ другъ друга и сходбищами молодыхъ людей на улицѣ, гдѣ занимаются различными сельскими играми. Отъ давнихъ временъ даже до конца второй половины нынѣшняго XIX столѣтія многіе промышленные крестьяне ходили по домамъ своихъ сосѣдей, поздравляя съ праздниками Воскресенія Христова стихами на Бѣлорусскомъ нарѣчіи, а многіе, составивъ группу изъ человѣкъ пяти или шести, ходили по селамъ, по домамъ помѣщиковъ, дворянъ и чиновниковъ, поя волочебныя пѣсни. Особенно это обыкновеніе господствовало въ Минской губерніи, Обыкновенные дары имъ за поздравленія были: яйца, сыръ, сало, колбасы и нерѣдко деньги. Общество волочебниковъ составляли: запѣвало или починальникъ, подпѣвалы или помощники его, скрипачъ или дудочникъ и сборщикъ подаяній или мѣхоношъ. Всѣ эти лица подходятъ подъ окно поздравляемаго хозяина и поютъ такъ, что запѣвало поетъ соло стихи, а прочіе послѣ каждаго стиха поютъ припѣвъ. Нынѣ православное духовенство уничтожило этотъ обычай бродить по домамъ съ пѣніемъ.

5. День Святаго Георгія.

Юрьевъ день считается у простолюдиновъ днемъ особенной важности. Простолюдины почитаютъ святого Георгія, какъ покровителя всей растительности, отмыкающаго землю и выпускающаго теплую росу, а также и какъ покровителя домашняго скота. *) Въ первомъ отношеніи они говорятъ: „Юрій съ цепломъ, а Микола съ кормомъ.“ Утромъ рано всѣ хозяева выпускаютъ лошадей на Юрьеву росу́, а всякая хозяйка соблюдаетъ набожное обыкновеніе, выпуская изъ хлѣва коровъ, окроплять ихъ святою крещенскою водою и тихонько ударять накрестъ по крестцу вѣтвію, хранимою въ каждомъ домѣ отъ вербной недѣли, и встрѣчать пастушка съ хлѣ-

---

*) Неужели и тутъ не видно слѣдовъ миѳа? *О. М.*

бомъ-солью, при чемъ дастъ ему яйцо, или сыръ, или кусокъ свиного сала.

Дѣвицы въ этотъ день выходятъ въ поле и поютъ тамъ юрьевскія или весеннія пѣсни.

6. Радоница.

Радоница — день, посвященный поминовенію умершихъ. Это есть дѣйствительно радость о воскресшемъ Спасителѣ, возвѣщаемая живыми усопшимъ катаніемъ краснаго яйца по могилкѣ родного, съ произношеніемъ троекратно: Христосъ Воскресъ! Радоница въ Бѣлоруссіи обыкновенно празднуется во вторникъ Ѳоминой недѣли. День этотъ имѣетъ тройственный характеръ: рабочій, печальный и веселый. Бѣлоруссы эти три характера выражаютъ тремя стишками: „на радоницу д'обѣда пашуць, п'обѣдзи плачуць, а у вечери скачуць."

Утро простолюдины проводятъ въ работѣ, занимаясь пахаліемъ огородовъ; послѣ обѣда, одѣвшись по праздничному, всѣ идутъ на кладбище, которое во многихъ мѣстахъ носитъ имя Красной Горки или Красной Нивки. Пришедши на кладбище всѣ, похристосовавшись съ лежащими въ могилѣ, т. е. покатавши яйца по могилкамъ, мущины въ большомъ смущеніи сидятъ по краямъ могилъ, а женщины усердно въ голосъ на распѣвъ плачутъ, импровизируя причитыванья. Молодые между тѣмъ парни бьютъ или катаютъ яйца до тѣхъ поръ, пока явится священникъ для отпѣванія панихидъ надъ могилками каждаго семейства. По окончаніи панихидъ священникъ благословляетъ трапезу всѣмъ и отъѣзжаетъ къ кладбищу другой ближайшей деревни. Оставшіеся поминальщики надѣляютъ нищихъ блинами и маленькими пшеничными лепешками, рѣзниками, и, составивъ между собою общій столъ, подкрѣпляютъ силы свои водкою и разными, снесенными сюда закусками, такъ что печаль ихъ обращается въ радость. По возвратѣ же въ свою деревню, молодежь принимается за деревенскіе танцы при кабакѣ подъ звуки дудочника, а старики и старухи тутъ же бесѣдуютъ, подчивая другъ друга водкою; молодухи между тѣмъ запѣваютъ различныя пѣсни, и такъ такое увеселеніе продолжается до поздняго вечера.

7. Духовъ день.

Въ этотъ день женщины приносятъ въ церковь къ обѣдни связки травъ различныхъ съ цвѣтами, а нѣкоторыя съ корнями, и просятъ священника послѣ литургіи освятить. Эти травы и коренья составляютъ ихъ домашнюю аптеку на цѣлый годъ,—отъ всѣхъ болѣзней. Вечеромъ послѣ полудня дѣвицы всего селенія совокупно идутъ въ лѣсокъ и каждая особо завиваетъ на деревѣ вѣнокъ съ гаданьемъ; ежели вѣнокъ въ теченіи недѣли не усохнетъ, то желаніе исполнится благопріятно, ежели же усохнетъ, то это предвѣщаетъ несчастливый исходъ гаданія. Почему въ слѣдующее воскресенье на заговины предъ постомъ Петровымъ опять собираются и идутъ въ тотъ же лѣсокъ развивать свитые ими вѣнки, предполагая, что дерево проклинать будетъ дѣвицу, которая не разовьетъ своего вѣнка. Эти обѣ прогулки дѣвицъ сопровождаются разными пѣснями.

8. Иванъ Купала.

Бѣлорусскіе простолюдины, особенно женщины, даже изъ мѣщанъ и шляхты, вѣрятъ, что въ ночь предъ днемъ Рожденія Іоанна Крестителя волшебницы или вѣдьмы тайно выходятъ изъ жилищъ своихъ невидимками, чтобы дѣлать зло людямъ въ ночное время, а именно: заламывать заломы во ржи, копать ядовитыя коренья для отравленія, отбирать молоки у коровъ и насылать червей въ горлачи. *) Нѣкоторыя хозяйки дома, по совѣту „знахарей“ — чтобы оградить въ эту ночь свою скотинку отъ нападенія вѣдьмы, вѣшаютъ надъ воротами хлѣва страстную свѣчу, которая, по вѣрованію ихъ, имѣетъ силу не пропустить вѣдьмы въ хлѣвъ. Вѣдьма со злости искусаетъ всю свѣчу, но не въ силахъ сдѣлать ни малѣйшаго вреда скоту. Мальчики на этотъ предметъ разводятъ огонь за огородомъ, чтобы попрепятствовать вѣдьмамъ воспользоваться темнотою ночи и выходить изъ своихъ жилищъ, и чтобы спасти рожь отъ заломовъ. Это повѣрье и обыкновеніе, нынѣ обветшалое, кажется баснословнымъ, но въ самомъ началѣ

*) *Горла́чъ* — молочный кувшинъ.

нынѣшняго столѣтія иногда появлялось въ сущности, какъ и мнѣ случилось видѣть въ селѣ Лобановкѣ Чериковскаго уѣзда, гдѣ мнѣ мимоѣздомъ случилось ночевать предъ днемъ Рождества Іоанна Крестителя.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говорятъ, парни и мальчишки складывали костеръ изъ поношенныхъ лаптей, онучъ, испорченныхъ веревокъ и старыхъ лубокъ; а въ другихъ мѣстахъ въ тотъ же вечеръ, т. е. 23 Іюня, при закатѣ солнца, для воспрепятствованія волшебницамъ, порядочные мальчики на огородѣ, въ отдаленности отъ строеній, вколачивали въ землю длинный колъ, обвязанный кругомъ свиваемою соломою, обкладывали его также кругомъ соломою и кострою отъ конопли до самаго верха; на самое остроконечіе кола взлагали порядочную связку соломы и посредствомъ длиннаго шеста, съ конца зажженнаго, зажигали эту свѣчку. На этотъ факелъ всѣ сбѣгались, неисключая и женщинъ, бѣгали кругомъ его, бросая въ него сухія вѣтви дерева.

Въ иныхъ мѣстахъ парни и дѣвицы проводятъ навечеріе праздника Іоанна Крестителя гораздо приличнѣе и наивнѣе. Послѣ полудня они, по условію, сколько дѣвицъ, столько и парней, всѣ разомъ отправляются на лугъ подлѣ рѣки или озера и, пришедши на избранное мѣсто, сперва каждое лицо собираетъ луговые цвѣтки и дѣлаетъ вѣнокъ. По свивкѣ вѣнка попарно, какъ попало, пускаютъ поочередно свои вѣнки на воду и слѣдятъ за уплываніемъ ихъ. Это есть невинное гаданіе о судьбѣ своей: напр. разлученіе вѣнковъ означаетъ не судьбу парѣ; потонетъ ли одинъ вѣнокъ— смерть; остановится ли одинъ вѣнокъ и прилучится къ другому— не быть въ парѣ съ избраннымъ лицомъ и проч. Это подаетъ и парнямъ и дѣвицамъ причину къ разглагольствію и смѣхамъ. По окончаніи этой забавы, всѣ выбираютъ одного изъ парней лучшаго и одну изъ дѣвицъ лучшую и ставятъ ихъ царемъ и царицею начинаемыхъ танцевъ; становятся всѣ попарно, поютъ купальныя пѣсни и подъ звуки ихъ танцуютъ. Главный купалишъ и главная купалка распоряжаются танцами. Уставши немного, какъ дѣвицы, такъ и парни садятся въ кружокъ и дѣвицы вынимаютъ принесенный ими запасъ закусокъ, подчуютъ кавалеровъ и сами угощаются. По окончаніи закуски, опять по голосу старшаго купалиша

и старшей купалки становятся въ пары и танцуютъ, пока настанетъ вечеръ.

Есть еще повѣрье, хотя въ настоящія времена уже обратившееся въ басню, яко бы въ ночь предъ днемъ Ивана Купалы огромныя денежныя суммы, даже съ заклятіемъ зарытыя въ древности въ землю, сами выходятъ на поверхность для пересушки; яко бы стражею этихъ пересушивающихся богатствъ бываетъ нечистая сила, разными привидѣніями угрожающая дерзающему подступить къ нимъ; яко бы къ безпрепятственному овладѣнію ими служитъ единственнымъ средствомъ огнистаго цвѣта цвѣтокъ папоротника, который въ самую полночь разцвѣтаетъ и въ туже минуту отцвѣтаетъ и скрывается въ травѣ, никѣмъ не видимый. Если кому въ эту полночь случится итти по папоротнику, то онъ счастливцу можетъ запасть въ лапоть, и тогда никакая нечистая сила не посмѣетъ оспаривать открывшихся сокровищъ у обладателя папоротнаго цвѣтка. Многіе молодые люди, бывало, пускались бродить чрезъ цѣлую ночь по лѣсу съ папоротникомъ, но никто изъ нихъ не былъ въ числѣ счастливцевъ.

Еще есть повѣрье, якобы солнце при восхожденіи своемъ въ день Рождества Іоанна Крестителя играетъ, то вспрыгивая вверхъ, то принимая разные цвѣта брилліанта, изумруда, аметиста и другихъ драгоцѣнныхъ камней, то вдругъ увеличиваясь. Полагатѣ можно, что это явленіе природы могли замѣтить только тѣ, которые чрезъ цѣлую ночь бодрствовали, ища сушащихся сокровищъ и надѣясь быть счастливыми обладателями папоротнаго цвѣтка.

9. Чуды.

6 Сентября. Воспоминаніе чудесъ въ Хонѣхъ отъ Архистратига Михаила.

У простолюдиновъ Чуды есть праздникъ глубоко уважаемый, такъ что по многимъ мѣстамъ во время его ни пашутъ, ни жнутъ, ни рубятъ, а въ особенности не молотятъ и даже противъ этого дня въ гумнѣ не раскладываютъ огня, говоря, что у всѣхъ тѣхъ горятъ гумны, которые на Чуды раскладываютъ огонь.

10. Дзѣды.

Какъ ни странно названіе поминальной субботы—Дзѣды, оно вполнѣ выражаетъ мысль: 1) воспоминанія отцовъ седьмого вселенскаго собора (?) въ Октябрѣ и 2) поминовенія своихъ родителей, дѣдовъ и прадѣдовъ и моленія за упокоеніе ихъ. *)

Есть повѣрье, яко бы прадѣды, дѣды, родители и проч. родные, умершіе въ эту субботу, приходятъ въ гости на обѣдъ къ дѣтямъ своимъ, почтившимъ ихъ поминовеніемъ въ церкви. Для этого нѣкоторые хозяйки дома, накрывъ столъ бѣлою скатертью, ставятъ на столъ полныя мисы, налитыя ото всѣхъ, приготовленныхъ въ этотъ день кушаньевъ, и вся семья смиренно, съ какимъ-то благоговѣніемъ стоитъ предъ столомъ нѣкоторое время, яко бы времени, пока покойники покушаютъ хлѣба-соли, потомъ вся семья садится за столъ обѣдать. Говорятъ, что бываютъ такіе избранные, которые удостоиваются видѣть всѣхъ родственниковъ умершихъ, рядомъ сидящихъ за столомъ, какъ живыхъ. Но только избранники эти должны приготовить себя къ тому, а именно: предварительно чрезъ цѣлый годъ не смѣяться и болѣе молчать. Хозяйка же, если бы хотѣла видѣть „родзицелей", т. е. покойниковъ, сидящихъ за столомъ и обѣдающихъ, то должна съ самаго утра и до самаго обѣда и отхода покойниковъ-гостей ни съ кѣмъ не говорить. Одна, говорятъ, хозяйка, выдержавъ эпитимію молчанія, дождалась увидѣть покойниковъ, какъ живыхъ, входящихъ въ избу. Но, къ несчастію, обрадовавшись прибытію ихъ, вскрикнула, и всѣ гости загробнаго міра во мгновеніе ока ушли назадъ. Слѣдующій расказъ еще наивнѣе о неудачѣ, помѣшавшей дзѣдамъ—покойникамъ отобѣдать у своихъ живыхъ внуковъ. Семьянинъ одного двора захотѣлъ видѣть непремѣнно своихъ покойныхъ дѣдовъ, т. е. отца дѣда, прадѣда и дядей за обѣдомъ въ Дмитровскую Субботу, сидящихъ за столомъ въ своемъ домѣ. Онъ цѣлый годъ не смѣялся и болѣе молчалъ все. Наконецъ видитъ, что когда мать его поста-

---

*) Воспоминаніе отцовъ 7 Собора—11 Октября; поминальная же суббота (дмитровская) въ концѣ мѣсяца (26 Окт. св. Димитрія Солунскаго). Едва ли между двумя этими днями имѣется какая нибудь связь. *Прим. О. М.*

вила на столъ всѣ мисы горячихъ кушаньевъ, чрезъ вершокъ курной избы ихъ лѣзутъ и спускаются покойный отецъ его, дѣдъ и прадѣдъ и сѣли чинно за столъ; вдругъ видитъ, что покойный дядя его тоже хочетъ пролѣзть тѣмъ же путемъ, но борона, которую онъ тащилъ за собою, не сгибалась подобно тѣлу и не пускала его сквозь вершокъ избы: борона эта была уворована дядею еще въ земной его жизни и онъ грѣхъ этотъ, не сознавшись священнику на духу, занесъ на тотъ свѣтъ. Это обстоятельство, что дядю у вершка задержала борона, такъ показалось смѣшнымъ духовидцу нашему, что онъ захохоталъ. И всѣ родичи вылетѣли изъ за стола тѣмъ же путемъ черезъ вершокъ, недотронувшись до хлѣба-соли гостепріимной его матери.

Въ иныхъ мѣстахъ существуетъ иное обыкновеніе угощать въ этотъ день покойниковъ-дѣдовъ. Хозяйка изъ каждой мисы наливаетъ понемножку на тарелочку деревянную, а хозяинъ льетъ туда-же немного горѣлки изъ рюмки и эту тарелку ставятъ у отвореннаго окошка для невидимыхъ гостей *).

11. Къ праздникамъ Бѣлорусскимъ можно отнести свѣчныя отправленія молебствій.

Заведеніе свѣчныхъ молебствій, отправляемыхъ по домамъ избраннымъ праздникамъ господскимъ или угодникамъ Божіимъ, съ приличнымъ угощеніемъ посѣтителей таковаго отправленія, ведетъ начало свое изъ глубокой древности. Въ историческихъ актахъ Западной Россіи, собранныхъ протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ, видно, что старинные обыватели и купцы всѣхъ почти Бѣлорусскихъ городовъ и многолюдныхъ мѣстечекъ (пригородковъ) имѣли набожное обыкновеніе нетолько въ храмахъ, но и по своимъ домамъ приглашать духовенство для торжественнаго отправленія молебствія въ большіе праздничные годовые дни, какъ-то: Рождество и Воскресеніе Христово, день св. Троицы и въ 7-ю субботу по Воскресеніи Христовомъ, на Благовѣщеніе, Рождество, Успеніе и Покровъ Пресвятой Божіей Матери и въ дни избранныхъ ими святыхъ угодниковъ Божіихъ, какъ-то: святителя Нико-

---

*) Ср. съ обычаемъ Олон. губ. (моего Ист. Об. Р. Слов. стр. 93) Также Новгор. Сборн. I, 286. *Прим. Ор. Миллера.*

лая Чудотворца, святого Георгія Побѣдоносца, святыхъ Апостоловъ Петра и Павла и святого Архистратига Михаила. По совершеніи молебствія, они торжествовали эти дни съ угощеніемъ всѣхъ гостей, присутствовавшихъ при немъ, столомъ и нарочито для этихъ дней приготовленнымъ питнымъ медомъ. Но какъ медъ питной составлялъ напитокъ, принадлежавшій королевскому откупу, то купцы и мѣщане городовъ: Вильна, Минска, Витебска, Орши, Мстиславля, Кричева и другихъ просили королей польскихъ дозволить имъ свободу къ опредѣленнымъ праздничнымъ днямъ безпошлинно самимъ варить медъ и употреблять таковой въ теченіи исключительнаго на этотъ предметъ времени. Члены свѣчного общества сносили сотовой медъ въ складъ до 10 пудъ на каждый праздникъ, воскъ же отъ каждыхъ 10 пудовъ обращали въ пользу церквей, а доходъ отъ питного меда на милосердныя и богоугодныя дѣла (см. А. З. Р. т. III, № 109 и 131 и т. IV № 38 и 39). Изъ этихъ обществъ составлялись братства, имѣвшія общественные домы, гдѣ они собирались. Братства эти по большимъ городамъ нашедши средства расширить доходы свѣчныхъ обществъ до значительныхъ размѣровъ, старались поддержать Православіе и устраивали училища, богадѣльни и другія полезныя заведенія. (См. т. IV № 119, 217, 218 и 219).

Въ нынѣшнія времена между Православнымъ простонародіемъ, даже между дворянами околицъ и между городскими мѣщанами подобнымъ образомъ празднуется отправленіе свѣчныхъ молебствій, но раздѣляясь на два рода отправленія. Первое: отправленіе свѣчныхъ молебствій принимаетъ на себя одинъ, безъ соучастія другихъ, домовитый хозяинъ въ селеніи, по какимъ либо обстоятельствамъ въ жизни своей положившій святое обѣщаніе завесть въ домѣ своемъ ежегодное празднованіе свѣчного молебствія избранному имъ Господскому или Богородичному празднику, или одному изъ святыхъ угодниковъ Господнихъ. Для этого онъ первоначально беретъ у священника огарокъ обыкновенной церковной свѣчки въ основаніе заводимой имъ свѣчи и къ этому огарку, увеличивая фитиль, прибавляетъ воску, сколько найдетъ возможнымъ. Сдѣланную простымъ образомъ свѣчу ставитъ онъ передъ иконою въ обыкновенномъ мѣстѣ на кутѣ, вмѣсто подсвѣчника, въ неболь-

шой лубочкѣ, наполненной рожью или пшеницею. Потомъ проситъ своего приходскаго священника прибыть къ нему въ избранный имъ праздникъ по отправленіи литургіи для совершенія молебствія въ его домѣ. Къ этому молебствію онъ обыкновенно приглашаетъ родственниковъ своихъ, кумовей и, по усмотрѣнію, сосѣдей, которые, само по себѣ, на увеличеніе свѣчи на будущее время приносятъ воскъ, или деньги на воскъ. По совершеніи молебствія съ освященіемъ всего дома святою водою, скота и гумна, хозяинъ угощаетъ всѣхъ обѣдомъ. При угощеніи употребляется водка, а иногда и пиво.

Въ одномъ селѣ или деревнѣ могутъ быть два или три или болѣе хозяина, которые, подобно первому, отправляютъ въ домахъ своихъ свѣчныя молебствія въ другіе дни праздниковъ или въ честь другихъ святыхъ, которыхъ они избрали своими покровителями.

День отправленія свѣчного молебствія Бѣлоруссы проводятъ какъ день великаго праздника и часто праздникъ оканчивается очень шумно подъ вліяніемъ угощенія водкою. Бывало даже, что слѣдующій день и даже третій празднуютъ простолюдины въ корчмѣ: но священники запрещеніями уничтожили этотъ вредный для хозяйства обычай.

Свѣча такимъ образомъ отъ прибавленія ежегодно воска хозяиномъ и пожертвователями увеличивается, такъ что черезъ 4 года вѣситъ до 2 пудовъ, равно какъ и наличныхъ денегъ, приносимыхъ вмѣсто воска, доходитъ до 6 и болѣе рублей. Когда свѣча сдѣлается тяжела, то хозяинъ, снявъ съ нея верхнюю небольшую часть, гдѣ она зажигается, отвозитъ весь воскъ въ церковь и впослѣдствіи времени, когда къ нему еще и еще прибавятъ, съ согласія священника и церковнаго старосты, продастъ, и деньги, совмѣстно съ собранными, какъ выше сказано, обращаетъ, по совѣту священника, на покупку или новаго евангелія, или чаши, или утвари церковной, или на пріобрѣтеніе колокола или на починку церкви.

Другой родъ отправленія свѣчного молебствія есть дѣло не одного хозяина, а нѣсколькихъ въ одномъ селеніи или даже мѣстечкѣ, въ честь одного и того же праздника или святого угодника Божія. Эта свѣча называется общинною или мірскою. Одному хозяину селенія, при вспомоществованіи другихъ только воскомъ въ свѣчномъ дѣлѣ, ощутительно тяжело дѣлать ежегодно угощеніе при

этомъ случаѣ, а также каждый разъ удовлетворять священника и причетъ за пріѣздъ и совершеніе молебствія въ его домѣ; почему участвующіе въ этомъ отправленіи охотно приняли, по предложенію священника, на себя очередь отправленія молебствія въ извѣстный день въ ихъ домѣ въ послѣдующіе годы и весь порядокъ угощенія и удовлетворенія духовенства.

Для этого между хозяевами-братчиками заведенной мірской свѣчи условливается порядокъ, кому за кѣмъ ежегодно принимать въ свой домъ свѣчу. Таковая передача свѣчи требуетъ нѣкоторыхъ церемоній или простонародныхъ обрядовъ, а именно: въ слѣдующій день послѣ отправленія свѣчного молебствія утромъ приходитъ къ прежнему хозяину новый братчикъ, т. е. берущій къ себѣ заведенную свѣчу, съ сосѣдомъ, для свидѣтельства. Хозяйка отставляетъ столъ, покрываетъ его бѣлою скатертью и вносить на него цѣлый хлѣбъ и полную бутылку водки, а хозяинъ, взявъ съ кута свѣчу и икону, ставитъ на главномъ концѣ стола; потомъ, взявъ бутылку съ водкою и наливъ полную рюмку, стоя у главнаго конца стола, кланяется братчику, стоящему противъ него у другого конца, пьетъ за здравіе его, немножко прихлебывая изъ нея и такъ, не допивая, передаетъ новому братчику, который также отхлебываетъ немножко и передаетъ хозяину. Чередуясь такимъ образомъ три раза, послѣдній оканчиваетъ всю рюмку. Это дѣйствованіе называется у простолюдиновъ: перепивать свѣчу. Тогда хозяинъ, взявъ въ одну руку свѣчу, а въ другую икону, становится у главнаго отъ кута угла, а братчикъ у прямого угла на крестъ, крестится и дѣлаетъ земной поклонъ иконѣ. Потомъ оба переходятъ по порядку къ слѣдующимъ угламъ стола съ подобнымъ же поклоненіемъ со стороны братчика. Это обхожденіе кругомъ стола продолжается три раза. За окончаніемъ третьяго обхожденія, выходятъ изъ избы и идутъ всѣ въ домъ братчика. Хозяйка за иконою несетъ хлѣбъ въ рѣшетѣ. За прибытіемъ къ дому братчика, хозяйка его встрѣчаетъ церемоніею съ хлѣбомъ-солью и, сдѣлавъ вмѣстѣ съ мужемъ три земные поклона предъ иконою, новобратчикъ принимаетъ отъ прежняго хозяина икону и свѣчу, а хозяйка его хлѣбъ и идутъ въ избу, гдѣ все оканчивается легкимъ угощеніемъ.

Свѣчныя молебствія у Бѣлорусскихъ простолюдиновъ совершаются, по собственному хозяина дома желанію, въ слѣдующіе дни праздниковъ.

1) Васильевская свѣча,—на новый годъ.

2) Благовѣщенская, большею частью отправляемая женщинами.

3) Юрьевская или Юрьевщина,—въ день св. Георгія, 23 Апрѣля

4) Мироносицкая, отправляемая женщинами, особенно по мѣстечкамъ и городамъ, съ отправленіемъ молебствія при близкомъ источникѣ, при которомъ находится часовня или крестъ.

5) Микольская или Микольщина, въ честь Св. Николая Чудотворца, 9 Мая.

6) Предтеченская, 24 Іюня.

7) Петро-Павловская, 29 Іюня.

8) Ильинская, 20 Іюля.

9) Глѣбоборисовская 24 Іюля въ честь Глѣба и Бориса, покровителей полевыхъ работъ и рабочаго скота.

10) Успенская, 15 Августа.

11) Спасская, 16 Августа.

12) Хроловская или Хроловщина, 18 Августа, въ честь Флора и Лавра, почитаемыхъ простонародіемъ покровителями домашняго рогатаго скота.

13) Малая Пречистенская, 8 Сентября.

14) Покровская или Покровщина, 1 Октября.

15) Козмодемьяновская, 1 Ноября.

16) Михайловская или Михайловщина, 8 Ноября.

17) Екатерининская, 24 Ноября, отправляемая обществомъ женщинъ.

18) Варваринская, 4 Декабря, отправляемая обществомъ женщинъ.

19) Микольская, 6 Декабря.

О пѣсняхъ, употребляемыхъ при полевыхъ работахъ, и въ особенности о жнивныхъ.

Полевыя работы, какъ мужскія, такъ и женскія, бываютъ: 1) Одиночныя, по собственному хозяйству; 2) съ помощію прошенныхъ на толоку сосѣдей, и 3) пригонныя—господскія. Работы мужскія, какъ одиночныя, такъ и совмѣстныя, рѣдко оглашаются пѣснями;

мущины поютъ только въ случаѣ куража въ веселой дружественной бесѣдѣ и на свободѣ отъ работы, какъ-то: на крестинахъ, вечеромъ послѣ отправленія свѣчного молебствія, вечеромъ при угощеніи на толокѣ и при другихъ подобныхъ случаяхъ, гдѣ они ничѣмъ не озабочены, но въ полѣ они рѣдко очень вдаются въ пѣсни. Но женщина, хотя бы и одна работала въ полѣ, непремѣнно развлекаетъ одиночество свое, чтобы тѣмъ дать отголосокъ другой, подобной себѣ труженицѣ, въ недалекомъ разстояніи работающей. Женщина даже за прялкою въ домѣ или при мытьѣ бѣлья на рѣкѣ—поетъ. Полевыя же работы женскія, какъ-то: полотье взошедшаго посѣва, уборка конопли или льну и собираніе ягодъ и грибовъ никогда не совершаются безъ пѣсень разнаго содержанія. Но жатва имѣетъ въ своемъ отдѣлѣ обильный запасъ пѣсень: ея обстановка, особенно при совмѣстныхъ занятіяхъ на собственномъ или господскомъ полѣ, возбуждаетъ фантазію и поэтическую импровизацію новыхъ пассажей, какъ-то: Коморочки мои, не кусайце мене, кусайце пановъ—не пускаюць домовь. Йли: пора, жонки, домовь ици, поцеряла заря ключи и т. д.

Праздничныя пѣсни.

А. Колядныя.

а) Поздравительныя.

1.

Старый Восипъ бородатый
Всполохався, скочивъ съ хаты:
„Што гето, дзѣтки, за прокуда?
Небо горицъ, надъ чудомъ чудо!“
Вангели хорошо спѣваюць,
На жулейчикахъ (*свирѣлкахъ*) играюць,
Кажуць: Христосъ народзився,
Въ Вихлеемѣ намъ зъявився.
Побѣжимъ вси до Него,
Привитаемъ *) мы Его.
Неба и земли князь богатый
Не прибрався въ царски шаты (*ризы*),
Нема у Его жменьки (*горсточки*) сѣнца,
А ни полоценца рубца, **)
Тольки надъ Имъ дышецъ бычокъ,
Зъ другой строны ослячокъ.

2.

Химка зъ Ганкою, дзвѣ молодзицы,
Принясли на куццю по латушцѣ (*мисочкѣ*) пшеницы,
А Борисъ стоицъ подъ вокномъ,
Дзержицъ поставчикъ (*сосудецъ*) съ толокномъ.
Кузьма и Дземьянъ, два Литвины,
Принесли горшочекъ боцьвиння.

---

*) *Витáць*—привѣтствовать.
**) *Рубъ*—толстая одежда.

Пречистая поглядае,
На Литвиновъ нарекае:
„Якъ же вы глупы, Литвины,
Не ѣсць Христосъ мой боцьвиння,
Принесице кашки зъ молочкомъ,
Альбо зъ медо́вымъ сочкомъ;
За то Христосъ ласковъ будзець,
По вѣкъ вѣковъ не забудзець.“

3.

Ой стукъ, матка, стукъ,
Што-то ёно тутъ?
Ци хто стрѣху разрывае,
Ци хатоньку верне?
Цихо, сынку, морозъ стучиць,
Колядыньку голоси́ць;
Будуць блинки и ковбасы,
Горѣлочка зъ медкомъ.
Пойдзешь, сынку, до сусѣда
Пѣсенку спѣваци,—
Ой у тэй часъ ты зобачишь
Што стучѣло въ хацѣ.
Што тэй морозъ, моя матка,
У сусѣда не бывае?
То я цеперь да побѣгу
Пѣсенку спѣваци.
Нехай, сынку, почекаемъ (*подождемъ*)
Бѣленькаго свѣту.
Въ той часъ будзе пора̀ спѣвацъ,
Што Богъ народзився;
А ты, бѣдный да мой сынку,
Въ тэй дзень отговѣвся.

4.

Скинія всезлатая, ковчегъ завѣта
Знаменуетъ въ пелены Христа одѣта:

(Припѣвъ) Радуйся Марія, радуйся присно-Дѣво,
О нетлѣнномъ рождествѣ Твоемъ!
Въ Виѳліемѣ надъ вертепомъ звѣзда явися
И въ вертепѣ въ ясляхъ Христосъ родися.
Радуйся Марія, радуйся присно-Дѣво,
О нетлѣнномъ Рождествѣ Твоемъ!

б) Пѣваемыя на игрищахъ и сходбищахъ.

Тыдзень, тыдзень (*недѣля*) до Колядъ
Панъ съ челядзи да и нерадъ.
Скажу, панъ, тобѣ безъ спорокъ (*споровъ*),
Мнѣ уже твой хлѣбъ ставъ горекъ,
Отдай панъ мнѣ коляду,
Уже я отъ цебе пойду.

5.

Да́й ѣхавъ я ѣхавъ, (припѣвъ) Ко́леда!
Ми́мо гаю зеленаго, Коледа!
Мимо саду вишневаго, К.
Да бачивъ (*увидѣлъ*) я яблонку, К.
Зелененька цвѣла, К.
Да бѣлымъ цвѣтомъ, К.
Да широкимъ листомъ, К.
Якъ и не зачепавъ, К.
За голинку (*вѣточку*) не бравъ, К.
Да чекавъ я весны, К.
Да цёплаго лѣцичка, К.
Кабъ ёна дозрѣла, К.
И мнѣ молодому поспѣла, К.
Ѣхавъ я молодзенекъ, К.
Мимо цесцина двора, К.
Да бачивъ дзѣвочку, К.
Хорошѐнько убрана, К.
По двору похожае, К.
Я жъ и не чепавъ, К.

И за ручку не бравъ, К.
Кабъ ёна выросла, К.
Да за меня пошла, К.

6.

Да казавъ хмѣлёкъ, да на тычинцѣ сидзючи:
Чему мене да не брали?
Да казавъ хмѣлекъ, да посыхаючи:
Чёмужъ мене да не ховали?
Уже жъ вы мене цеперь не возьмеце,
А ни въ бѣлые мѣшечки,
А ни въ дубовыя кадочки:
Ужо жъ я разкачуся,
Ужо же я разсыплюся.
Да казавъ Кузёмка, да выходзючи съ хаты:
Чёму мене въ восень не женили?
Ужо жъ вы мене цеперь не удзержице,
Ужо жъ вы мене цеперь не углѣдзице,
А ни у бѣлой сермяжцѣ,
А ни въ новой хатцѣ.
Пойду жъ я блукаючи (*блуждая*),
Собѣ дзѣвоньку шукаючи.

7.

У Левона куцьцю товкуць
Куць, куць, куцьцю товкуць,
У Левона вороты завѣшаны
Сукномъ да червоною китайкою.
У середу снѣгъ напавъ,
А мой милый съ коня спавъ,
Якъ спавъ, такъ и лежиць,
Покуль мила прибѣжиць.
А якъ мила прибѣжала,
За рученьку подзержала:
Устань, милый, не лежи,
Пойдзи коня привяжи.

8.

Вечеръ, вечеръ, вечериночка...
Хто тамъ ѣдзе? Горениночка,
Ѣдзѣ Андрейко пьяный:
„Отчини, Кацеринка, я твой коханый“.
—Не отчинюся, брата боюся,
А процивъ цебе сама ли́сцемъ сцелюся.

9.

Идзи прочь, не морочь, съ своимъ залецаннемъ (*увѣреньемъ*),
Оддай мою шириночку съ разнымъ вышиваннемъ;
Оддай мое два персцёнка, треццю закоклюшку,
Коли мене ты не любишь, люби хоць лягушку.
Идзи прочь, не морочь, идзи собѣ къ бѣсу:
Не для цебе веселюся, свою бѣду цѣшу.

10.

Гэй-чукъ, дзѣвка, люблю цебе,
Не ѣшь хлѣба, возьму за себе.
Дзѣвка того послушала,
Три дни хлѣба не кушала.
— А скурвы сынъ обманивъ
И зъ голоду уморивъ.
— А ты, дзѣвка, не дмися, *)
Возьми блиновъ, нажрися.

11.

Черезъ горочку три сцежечки (*тропиночки*), Боже нашъ!
Ишли туды три дзѣвочки, Боже нашъ!
Одна ишла въ золоцѣ, Б. н.
Другая въ аксамицѣ, Б. н.
Трецця въ розумѣ. Б. н.
Што въ золоцѣ, то Васи́лькова, Б. н.

---

*) *Дмáцьца*—надмеваться, гнѣваться.

Што въ аксамицѣ, то Максимкова, Б. н.
Што въ розумѣ, то Янечкина, Б. н.
Я золота хоць припозычу (*призайму*), Б. н.
Аксамиту хоць прикуплю Б. н.
А розуму а ни вцяць, а ни взяць. Б. н.

12.

Ель моя зелёная! свекрова шалёная (*злая*)!
Загадала мнѣ три дзѣлы дзѣлаци:
Першее дзѣло въ недзѣлю плацьце жлукциць (*бучить*),
Другое на морѣ бѣлиць,
Трецдее дзѣло верхъ лѣсу сушиць.
Свекровка, моя маточка!
Я не Татарка въ недзѣлю жлукциць,
Я не вуточка на морѣ бѣлиць,
Я не совнико (или соненько) верхъ лѣсу сушиць,
Я не зорочка на небѣ качаць,
Я не щурочка (*мышенокъ*) въ орѣшкў складаць.

в) На счетъ собирателей подаянія и скомороховъ колядныхъ.

13.

Пріѣхала Коледа на сивомъ конику,
Поставила Коника у одринцѣ (*конюшнѣ*),
Сама сѣла на куцѣ у перинцѣ,
Поставила дудочки на стовпѣ:
Грайце дудочки голосно
Скачце дзѣвочки хорошо.

14.

Пошла Коледа колядуючи
Да за ею хлопцы жебруючи. Коледа!
Пошла Коледа по леду
Разсыпала Коледа коляду.
А вы дзѣвочки не гуляйце,
Да йдзице коле ду сбирайце! Коледа!

15.

У пановъ нихто безъ спросу
Не поткнецъ въ бесѣду носу:
А нашъ братъ сусимъ просцякъ,
Въ корчму смѣло лѣзёцъ ўсякъ.
Нашъ такій мужицкій норовъ
И безъ зову и безъ споровъ;
Почувъ — граюцъ ци пѣюцъ,
Ци побачивъ, а й дзѣ пьюцъ,
По неволѣ туды ноги
Найдуцъ хоцъ и три дороги.
Старцу если не накладъ:
Походзецъ подъ самый ладъ.
Особливо у Коляды
Побесѣдовацъ мы рады,
Намъ тогды слободный часъ,
Не неволюцъ паны насъ.
У пановъ своя бесѣда!
Каженъ любицъ у сусѣда
Поцягнуцъ (*потянуть*) и погуляцъ.
И нашъ братъ на тую-жъ стацъ:
Тымъ смѣлѣй коли въ кишени (*карманъ*)
Гроши ў кого зазвинѣли.
Якъ колядны придуцъ святки,
Разомъ ўси бацькй й матки
Бредуцъ въ корчму на банкетъ,
И дзѣтва за ими вслѣдъ.
Соберуцца молодзицы,
Хлопцы и красны дзѣвицы,
Молодый увесь народъ
На игрище въ карогодъ.
Позовуцъ сюды Архипку;
Молодзецъ—въ свою ёнъ скрипку!
На уси животы берецъ,
Веселухи ўсе дзерецъ!

Ци на ӥгрищи, ци веселле (*свадьба*),
Хоць то правда, ёнъ съ похмелля
Не выходзиць, всёгды керъ (?)
Да ўжо жъ и на скрипку звѣрь.
  Позаймёмъ услоны (*скамьи*), лавки;
Троху тутъ и не безъ давки.
А дзѣвчаты и хлопцы,
Удалые молойцы,
Розные выводзиць скоки,
Хто въ присядку, а хто въ боки.
Тутъ то есць на што глядзѣць!
Туто иншій молодзецъ
Розныя, якъ бы зъ навуки,
Выкидаець въ танцахъ штуки;
Отобиць усихъ дзѣвчатъ:
Тутъ нихто ему не братъ.
То присядзець, то подпригнець,
То вочами ёнъ подмигнець,
То верцицца якъ турокъ (*волчокъ*),
Маргелку (*шапку*) схиливъ на бокъ,
То присвиснець, то притопнець,
То подъ ладъ въ ладони хлопнець,
То штурхнець (*бросится*) подъ бокъ кому,
Не мѣшали штобъ ему,
То вьюномъ околъ дзѣвокъ,
Не жалѣець своихъ цэвокъ (*голеней*),
Въ емъ уся говорыць косць,
Всимъ себрамъ (*пріятелямъ*) своимъ на злосць.
Енъ въ кругу летаець пцицей
За имъ дзѣвки вереницей.
  Старики-жь собѣ мы тутъ
Сядземъ зъ бабами на кутъ,
Межъ собою станемъ зюкаць (*бесѣдоватъ*)
И подъ рядъ горелку клюкаць.
Ци Левонъ, ци не Левонъ,
Зъ ряду ў насъ нихто не вонъ!

Никому мы не даруемъ,
Попиваемъ и старуемъ (*толкуемъ*)
Безъ горхухи не тый ладъ
Усякъ найгрищи выпиць радъ.
Наша складка не богата
Въ доволь по кварцѣ на брата.
Хто поважно тутъ сѣдзиць,
За лучиной хто глядзиць,
Хто пѣець, хто пипку курыць,
Казки кажець, а хто дуриць,
Альбо кошели (*сплетни*) плецець
На сусѣди, — якъ живець.
Кажному тутъ ёсць работа,
Кажному своя охота.
Коли жъ придзець намъ пора,
Чесно пойдземъ до двора.
Коли жъ черци насъ поднукнуць
Болѣй выпиць, болѣй клюкнуць;
Ну! тогды не быць добру,
Дойдзець кажному себру.
Ци хто выпьець болѣй кварты,
Ну тогды худые жарты;
Пойдзець тутъ усимъ къ бѣдзѣ,
Достанецца й бородзѣ.
Неуковырные (*неугомонные*) поганцы
Инiе поднимуць танцы:
Примуцца дзѣлиць чубы,
Понасталюць (*понатрутъ*) вочи, лбы.
У кого й сермяжку знимуць
До расчцоту якъ непримуць
Што ёнъ лишнее набравъ,
Альбо въ чимъ другимъ не правъ.
Дзѣло дойдзець до чубайки (*вихрà*),
Не разнимуць безъ нагайки.
А на завтра икономъ
Ни похмелле бизуномъ

Усихъ, кого заставъ, поцѣшиць
И спину порядкомъ счешиць.
  Тутъ, при неладу такомъ,
Наше брацця, хто съ умкомъ
Цихенько съ игрища драла.
Колибъ тая не хворала!

16.

Антонъ козу ведзець,
Антонъ и погоняець,
Не попало по козѣ
Да и'Антоновой нозѣ. (Пѣсня не вся) *)

17.

Ве́черъ ве́черъ вече́ра
На припечку сѣдзѣла,
Кудзелочку верцѣла,
На сусѣдку глядзѣла,
Одна одну спихнула,
И ноженьку звихнула.

Б. Благовѣщенскія и весеннія.

1.

Благовѣщеннико святое,
Пошли совнико золотое,
Штобъ земелька отышла,
Да красна Весна къ намъ пришла,
Штобъ распусцилися вѣточки,
Штобъ раскраснѣлися квѣточки,
Штобъ луги зазеленѣлися,

---

*) Полный пересказъ этой пѣсни у Зѣнкевича въ Пинскихъ пѣсняхъ стр. 40 Ср. у Рипинскаго въ книжечкѣ: Bialoru, стр. 181—182. Коза несомнѣнно имѣетъ тутъ миѳическое значеніе (Снегир. Пр. и Обр. II, 69. Grimm, D. Mythol, 483) *Прим. О. М.*

Наши пашеньки одзѣлися.
А й мы пойдземъ въ лѣсъ по мяточку.
Ци за щавлемъ въ свою нивочку.

2.

Ой ты, Весна, Весна! што жъ ты намъ принесла?
Ой, ничего не принесла, да зъ засиковъ жито выгребла.
Принесла я, принесла малымъ дзѣткамъ по яечку,
Молодымъ молодкамъ по сыночку,
Старымъ бабулькамъ по кіёчку,
Молодымъ дзѣвицамъ по вѣночку,
А добрымъ дзѣцюкамъ (*парнямъ*) по конёчку.

3.

Благослови, Божія маци, весну гукаци,
Зиму замыкаци, лѣто отмыкаци.

В. На св. Георгія.

Ой выйду я на вулочку, бычки бушуюць,
Юрья, Юрья! бычки бушуюць!
Бычки бушуюць, бо весну чуюць,
Юрья, Юрья! бо весну чуюць.
(Первое полустишіе всякій разъ повторяется).
Зашумѣли рѣчки, лёды поплыли,
Зачернѣла землица, бо поорали,
Зазеленѣла береза, бо попу́калася,
Зазеленѣла долина, цвѣтки зацвѣли.
Зазеленѣла дубрава, пташки спѣваюць.
Ой выйду я, выйду цвѣтки собираци,
Цвѣтки собираци, да вѣночки вици,
Вѣночки вици, Юрья хвалици (или: славици).

2.

Разыгрався Юрьевъ коникъ,
Разбивъ камень копыцикомъ:

У томъ камни ядзерка нѣтъ,
У нашихъ дзѣцюковъ правдыньки нѣтъ.
Разыгрався Юрьевъ коникъ,
Разбивъ орѣхъ копыцикомъ,
Въ томъ орѣху ядзерко ёсць.
У нашихъ дзѣвочекъ правда ёсць.

Г. На Воскресеніе Христово.

1.

Дзень добрый тобѣ, пане господарю!
Христосъ Воскрёсъ сынъ Божій!
Да черезъ поле, широкое поле,
Хр. В. (припѣвъ за каждымъ стихомъ).
Да черезъ межи золоценькія
Ишли цекли волочебнички,
Да пыталися славнаго пана,
Славнаго пана, пана господаря.
Да чимъ же ёнъ уславився?
И добромъ своимъ, и дворо́мъ своимъ.
Помета́юць дворы усё па́вимъ перомъ,
Усё павимъ перомъ, золотымъ крыломъ.
Ставляе столы ўсё цисовые,
Засцилае столы ўсё китайкою,
Усё китайкою ўсё зелёною,
Ставляе кубки ўсё серебряные,
Наливае кубки зеленымъ виномъ,
Зеленымъ виномъ, чорнымъ пивомъ,
Чорнымъ пивомъ, да солодкимъ медомъ.
Зеленое вино пану господарю,
Чорное пиво для жоны его,
Солодокъ медокъ для его дѣтокъ.
Дай тобѣ Боже, пане господарю,
Да пиво варици, да сына женици,
Горѣлочку гнаци, дочки отдаваци.

Дай тобѣ Боже, пане господарю,
И у коморѣ, и у оборѣ (*скотномъ дворѣ*),
А гдзѣ гора, тамъ жита копа,
Гдзѣ тольки логъ, тамъ сѣна стогъ.
Пане господарю! Не кажи такъ ици,
Не кажи такъ ици, кажи падарици;
Да наши дары не великіе;
Волочобнички не докучнички;
Да въ годъ ходзюць, да Бога просюць.
Починальничку по дзесятничку,
Старшему пѣвцу да копу яецъ,
А михоношу (или кошеленошу) да пирогъ къ носу.

2.

Ишли пришли волочобнички, Хр. в. С. Б.
Играючи и спѣваючи, Хр. в. С. Б.
Добраго пана шукаючи.
Добры вечоръ, пане господарю!
Ци спишь, ци такъ лежишь, нашь господарю?
Коли да спишь, Богъ съ тобою,
Коли жь не спишь, мовь зо мною.
Отчини вокно, поглядзи на дворъ:
На твоемъ дворѣ стоиць шацеръ
Новюсенькій, бѣлюсенькій.
А въ тымъ шатрѣ золотое кресло,
На тымъ креслѣ самъ Богъ сѣдзиць;
Передъ Богомъ стояць уси святочки (*праздники*),
Яны шикуюцца *), да рахуюцца (*считаются*),
Которому святу наперёдъ пойци.
Святые Сороки наперёдъ пошли, (9 Марта)
Святый Лексѣй сохи чешецъ, (17 Марта)
Благовѣщеннѐ да завориваецъ, (25 Марта)
Святый Вербичъ вербу посвѣцаецъ, (Вербное Воскресенье)
Чистый Чецверъ ячмень засѣваецъ;
Святое Величко съ краснымъ яичкомъ, (Пасха)

*) *Шиковдцьца*—становиться въ порядокъ по чинамъ.

Да першій дзень пироги маюць,
А середній дзень добре погуляюць,
А послѣдній дзень выправляюць.
Святый Юрій, Божій посолъ, (23 Апрѣля).
Божій посолъ до Бога пошовъ,
А узявъ ключи золоценькіе,
Отомкнувъ землю сырюсенькую (*очень сырую*),
Пусцивъ росу цеплюсенькую,
На бѣлый цвѣтъ и на увесь свѣтъ.
Святый Микола по межахъ ходзиць, (9 Мая).
По межахъ ходзиць, да жито родзиць,
Уросився, умочився,
Подъ золотой поясъ подоткнувся.
Святое Ушесця жито выплываець, (Вознесеніе).
Святая Семуха навóзы возиць, (Семикъ).
Навозы возиць, да Бога просиць.
Святый Дзевятникъ жито ровнуёць,
Святая Дзесятуха жито красуець *).
Святый Иванъ пчелы садзиць (24 Іюня).
Подъ перелазомъ (*оградою*) по шесцеро разомъ.
Святый Петро жито спѣлиць, (29 Іюня).
Святый Кузьма серпы робиць
Золотые, новые и сталёвые; (1 Іюля).
Святый Дземьянъ сѣно гребець.
Святый Илля—славная жнея, (20 Іюля).
Святый Борисъ снопы зносиць, (24 Іюля).
Святыя Ганны домовь звозюць, (25 Іюля).
Святый Спасъ жито посвѣцаець, (6 Августа).
Больша Пречистая попары **) мѣшаець, (15 Августа).
Попары мѣшаець—жито засѣваець.
Меньшая Пречистая ей помогаець; (8 Сентября).
Здзвиження святое зъ поля збираець; (14 Сентября).
Святый Михайло съ холоднымъ вѣтромъ; (6 Сент. или 8 Нояб.?)
Святый Покровъ землю покрывъ, (1 Октября).

---

*) О значеніи этихъ дней см. выше въ статьѣ св. Бермана.
**) Попáръ—поле, оставленное на годъ для отдыха.

Землю листомъ, а воду ледомъ;
Святый Юрій снѣгомъ мосциць, (26 Ноября).
Святый Микола морозомъ гвоздзиць. (6 Декабря).
Пришли Колядки, господарямъ порядки, (Рождество).
Святоя Василля дзѣжу (*квашню*) мѣсиць, (Новый годъ).
Дзѣжу мѣсиць, пироги печецъ
И рогатые и богатые.
Святое Водокреще воду посвѣцаець, (Крещенье).
Воду посвѣцаець—людзей покропляець;
Святое Стрѣчение лѣто сострѣкаець. (2 Февраля).
Пришли Сороки до другихъ Сороковъ.
Дай же, Боже, господарёмъ здоровья,
Дай же, Боже, кабъ жито родзило
На нивѣ копами, а въ гумнѣ скирдами,
На току ўмолотомъ, а въ арудзѣ (*закромѣ*) споромъ,
Въ арудзѣ споромъ, а въ прудзѣ намоломъ,
У дзѣжѣ подходомъ, а у печи ростомъ,
А у печи ростомъ, на столѣ сыцёмъ (*жиромъ*).
Пане господарю, дари госцей,
Дари госцей, да не бавь (*медли*), барджѣй (*скорѣе*)!
Наши дары не величкіе,
У дзвери не лѣзуць, а ў вокно шіюць.
Починальничку да копу яецъ,
Помогальничкамъ по дзесяточку,
Для мѣхоноша досиць (*довольно*) три гроша,
А скоморохова горька доля:
Што даюць тольки, берецъ и тое.
Коли не даримъ, проси у хату,
Мы и на тое приступаемъ:
Кварту горѣлки, сыръ на тарелку.

За каждымъ стихомъ, который поетъ одинъ запѣвало съ музыкантомъ, всѣ хоромъ поютъ: Христосъ воскресъ Сынъ Божій! У нѣкоторыхъ прибавляютъ:

Дари́, господарю, славный мужу!
Гетымъ даромъ ты не выдасися,

Заживешь отъ Бога великой хвалы,
А отъ людзей великой славы.

Ежели, въ случаѣ нерасположенія хозяевъ, получатъ отказъ, то, не теряя бодрости, безъ обиды хозяину, припѣваютъ:

Перешли сельцо, здобыли яйцо,
Перешли другое—поцеряли й тое!

Иногда же въ такомъ случаѣ поютъ:

Родзи, Боже, жито дробно и рѣдко,
Кабъ съ конца въ конецъ зародзивъ звонецъ. *)

3.

Ишли по дорозѣ волочобнички,
Христосъ воскресъ Сынъ Божій! (послѣ каждаго стиха)
Волочилися, помочилися...
Ишли пришли къ тому двору,
А въ томъ дворѣ паня добрая,
Паня добрая, не спѣсивая.
Въ первомъ часу до завутрени
Бѣлые камни раскацилися,
Жовты пески поразсыпалися,
А невѣрные попугалися,
Ницъ на земельку покидалися.
Уставъ же Христосъ да изъ гробика,
Его личико свѣтлёшенько,
Его плацьщице да бѣлюсенько,
Да явився жъ Енъ Мироносицамъ,
А дали потомъ всѣмъ Апостоламъ.
Православныя жь всѣ спровѣдали,
Якъ мы вамъ цеперь исповѣдали.
Не томице вы насъ, подарице насъ:
Починальничку чарку горѣлки,
Еще сала кусокъ подмазаць вусокъ,

*) Колокольчикъ—цвѣтокъ, растущій отъ частыхъ дождей.

Кажному пѣвцу по красному яйцу,
Мѣхоношому торбу съ грошами.

Слѣдующіе поздравительные стихи въ старину сочинены кѣмъ то изъ грамотныхъ простолюдиновъ, знающимъ священную исторію ветхаго завѣта.

Пречистая середь ночи
Пуспилася со всей мочи,
Плачучи на гробъ Христовъ,
На Голгофу межъ кустовъ.
Поздзирала вельми ноги,
Бо боялась синагоги,
И наткнулась на Христа.
Ёнъ её спросивъ спростà:
Штожъ ты, моя маци, плачешь?
Я воскресъ, сама ты бачёшь.
Хоць на пупъ жиды кричаць,
Што нарушена печаць;
Хоць жовнерамъ (*солдатамъ*) дали плату
Штобъ брехали тамъ Пилату,
Што ихъ змогъ найкрѣпкой сонъ,
И Христа хтось вынесъ вонъ.
А я много мѣвъ работы
Подъ часъ святыя суботы,
Покуль пекло (*адъ*) погасивъ
И Адама воскресивъ.
Якъ почула злая сила,
Што самую смерць скосило;
Побѣжали къ Аарону—
Справку вывесць по закону,
Ци пришовъ Мессіи часъ,
Штобъ отъ пекла ўсихъ Ёнъ спасъ?
Ааронъ очки надзѣвъ
И въ Быбліи поглядзѣвъ,
Не уцерпивъ, засмѣявся.
Куцый заразъ догадався,

Бѣжиць на пекельну браму (*ворота*),
Ажъ идзець Христосъ къ Адаму
И въ архиву скоро шась!
Ажъ пекельня затреслась.
Куцый зашатався съ ляку (*со страху*),
Трудно стало небораку (*бѣдняку*);
Предъ Христомъ ни мертвъ, ни живъ,
А Христосъ его спросивъ:
„Гдзѣ старенька баба Ева
Што гризнула плодъ отъ древа?“
Куцый кочергу узявъ,
Въ печи крѣпко помѣшавъ.
Ева вылѣзла изъ печи,
Обгорѣли вельми плечи,
А за ею и Адамъ,
Ажъ Христосъ здзивився самъ:
Весь избитъ и исколотъ;
Зъ голоду запавъ животъ!
Горько, горько зарыдавъ,
И на Еву поглѣдавъ.
Взявъ его Христосъ за руки,
Расказавъ про свое муки,
Отпусцивъ обоихъ въ рай,
Штобъ забыли гетый край.
Тутъ Адамъ изъ пекла драла,
Ева на вси жилы брала:
На бѣгу догнали Лота,
Ажъ кровава пѣна зъ рота,
Якъ енъ чиниць въ райскій садъ,
Не огляждаясь назадъ.
Ной старенькій спотыкався
И до раю прямо дрався.
Славный богатырь Самсонъ
Што бывъ вельми ласъ (*лакомъ, охочъ*) на сон
И што здався на покусу (*искушеніе*),
Крикнувъ Навину Исусу,

Штобъ енъ сонце придзержавъ,
Покуль вечеръ не наставъ.
Праведныя души вышли;
Илія на коняхъ въ дышла,
Елисею давъ жупанъ.
Разступився Іорданъ,
Стали райскія вороты
Насцижъ въ дзень новой Суботы.
Тутъ премудрый Соломонъ
Зазвонивъ у райскій звонъ.
Ўси собралися по звону,
По заслугамъ, по закону,
Посадзили усихъ за столъ.
Тутъ и Божій бывъ престолъ.
Самъ Ботъ яйцами златыми
Похристосовався зъ усими,
Разговѣвся святый міръ
И почався вѣчный пиръ.
Новое подали пиво;
Тутъ Давыдъ усимъ на дзиво
Пріударивъ въ гусли такъ,
Што не уцéрпѣли ниякъ.
Сарра въ тую жс годзину
Прежъ всихъ вышла на средзину,
Съ Авраамомъ въ танецъ шла,
Ў всихъ на ноги подняла.
Исаакъ процерши вока
Сталъ съ Ревеккой Сарры съ боку.
Яковъ кипувъ свой костыль,
Ставъ при ихъ, взявши Рахиль.
Тутъ придавъ Іуда жару,
Взявши подъ ручку Ѳамару!
Тутъ припомнила Эсѳиръ
Красенъ съ гуслями Псалтыръ,
Тутъ ударили въ тимпаны,
Во всѣ струны и органы

Ажъ до олтаревыхъ рогъ,
Штобы бывъ прославленъ Богъ.
Тутъ и бабки, тутъ и внучки
Вси побралися за ручки,
Пошли въ вѣчный корогодъ.
Слава Богу въ родъ и родъ!

Д. Купальныя.

1.

Совнико, совнико! чёму Иванова ночка невеличка
Совнико, совнико! Бо ты рано усходзишь,
С. с.! рано усходзишь да играючи
С. с.! играючи, Яна взвеличаючи.
С. с.! Дзѣвонька да не выспалася,
С. с.! шнурки вязала,
С. с.! шовковые, да свадебные
С. с.! сему, тому продавала,
С. с.! свойму милому да даровала,
С. с.! сему, тому по три гроши,
С. с.! Свойму милому, што найхорошій.

2.

С. с.! Иванъ съ Петромъ ходзюць,
С. с.! да по межамъ ходзюць,
С. с.! да жита глядзяць,
С. с.! да идучи говорили:
С. с.! Усё жито доброе,
С. с.! Юрасево еще лѣпшее,
С, с.! Габрусево да найлѣпшее;
С. с.! Юрасево въ трубы въѣсца,
С. с.! Гаврусево въ скирды кладзецца.

3.

Сегодни Купала, завтра Иванъ,
Будзець, дзѣвочки, лихинько вамъ.

Ишла паненка черезъ боръ
На ей сукенка въ дзевяць полъ;
Стала сукенка шумѣци,
Зелёна дуброва горѣци.
Пошли дзѣвочки тушици,
Золотыми кубочками воду носици.
Колько въ кубочку воды ёсць,
Только въ дзѣвочкахъ правды ёсць.
Сегодни Купала, завтра Иванъ.
Будзець, хлопцы, лихинько вамъ.
Ишла паненька черезъ боръ;
На ей сукенка въ дзевяць полъ:
Стала сукенка шумѣци,
Зелёна дуброва горѣци.
Пошли хлопцы тушици,
Рѣшетами воду носици.
Колько въ рѣшецѣ водицы ёсць,
Только въ хлопцахъ правды ёсць.
Сегодня Купала, завтра Иванъ,
Будзець, жонки, лихинько вамъ.
Ишла паненка черезъ боръ,
На ей сукенка въ дзевяць полъ.
Стала сукенка шумѣци,
Зелёна дуброва горѣци.
Пошли жоночки тушици,
Чепцами воду носици.
Колько въ чепцу воды ёсць,
Только въ женахъ правды ёсць.

4.

Ай нѣту, нѣту купалиша
Да надъ нашего мóлôйца Якуша.
Енъ на конику выѣзжаець,
Себѣ дзѣвоньки выглядаіць.
Самъ же ёнъ ѣдзиць на конику,
Дзѣвоньку везець на возику,

Самъ же ѣдзиць въ атласѣ,
А дзѣвоньку везець у покрасѣ,
Самъ же ёнъ ѣдзиць якъ жаръ горицъ,
Дзѣвоньку везець, якъ цвѣтъ цвѣцець.

5.

Звала Купалка Иллю на игрище:
Ходзи, Иллища, ко мнѣ на игрище!
— Не маю часу, купалочка,
Мнѣ гету всю ночку надо не спаци,
Надо не спаци, жита пильноваци (*стеречь*),
Кабъ змія заломовъ не ломала,
У жици корення не копала,
У коровъ молоки не отбирала.
Отбери, Боже, тому ручки, ножки
Со лба вочки.

6.

Купалочка, гдѣ твоя дочка?
— А въ горо́дцѣ на погодзѣ красочки (*цвѣтки*) рвець.
Звивши вѣночикъ, пошла у тано́чекъ;
А у тано́къ идучи, похвалилася:
Нихто у мене вѣночка не знимёцъ!
А гдзѣ узялися буйные вѣтры,
Зняли зъ головки вѣночикъ,
Понесли на синее море.
Пошла дзѣвица, шукаючи, пытаючи.
Спотыкае трёхъ рыболововъ:
Ахъ, рыболовы, братцы мои!
Чи не видзѣли вѣночка мойго?—
Ой, дзѣвица, ни шукаць, ни пытаць:
Твой вѣнокъ на синемъ морѣ;
Будземъ сѣци закидаць—вѣнка шукаць (*искать*).
Вы, рыболовы, братцы мои,
Одному отдамъ золотый персцень,
Другому отдамъ шолко́ву хустку (*платокъ*),

А за трецдяго я сама пойду.
Што персцень дала—меньшій брацецъ,
Што хустку дала—середній брацецъ,
А за старшаго сама пошла.

7.

Цёмная ночка купалочка,
На морѣ вутки купалися,
На бережочку сушилися;
Наша Настулька засмуцилася,
Што ее дары не прядзеные,
Хоць прядзеные, не свиваные,
Хоць свиваные, не снуваные,
Хоць снуваные, не вытыканые,
Хоць вытыканые, не бѣлёные,
Хоць бѣлёные, не дзѣленые,
Тому сему по локцику,
Свойму милому не мѣрючи.

8.

Купала на Ивана! ай дзѣ ночевала?
Купала на Ивана! ночевала у Ивана.
Купала на Ивана! што у Ивана вечерила?
Купала на Ивана! вечерила варенище на олеищи.
Купала на Ивана! ѣла рыбку съ перцомъ,
Купала на Ивана! ѣла чеснокъ зъ олейцомъ.

9.

У папа Ивана посередь двора
Стояла верба, на вербѣ горѣли свѣчки.
Зъ той свѣчки капля упала—возеро стало,
Въ томъ возерѣ самъ Богъ купався
Зъ лытками (*ногами*) межъ витками. *)

---

*) У Терещенки V, 77; съ дитками, судитками. *О. М.*

10.

Иванъ да Марья
На горѣ купалися.
Гдзѣ Иванъ купався
Берегъ колыхався,
Гдзѣ Марья купалася
Трава разсцилалася.

Пѣсни полевыхъ работъ, а особенно жнивныхъ.

1.

Собирайцеся тучки въ кучки,
Да заразъ дожджикъ будзе
Хозяинамъ на вздыханье,
А намъ на оддыханье.

2.

Золото мое, золото, на току молочено,
На столѣ посыпано; хто золото поличець (*сочтетъ*),
Тэй на войну не поѣдзець.
Да нашъ панъ молодзенькій золото поличець,
На войну не поѣдзець самъ,
Пошлець служку молодого и коня вороного;
Коникъ будзе гарцоваци, служка воеваци,
А нашъ панъ полеваци.

3.

Да йграло совнико, играло;
Не много жь ёно играло;
У хмурку (*тучку*) сховалося,
Дождджу боялося.
Комарочки мое,
Не кусайце мене,
А кусайце пановъ,
Не пускающь што домовь.

4.

Коли жъ тая середа пройшла,
Якъ я не ѣвши на пригонъ пошла,
Весь дзень жала не лѣнилася,
Злому войту *поклонилася*;
А цеперь же не о чемъ тужиць:
Войтъ пьяный у корчмѣ лежиць.

5.

Да зелёный боръ, зелёный надъ усими борами,
Да славёный нашъ панъ, славёный надъ усими панами.
У нашего пана куня на дворѣ играе,
На дворѣ играе, соболя́ вызывае:
Собблю, собблю, погуляемъ зъ тобою,
Развеселимъ пана и паню молодую.

6.

Да ужо жь вечеръ вечерѣёць,
Нашъ панъ веселѣёць,
По постацямъ поѣзджае,
Свое жнейки пригоняе:
Жнице по постаци, жнице,
Сами себе не пожнице
Да й мене пана молодого,
Мене пана богатаго,
Мойго коня стрекатаго (*пестраго*).

7.

Да уже вечеръ вечерѣе,
Наша пани веселѣе,
По постаци походжае,
На погоду заглядае:
Дзякуй Богу за погоду,
Што мои жнеи въ полю,
Косцы мое на болоцѣ,
Уси людзи на рабоцѣ.

8.

Да у нашего папа,
Да не добрая слава
По мѣсяцу жито жали,
По зарямъ копы клали.
Цёмно въ полѣ, цёмно;—
Бодай (*дай Богъ*) ему цемнѣй было.
Што до хаты не пущае,
Да на полю насъ тримае (*держитъ*),
Да мы съ поля позно йдзёмъ
Да пригонятаго клянёмъ.

9.

Пора жонки домовъ ици, || Поцеряла зоря ключи,
Поцеряла зоря ключи, || Коло постаци идучи,
А съ совникомъ гуляючи, || А мѣсика гука́ючи,
А взойдзице ясны зорки || И пайдзице ключи звонки:
Пора землю отмыкаци, || Пора росу выпущаци.

10.

Спюдзеная роса пала.
Пусци мене домовь, пани;—
Мое домы далекіе,
Переходы великіе,
А семь миль горою ици,
А восьмая долиною,
Дзевятая къ свикратку въ дворъ,
А свикратокъ переймае
Съ цисовыми ведзерками,
Шовковыми почопками, *)
А шлець мене молодзицу
У дунай **) по водзицу.
А свекратокъ мой татонька,
Не воды жь ты жадаешь,
Мене зъ свѣта сбываешь.
Хоць ты мене зъ свѣта збудзешь,
Усё тобѣ одно будзёць.

---

*) *Почопка*—дужка у ведра (Словарь г. Носовича, стр. 490).
**) *Дунай* тутъ, вѣроятно, *рѣка вообще.—О. М.*

11.

Ци вышла цёмная туча съ за цемнаго лѣсу?
Не вышла цёмная туча съ за цёмнаго лѣсу,
Тольки вышевъ зъ буйнаго вѣтру дробный дожджикъ.
Ци вышла наша добродзѣйка передъ жнейками?
Не выщла наша добродзѣйка передъ жнейками,
Тольки высылала сынковъ соколковъ и дочекъ перепелокъ;
Пытае: ци много нажали?
Мы сжали поле не змѣрное, копы не зличенне.

в) Во время толоки или при прошеныхъ жнеяхъ.

12.

Разгорися вечерняя зорка передъ ранней,
Росходзися нашъ паночекъ передъ жнейками,
Разставляйце цисовые столы, цисовенькіе,
Наливайце золотые кубки, золоценькіе,
Разсцилайте шовковые обрусы, шовковеньки,
Привитайце першую жнейку постацяночку,—
Сыръ на тарелку и кварту горѣлки.

13.

Да гудзець поле, гудзець,
Толока съ поля идзець.
Нашъ панокъ не злекайся (*пугайся*),
У покопкъ не ховайся (*прячься*),
Выкаци бочку пива,
А другую горѣлочки,
Мы жнейки не жовнерки (*солдатки*),
Не попьемъ усей горѣлки,
Наша пани мила
Дасць намъ бѣлаго сыра.

14.

У нашего господаря
Кудрявая голова
Ёнъ кудзерками потресець;
Намъ горѣлочки принесець;
Енъ кудзерками повороциць,
Горѣлочку подсолодзиць.

г) Во время дожинокъ.

15.

Принесли пану вѣнокъ
Зъ широкого поля, зъ ядренаго жита.

Панъ свойго панства не страцицъ,
Намъ за вѣнокъ заплацицъ.
Хоцъ червоный злотый *) для нашей охоты,
Житу на урожай, а пану на довгій вѣкъ,
Пану вѣнокъ, а намъ горѣлки жбанокъ.

16.

У нашего пана пригоже на дворѣ,
Хорошо на дворѣ побудованы свирны (*кладовыя*),
Гонтами (*тесомъ*) побиваны, соболями покрываны;
Коло того будыночку **) не соколъ летаецъ,
Нашъ панъ похожаецъ, якъ макъ зацвѣтаецъ,
Да за имъ дзѣтки, якъ садовыя квѣтки.

17.

Да што у полю гудзецъ?
Да весёлъ посолъ идзецъ,
Весёлыя вѣсци несецъ
Да до славнаго пана.
Хоцъ не много пожано,
Да много нажали.
Да сто копъ до обѣда,
Да другія до полудня,
А трецція до вечери,
То для нашего пана добрая слава

18.

Судзивъ Боже пожацъ, || судзи жь, Боже, и спожицъ. ***)
Перенесъ Богъ черезъ серпокъ, || перенеси жь, Боже, черезъ легенькій душокъ. ****)
Дай же, Боже, || на току умолотомъ,
У дзѣжи (*квашнѣ*) подходомъ, || у печи ростомъ;
У печи ростомъ || на столѣ сыццю! (*сытостью*)
Не могу болѣй рачицъ (*желать*) ||, прошу пана выбачицъ. (*извинить*)

---

*) Монета—цѣною въ 15 коп. сер.

**) *Будынокъ*—господскій домъ (Словарь г. Носовича, стр. 37).

***) *Спожйць, споживаць*—употреблять въ пользу (Слов. г. Носовича, стр. 605).

****) *Душокъ*—теплота на осѣти или овинъ (Слов. г. Носовича, стр. 149).

19.

Паночекъ, паночекъ, || Прими нашъ вѣночекъ,
Запали, паня, свѣчку, || Да выйдзи намъ на сустрѣчку.
Паночекъ, паночекъ, || Перейми жь нашъ вѣночекъ.
Вѣночекъ панъ переймаёць, || Золото даваёць,
Насъ хлѣбомъ и солью || Въ добрымъ здоровью надзѣляёць,
А мы жнейки жали, || Силку поцеряли || И на гето заробляли.

20.

У насъ сянни (*сегодня*) война была,
Усе поле звоевали,
Змели поле мецелками,
Идзёмъ домовъ веселками.
Нивка, моя нивка,
Оддай мою силку.

21.

Дубочекъ зелёненькій
Нашъ панъ молодзенькій,
Лѣщина цемнѣйша,
Наша пани молодзѣйша.
Щасця-долю маюць
Рано зъ поля збираюць.

22.

Голубокъ щиплець бобокъ,
А голубка пшёночку,
Нашъ панокъ сыщець медокъ,
А паня горѣлочку.

23.

Конецъ нивцѣ, конецъ,
Уплацемъ пану вѣнецъ,
Да ужо жито у конца,
Да нуце дзѣвочки до вѣнца.

Поздравленія.

24.

Виншую (*поздравляю*) пановъ вѣнкомъ,
А паны мене медкомъ,
Перенесъ Богъ черезъ серпокъ,
Перенеси Боже черезъ душокъ (на овинѣ, гдѣ сушатся снопы)
Черезъ осётку *) матку
Черезъ легкій духъ.

---

*) *Осётка*—небольшой овинъ (Слов. г. Носовича, стр. 367).

Судзивъ же Богъ пожаць,
Судзижь, Боже, спожиць,
Въ корысци, въ радосци.
Дай же, Боже, паномъ || Зъ гетого добра
Пиво варицъ, || Паничовъ женицъ,
Горѣлочку гнаць, || Паненокъ за мужъ отдаваць,
Дай же, Боже, паномъ || Зъ добрыми дзѣтками
На жицце на богацце,
На довгій вѣкъ || И добрый совѣтъ.

25.

Паночекъ, паночекъ, рахуйся (*разсчитывайся*) зъ нами,
Плаци жь, плаци, хоць талерами.
Да мы жь твою нивку зжинали,
Да мы жь свою силку спoцеряли.
Слава да и слава, паночекъ, твоя,
Да пьяна, да и пьяна толока твоя,
Да учинивъ, учинивъ паночекъ славу,
Попоивъ, попоивъ толоку свою.
Щекотала сорока на тычинцѣ сѣдзючи,
На тычинцѣ сѣдзючи, на хмѣлинку глѣдзючи.
Похвалився паночекъ зъ панею сѣдзючи,
Попоивъ жнеечекъ зъ дубовой бочечки,
Зъ дубовой бочечки, зъ золотыя чарочки.

26.

Зелёнъ нашъ боръ, зелёнъ || Надъ усими борами.
А за што жь ёнъ зеленъ? || Повно красочекъ по ёмъ.
Славенъ нашъ панъ, славенъ, || Надъ усими панами.
А за што жь ёнъ славенъ? || Одно гумно жита нажавъ,
А другое яриночки,
А выкацивъ бочку пива, || А другую горѣлочки.
Пійце, дзѣвочки, пиво, || А жоночки горѣлочку.
А дзиво жь намъ, дзиво, || Што пшонное пиво.
Чего тому дзивицися, || што можно напицися?

*

Пѣсни веселаго содержанія.

а) *Забавныя, даже смѣшныя и разгульныя веселаго содержанія, употребляемыя при общественныхъ вечернихъ сходбищахъ и при пляскахъ.*

1.

А ў нашего сусѣда
Учора была бесѣда:
Свиня въ дуду играла,
А курица скакала,
А пѣтухъ припѣвавъ,
И ножкой прибивавъ.

2.

А ў насъ вчора троуръ бывъ,
Комаръ дровъ нарубивъ,
Муха лазню (*баню*) топила,
Блоха воду носила,
А вошь парилася,
Перестарилася,
Съ полка звалилася,
На смерць забилася.
А пошлиць по попа,
По запечнаго клопа.
Стуку-грюку по вулицѣ,
Ѣдзиць клопъ на курицѣ.
Милы мое вороны,
Вы ударьце во звоны!
Милы мое сороки,
Рыйце ямы глыбоки.

3.

Стара баба недужа,
А въ полёты (*на ухаживанье*) досужа:
А у полёгахъ подпила,
На припечку спаць легла.

А тамъ мыши шалѣли,
Хвартукъ бабѣ проѣли.
Стала баба плакаци:
Нечимъ хвартукъ латаци (*заплатать*).
Заплакала голоскомъ,
Да й зашила волоскомъ.

4.

Охъ ѣла я кисель, да й покапалась:
Кого вѣрно я любила, съ тымъ повадзилася.
А я рыбку варила, да не шумовала *),
А я милаго любила, да не шановала (*не уважала*).
Буду рыбку варици, буду шумоваци,
Буду мужа любици, буду шановаци.
А я рыбку варила, на кусочки дзѣлила.
У кого черный вусокъ, тому рыбки кусокъ,
У кого рыжа борода, тому й юшки **) шкода.

5.

Ой ты кисель, ты кисель,
Да не мудрый бацькинъ сынъ!
Чему не хѐрошо ходзишь,
На бокъ шапочки не носишь?
Кабы дзѣвушки любили,
Кабъ малодушки хвалили.

6.

Зайграйце музыки!
Мы лапци велики,
Мнѣ татулька носъ сплёвъ
На святый Покровъ.
А якъ гетые протрецѐ,
Ёнъ другіе мнѣ сплецѐ.

---

*) *Шумòвàць*: 1) Кипѣть ключомъ, выбивая пѣну. Рыба шумуець. Горшки шумуюць. 2) Снимать съ кипящаго кушанья пѣну. (Слов. г. Носовича стр. 719).

**) *Юшка* — ушица, сокъ отъ чего либо варенаго. Рыбная юшка. (Слов. г. Носовича, стр. 725).

7.

Дзѣвчиница!—„Ты чего?“—
Люби мене голого!
Я кошули не ма́ю,
А женицца думаю.
Якъ кошулю добуду,
Женицися не буду.

8.

Чикѝ чикѝ, чичику
Ѣдзиць баба на быку,
Пытаецца ў Василя:
—Ци далеко до села?
— Ахъ ты баба биндавока, *)
Видзишь, село не далеко.
Василь кажець: три мили;
Василиха: четыри.
Василиха Василя
Полоникомъ **) зацялà.

9.

Косивъ, бацька, косивъ я,
Косили мы обоя,
Накосили стожокъ сѣна,
Пришла коза да й поѣла. (Не полная)

10.

Апанасъ коней пасъ,
Кацерина бычки;
Почекай, не ўцекай,—
Куплю черевички.

---

*) *Биндавокій* — имѣющій высунувшееся на глазу бѣльмо. (Слов. г. Носовича, стр. 26).

**) *Полоникъ*—деревянная разливная ложка. (Сл. г. Носовича, стр. 462).

Ты Андрей, не дурѣй!
Хвартукъ подзерецца;
Мнѣ татулька пошивъ,
Штобъ Михалка любивъ.

11.

Пошовъ панъ Апанасъ
По горѣлочку для насъ:
Зачепився да за пень,
Простоявъ тамъ цѣлый дзень.
Пришла паня, отчепила,
За горѣлку заплацила;
Идзи жь дурень до дому,
Да не хвались ни кому.

12.

Сѣдзѣвъ я на пни,
Нюхавъ табаку.
Пришовъ ко мнѣ мужъ,
Просицъ тобаки.
Я ему недавъ,
Ёнъ же мнѣ задавъ.
Я къ тобѣ, пане,
Разсудзи, пане.
Сѣдзѣвъ я на пни. (И далѣе повторяется до назойливости).

13.

А хто хочецъ пиво пици?
Пойдземъ до жидовки!
А у жидовки чорны бровки,
Височи подковки.
Височи подковки
На бокъ похилились (*погнулись*),
А на цебя, шмаровозе, *),
Дзѣвки подзивились.

---

*) *Шмаровозъ*—подмазывающій телѣги; неряха, замараха. (Слов. г. Носовича, стр. 714).

Покинь, покинь, шмаровозе,
Подъ возомъ лежаци
Возьми косу да йдзи въ лозу
Травицу скошаци.

14.

Ой тошно мнѣ, не развеселюся:
Хлопцы не любюць, пойду утоплюся.
Ой утоплюся въ зеленомъ винѣ,
Пойду разшибуся ў мягкой перинѣ.
— Стой не разшибайся, душу загубишь,
Скажи мнѣ правду, кого вѣрно любишь?
— Твой шестакъ битый, а мое три гроши;—
Повѣнчаемся, мой милый хорошій!
— Твой талерикъ битый, моя золотовка;—
Повѣнчаемся, мила бѣлогловка.

15.

Якцичиньки! не могу! (я больна)
Уступила гусеньки на ногу.
— Якая гусенька? — Сѣрая.
Болицъ моя ноженька лѣвая.

16.

Гэй-чукъ дзѣвка, люблю цебе!
Не ѣшь хлѣба, возму цебе.—
Дзѣвка того послушала,
Три дни хлѣба не кушала.
А скурвысынъ обманивъ,
И зъ голоду уморивъ!

17.

Служивъ я у пана першее лѣто,
Выслуживъ у пана курку за гето.

Моя курочка злотоперочка
По двору ходзиць,
Да писклятокъ (*цыплятъ*) водзиць,
Хохолъ надымаець
Писклятъ собираець
И сокочиць: ко, ко, ко.
Служу я у пана другое лѣто,
Выслуживъ у пана индыка за гето.
Мой индыкъ носъ спускаець,
Да индычекъ собираець,
Кричучи: кулдыкъ-булдыкъ.
Моя курка: ко-ко-ко,
Мой индыкъ: кулдыкъ-булдыкъ.
Служу я у пана трецéе лѣто,
Выслуживъ у пана гуся за гето,
Мой гусакъ голову подымаець,
Голову подымаець, гусокъ собираець,
Кричучи: га-га-га.
Моя курка: ко-ко-ко;
Мой индыкъ: кулдыкъ булдыкъ,
Мой гусакъ: га-га-га.
Служу я у пана четвертое лѣто,
Выслуживъ у пана целе (*теленка*) за гето.
Мое целе хвостомъ меле,
Моя курка: ко-ко-ко,
Мой индыкъ: кулдыкъ-булдыкъ,
Мой гусакъ: га-га-га,
Мое целе хвостомъ меле.
Служу я у пана пятое лѣто,
Выслуживъ у пана корову за гето.
Моя корова бодзець здорова.
Моя курка: ко-ко-ко,
Мой индыкъ: кулдыкъ-булдыкъ,
Мой гусакъ: га-га-га.
Мое целе хвостомъ меле,
Моя корова бодзець здорово.

18.

Гэй, кабъ намъ быць веселѣй!
Гэй, кабъ намъ быць посмѣлѣй!
Пойдземъ, брацци, въ кабачокъ,
Выпьемъ горѣлки крючокъ.
Водка крѣпка, мѣра спора,
Будземъ пиць, забудземъ горе;
Брацци, якъ у добрый годъ
Заведземъ тутъ корогодъ.
Пойдзёмъ отъ хаты до хаты,
Ци голышъ хто, ци богатый;
Коли будзець весело,
Къ намъ зберѐцца ўсе село.
Карпъ, якъ по колядзѣ зъ мѣхомъ,
Грошей, альбо збожжа, *) смѣхомъ
Соберець, такъ будець ладъ;
Будземъ пиць горѣлку въ рядъ.
Пили бацьки и дзѣды
И мы вступимъ въ ихъ слѣды:
Ены горя незнавали,
Горѣлку добре сцебали (*пили залпомъ*).
Челомъ, Гришка! челомъ, Дзёма!
Челомъ, Кузьма! зови Пахома!
Чего еще будзёмъ чекаць (*ждать*)?
Пора горѣлку пиць, скакаць.
Поповчи лѣпшь, не варися (*не бранись*)
Зъ нами йдзи скакаць, Марися!
Замовчи й ты, Силивонъ!
Не замовчишь, пойдзешь вонъ!
Дзядзька сѣдзиць, пипку курыць,
Пьець горѣлку, вочми жмурыць;
А дзядзина (*тетка*) не ўважаець **),
Цѣлкомъ чарочки глотаець.

---

*) *Збожже* — всякій хлѣбъ въ зернахъ и въ посѣвѣ. (Слов. г. ча, стр. 196).

**) Въ смыслѣ—не обращаетъ вниманія.

Савка скачецъ, пишёцъ, пышёцъ,
Уморився, ледва дышёцъ.
Борисъ, строгій телялёгъ (?)
Упившися, подъ лавку легъ.
Силивонъ зъ Бориса шкелицъ (*смѣется*),
Пьецъ горѣлку, лухту (*вздоръ*) мелицъ;
За языкъ въ маликъ (*затылокъ*) зловивъ,
Ажъ лбомъ дзвери отворивъ;
Хведосъ за угломъ козлы дзере *),
А Микита посомъ орѐ **).
Ци имъ черци падавали?
Знацъ, что мѣрку перебрали!
Нападаючи на Варьку,
Хведоръ зацѣваецъ сварку (*брань*);
Нехай же ёнъ не звиницъ,
Коли въ вухѣ зазвиницъ.
Ўси съ собою въ драку сцялись,
Свое хохлы дзѣлицъ взялись.
На лихо вось тутъ аконо̀мъ
Влецѣвъ, нагрянувъ зъ бизуномъ.
„Тобѣ мужикъ сваволицъ досицъ!
Свербицъ, знацъ, *тая* ***)—перцу просицъ.“
Разсыпались уси наши розно,
Куды попало, куды можно.
Одинъ сховався бывъ подъ столъ,
Его ако́номъ за хохолъ.

19.

Были у бацьки три сыны.
Охъ я! (Припѣвъ этотъ повторяется за каждымъ
А ўси были Василн.

---

*) т. е. его рветъ.
**) Падаетъ пьяный.
***) *Оная*, т. е. неудобоназываемая часть тѣла.

Одзинъ коній пасецъ,
Другій лапци плецецъ,
Трецці сѣдзицъ на камени,
Дзержицъ дуду на ремени.
Енъ повѣсивъ дуду
На зеленомъ дубу.
Буйный вѣцеръ повѣёвъ,
Я ўхопицъ дуду невспѣивъ.
Дуда зъ дубу звалилася,
На трусочки (*въ дребезги*) разбилася.
Ци не дудка жь была!
Веселуха была,
Веселила мене
На чужой сторонѣ.
Ахъ я бѣдный цеперъ!
Пришлось пасцвицъ мнѣ цецеръ (*тетереве*
Я цецерку пасу
У кленовымъ лѣсу.
А цецерочка подъ мостъ:
Я цецерку за хвостъ.
Вырвалась моя цецерка,
Оставила съ хвоста перко.
А съ пера я здзѣлавъ дудочку,
Коморову самогудочку.
Ставъ я въ дудочку играци,
Ставъ себе я споцѣшаци.
Несецъ бацька пирогъ,
Несецъ матка пирогъ.
Я въ дудочку: гу-гу-гу!
Ўси мнѣ несуцъ по пирогу.
Назбиравъ я пироговъ
Цѣлыхъ семь коробовъ.
Поставивъ я коробы
Съ пирогами, якъ грибы,
На повѣточку (*навѣсъ*) сушицъ,
Ажъ повѣточка крекчицъ.

Повѣточку проломило
И целяточекъ побило.
А целяточки ревуць,
Къ господыньцѣ бѣгуць.
Господынька прискочила
И дудочку расчепила.

б) *Пѣсни, поемыя для пляски самими танцующими не только у крестьянъ, но и болѣе у шляхты и даже въ мелкопомѣстныхъ домахъ, вмѣсто музыки.*

1.

А по улицѣ молойчикъ идзець,
По широкой ёнъ дзѣвицу ведзець.
Эй джги, джги, говори! по широкой ёнъ дзѣвицу ведзець.
На ёмъ шапочка бархатная,
Рукавички бараневыя.
(Припѣвъ повторяется со вторымъ стихомъ каждаго куплета).
Дзеверъ, дзеверъ, дзеверинушка,
Ай дзѣ твоя живоцинушка?
Коровочки у дубровочки;
Овечечки возлѣ рѣчечки,
А свиночки на долиночки,
А козеньки возлѣ лозеньки,
А козеньки возлѣ лозеньки,
Лошадочки на площадочки.

3.

Курицъ-вѣецъ мецелица,
Чему старый не женицца?
Ухъ, ухъ, ухъ-у-ха, чему старый не женицца?
(Припѣвъ: ухъ, ухъ, ухъ-у-ха повторяется съ приложеніемъ второго стиха каждаго двустишія).
Да еще-жь я и не старъ;
Еще вусъ мой сивъ не ставъ.

Куриць-вѣець мяцелица,
Твой хохолъ ўжо бѣлѣецца.
Гето-жь бывъ я на гумнѣ,
Пыломъ занесло мене.
А якъ гето да й не пылъ?
Тогды дзѣвки дадуць въ тылъ.
Куриць-вѣець мецелица,
Твое вусы забѣлѣлися.
Гето ѣвъ я молоко;
Не выцерся хорошо.
А якъ не молоко гето?
Кожна прогонець кобѣта (*женщина*).
Куриць-вѣець мяцелица:
Староча голова бѣлѣецца.
Я заразъ пришовъ съ млынка,
То на головѣ мука.
А якъ гето не мука?
Бабы дадуць тумака.

3.

Старый старичище,
Чему не женився?
Гэй! думай, думай, думай, чему не женився?

(Припѣвъ: Гэй! думай, думай, думай! повторяется за двустишіемъ съ прибавленіемъ послѣдняго стиха).

Радъ бы я женицца,
Да некого взяци.
Стару бабу взяци,—
На печцѣ дзержаци;
На печцѣ дзержаци,
Киселемъ кормици;
Киселемъ кормици,
Да сытой поици.
Молодую взяци,—
Небудзець любици.

А хоць и полюбиць,
Мене не обнимець;
А хоць и обнимець,
Да не поцѣлуець;
А хоць поцѣлуець,
Да на землю плюнець.

4.

Ой юръ, юръ, юръ! *)
Да юрочки мое!
Животочки мое!
Да чему-жъ ты, юрокъ,
Да не женишься?
Да и дзѣ-жь ты зимою
Да подзѣнешься?
Ю - - - - - - ръ.
Ой юръ, юръ, юръ!
Да юрочки мое,
Животочки мое!
Охъ и радъ бы-жь я
Да женицися;
Да сороку узяць,—
Щекотлива ее маць:
Усю ночь не спиць,
Ўсе щекочицца,
Ко мнѣ юрочку
Не пригорнецца (*не прижмется*),
Не привернецца.
Ю - - - - - - ръ!
Ой юръ, юръ, юръ! (и далѣе какъ и въ первомъ куплетѣ).
Ой юръ, юръ, юръ!
Да юрочки мое!

---

*) *Юръ* — шалость. своевольство; *юро́къ* — шалунъ, вертлявый мальчикъ (также птичка, предвѣщающая дождь—см. Слов. г. Носовича стр. 725).

Животочки мое!
Охъ и радъ бы же я
Да женицися,—
Да ворону узяць:
Довгоносая мацъ;
Не спиць усю ночь,
Да усе чисциць носъ;
Ко мнѣ юрочку
Не пригорнецца,
Не привернецца.
Ю - - - - - - ръ
 Ой юръ, юръ, юръ.
Да юрочки мое (и далѣ весь первый куплетъ).

(Въ слѣдующемъ куплетѣ повторяется пять стиховъ второго куплета и продолжается).

Да плисичку узяць *),—
То богатая знаць!
Охъ у плисицы
Да три тысячи!
Усю ночь не спиць,
Треба тысячи личиць (*считать*).
Ко мнѣ юрочку
Не пригорнецца,
Не привернецца.
Ю - - - - - - ръ.

(Опять повторяется первый куплетъ, если находятъ новое лицо изъ птицъ. Но другіе вмѣсто птицъ вставляютъ во второй, четвертый, шестой и далѣе куплетъ, дѣвицъ разнаго состоянія какъ-то:)

 Ой юръ, юръ, юръ!
Да юрочки мое!
Животочки мое!
Охъ и радъ бы-же я
Да женицися;

---

*) *Плисица*—птичка плиска, вертошейка (Слов. г. Носовича, стр. 418).

Да поповну узяць:
Богомолливая мацъ;
Усю ночь не спиць,
Да усе молицца.
Ко мнѣ юрочку
Не пригорнецца,
Не привернецца.
Ю - - - - - - ръ.

(Въ четвертомъ куплетѣ).

Да купчанку узяць:
Не податливая, знаць (*видно*)
Усю ночь не спиць
Ўсе торгуецца....

(Въ пятомъ куплетѣ).

Да жидовку узяць:
То корослива, знаць,
Усю ночь не спиць,
Да ўсе чешёцца....

(Въ дальнѣйшихъ куплетахъ перемѣна лица зависитъ отъ выдумки поющихъ).

в) *Любовныя.*

Я сегодня тутай, а завтра абыйдзѣ (*гдѣ нибудь*);
Шукай мене мой миленькій, якъ совнико зайдзе (*зайдетъ*),
Якъ совнико зайдзе, взыйдуць (*появятся*) ясны зорки,
Тогды придзи, мой миленькій, до моей коморки.
Тамъ увидзишь, тамъ увидзишь мое бѣло личкô;
Тамъ подъ оконцемъ цечець рѣчка, рѣчка не величка.
Гета рѣченька цечець зъ вишнёваго саду.
Кликавъ милый дзѣвчиницу къ собѣ на пораду (*совѣтъ*).
Ой порадзь мнѣ, дзѣвчиночка, якъ родная маци!
Ци мнѣ цеперь женицися, ци восени ждаци?
Ой я тобѣ, мой миленькій, раджу и не раджу (*совѣтую*),
Я съ тобою вечеръ сѣжу, завтра може зраджу (*измѣню*).
Бодай цебе, дзѣвчиночка, съ гетакою радой!

Я съ тобою щиримъ (*искреннимъ*) серцемъ, тыжъ ко мнѣ со зрадой!
Нехже твоя горька доля тогды за мужъ выйдзёць,
Якъ у млынѣ на каменѣ пшениченька взыйдзёць.
Бодай жеть мой миленькій тогды ожениввся,
Якъ бы въ лѣсѣ на вересѣ (*родъ травы*) сухій дубъ развився.

2.

Ой у полѣ курно да дымно,
За туманомъ свѣту не видно.
Тольки воду брала дзѣвица,
Якъ козакъ поивъ коня въ криницѣ,
Да почавъ ёнъ дзѣвку чепаци,
Съ ведзеръ ее воду выливаци.
— Не выливай, козакъ, зъ ведра воду,
Отъ мачихи буду церпѣть бѣду,
Скажецъ: гдзѣ ты, сука, пребывала? —
Знацъ, съ казаками жартовала (*шутила*).
— Да твоя мачиха, знацъ, дужо думна,
А ты, дзѣвонька, да будзь разумна.
Скажи, што гусеньки плыли съ броду
И взмуцили мнѣ чистую воду.
А я дотуль на бережку стояла,
Покуль вода да чистая стала.

3.

Я перепеличка пцичка не величка:
Въ поли летаю, къ древу привертаю,
Къ древу привертаю, сокола шукаю (*ищу*).
Соколъ мой ясный, молойчикъ прекрасный,
Згордзився ты мною, якъ вѣцеръ горою,
Якъ туманъ долиною, якъ сонце калиною.
Вуланъ приглѣдаецъ за красной дзѣвчиною;
Вуланчикъ до хатки, пытаецца у матки:
— Матулька моя, айдзѣ донька твоя?
— Донька вышла въ поле пшениченьку жаци.—
Вуланъ до пшеницы, ажъ нѣтъ тамъ дзѣвицы.

Вуланчикъ до хатки, пытаецца у матки:
— Матэнька моя, а й дзѣ донька твоя?
— Пошла до гаёчку (*лѣсу*), збираци грибочковъ—
Вуланъ у гаёчекъ, пропавъ и слѣдочекъ.
Вуланчикъ до хатки, пытаець у матки:
— Мамочка моя! айдзѣ донька твоя?
— Пошла до коморы посцель бѣлу слаци.

4.

Ахъ ты, милая моя!
Прошу на хвацеру я.
Приходзи ко мнѣ до дому,
Не быць знаць того никому.
Въ дому писарь мой да я,
Трецџій вѣрный мой слуга.
А я вѣрнаго слугу
За цымбалами пошлю,
За медкомъ и за пивцомъ,
За солодзенькимъ винцомъ.
Дамъ червоны черевички,
Съ устужками (*лентами*) невелички,
И бѣлевыя панчошки (*чулки*),
И сафьяновы сапожки
На бѣлыя твое ножки.

5.

Волы мое половые (*бурые*), чему не орепе?
Лѣты мое молодыя, чему не гуляеце?
Волы мое половые, да ўже отъоралисъ:
Лѣты мое молодыя, да уже оттулялись.
Дробна пташечка по лисцикѣ скачёць;
Бѣдный рольничекъ (*земледѣлецъ*) по дзѣвчинѣ плачецъ.
Якъ не плакаць, не тужиць? слюзы сами люцца;
Вѣсци отъ милой нейдуць, отъ немилой шлюцца.
А хоць шлюцца, хоць не шлюцца, моею не будзе,
Хто дала мнѣ бѣлу ручку, за мной жици будзе.

6.

А на дворѣ снѣгъ напавъ;
А молойчикъ съ коня спавъ.
Якъ съ коня спавъ, такъ лежиць,
Ажпо милая бѣжиць.
Скоро мила прибѣжала,
За рученьку подзержала,
За правую узяла,
И подъ ручку повела.
Въ дворѣ его миловала,
Щиримъ сердцемъ цѣловала.
То Марьяночка была,
То дзѣвчиночка мила.

7.

А въ томъ новомъ селѣ дзѣвчина стояла,
Дзѣвчина стояла, съ милымъ розмовляла.
— Пытаю ў цебѣ, милый, ци много коней маешь?
Коли много маешь, чему жь ко мнѣ не бываешь?
— Одного коня маю, въ дворѣ не тримаю.
Пойдзець конь до криницы зимней воды пици:
Я его поймаю, а поймавши осѣдлаю,
Поймавши сѣдлаю, къ тобѣ прибываю,
Привезу дарунокъ—золотый персцёнокъ,
Золотый персцёнокъ, едвабны панчошки,
Сафьяны сапожки на бѣлые ножки.

8.

Я сама иду и бѣду веду,
Да бѣда моя не дужо ведзецца,
Подъ берёзою спаць кладзецца.
Положу бѣду въ вишнёвомъ саду;
А сама пойду, пойду погуляю,
Якъ бѣла рыбка гуляе по Дунаю.

Тамъ у свѣтлицѣ младый писарь пише,
Дзѣвица за дверьми дзицятка колыше,
Дзицятка колыше, гулечекъ (*голубокъ*) бае,
Гулечекъ бае, кота припѣвае,
Кота припѣвае, дзиця проклинае:
Бодай мое дзиця зъ люльки упало,
Зъ люльки упало скрозь землю пропало,
Моя за тобою уся гульня пропала.

9.

Положу бѣду
Въ зеленомъ саду
Подъ зелёною грушей,
А сама и пойду
На усю ноченьку
На усю цемную гуляци,
Черезъ ноченьку,
Черезъ цемную
Свойго милого шукаци (Не полная).

10.

Ѣхавъ козакъ съ украины,
Пусцивъ коня у долину,
Подъ зелену самъ елину
Легъ на цѣлую годзину.
Щасливая годзиночка!
Пришла къ ему дзѣвченочка:
Устань, козакъ, обудзися,
Ѣдуць Татарскія рацы,
Хочуць твойго коня взяци,
Коня взяци вороного,
Цебе забиць молодого.
Коня возьмуць, другій будзе;
Цебе забьюць, жаль мнѣ будзе.
„Знать ты дзѣвка мене любишь,
Што такъ рано мене будзишь!“

Кабъ я цебе не любила,
То бы цебе не будзила.
Цебе, козакъ, щиро люблю,
На край свѣта съ тобой пойду.
„Ты дзѣвица молодая,
Твоя голова глупая!
Гдзѣ со мной тобѣ ходзици,
По усему свѣту бродзици?
Будзешь дома проклинаци,
И на мене нарѣкаци.

11.

На цихенькей рѣчьцѣ писарь гусей стрѣляе,
Писарь гусей стрѣляе, на молойцовъ мигае.
„Вы молойчики мое, а ходзице до мене!
А скажице паненцѣ, што въ червоной сукенцѣ:
Нехай замужъ идзе, а мене не хай не жджè:
Я ўсе ее не люблю, ее замужъ не возму.“
Ена гето почула, въ вишневый садъ махнула:
Накопала корення съ подъ бѣлаго камення
А вымыла у рѣчьцѣ и варила въ молоцѣ;
Поставила на жару, кипяцила на легцѣ.
Еще корень не ўкипѣвъ, заразъ писарь прилецѣвъ.
„А што-жъ цебе принесло! ци чевночекъ, ци весло?“
Мене сюды принесло ни чевночекъ, ни весло.
Принесъ мене сивый конь до паненкиныхъ воконъ.
„А чего жъ ты прилецѣвъ, коли любиць не хоцѣвъ?“
Якъ къ тебѣ мнѣ не лецѣци, коли ўмѣешь чаровацп.

г) *Пѣсни, состоящія въ легендахъ или расказахъ.*

А пошовъ сынъ Данило на войну воеваць,
А оставивъ жену Кацю въ дому домоваць (*хозяйничать*).
Обиждалась стара маци на сына Данилу,
Што оставивъ домоваци не ее, а милу.
Ена къ сыну на войну листы (*письма*) посылала,
Што его Кася мила въ хозяйствѣ не дбала (*непопечительна*).

Его сукна дорогія, богатые шаты (*одежды*)
И пистолеты въ злоцѣ повынесла съ шафы.
Молодая его жонка мила Кацерина
Да ему породзила не живого сына
Вороцився домовь скоро изъ войны Данило:
На переймы (*на встрѣчу*) выйшла ему Кацерина мила,
А Данилушка схвацивъ востренонькій свой мечь,
Милой Кацеринѣ снявъ головеньку съ плечь.
Якъ пришовъ сынъ Данило до палацу (*дворца*) своего,
Ажъ у креслѣ сѣдпць стара маци его.
А въ другомъ покоику сынъ его маленькій
Живъ и передъ нянею лежиць у колыбельки.
Спомянувся Данило, взявъ ключи отъ шафы
Поглядзѣць, ци цѣлы его дорогія шаты.
Ажно шафы его, якъ были повнюсеньки,
Пистолеты и шаты, якъ были, цѣлюсеньки.
Согрѣшивъ я, маци, согрѣшивъ надъ мѣру,
Согрѣшивъ я, давши твоимъ словамъ вѣру.
Што жь ты, маци, мнѣ зробила? (*сдѣлала*) Ты три человѣка—
Невѣстку, внука и мене згубила на вѣки!
Ты неправдою на грѣхъ мене наусцила,
Внука свойго и мене ты осироцила.

2.

Было село да невесело!
Жили людзи тамъ старинные,
То село было надъ возеромъ.
А зъ возера на продзивъ *) дзиво—
Змѣй престрашный выходзивъ зъ воды,
Хватавъ дзѣцей и большихъ людзей;
Подводзили ему чергою (*поочередно*)
И просили Бога плачучи,
Штобъ избавивъ ихъ отъ эгтого
Страшнаго змѣя проклятаго.

*) *Продзивъ*—чудо изъ чудесъ (Словарь г. Носовича стр. 521).

До паньской семьи черга пришла
Треба было самому ици,
Ци свою паню жену весци.
„Ахъ да есць у мене дочечка,
Ена ў мене одзиночечка;
Знаць, ее отдаць намъ бѣдную.“
Плачець уся дворня княжая
На гету печаль великую;
Прiѣзджаець госць молодзенькiй,
Незнакомый и невѣдомый.
Гетый госць сказавъ панночцѣ:
Скидай панна свое сукни вси,
А по бѣленькой кошулечцѣ
Подперяжи (*повяжи*) поясъ кованый.
Панна къ морю приближаецца,—
А у змѣя зъ роту полыме,
А изъ вочей искры сыплюцца;
Изъ ущей его дымъ сôпаець (*выходитъ клубами*).
Панночка тогда злекавшися (*испугавшись*),
Пала на колѣнки, бѣдная!
Да почула дзивный голосъ къ ей:
„Отвяжи ты поясъ кованый
И обвяжи змѣя поясомъ;
Ведзи змѣя за дворъ нá поле,
А людзи тамъ змѣя гетого,
Забьюць коллями желѣзными;
А трупъ его на кострѣ спалюць.
Гето такъ усе и здзѣлалось.
На гету радосць великую
Не явився госць невѣдомый...

3.

Да поѣхавъ королевичъ да на полеванне,
Покинувши молодую жену свою въ дому.
Пусцивши коня въ лугъ, легъ на опочиванне.
Королевичу приснився предивнѣйшiй сонъ.

Съ подъ правой руки вылецѣвъ ясный соколючекъ,
А съ лѣвой быстрая стрѣла за имъ у слѣдочикъ.
Ой то, знаць, моя мила да сына родзила:
Не дождавшись бѣла свѣта, да и́ осироцила.
Королевичь прилецѣвъ скрозь ночь съ быстротою,
Рано рано мой сыночекъ ставъ ты сиротою.
Вчо́ра зъ ве́чера цебе маци породзила,
Сянни свѣта не дождавши, да й осироцила

4.

Была вдовка на Волынцѣ,
Мѣла ена дзевяць сыновъ,
А десятую дочухну.
Тые сыны своевольники,
Не пошли на службу царскую,
Взявъ кій, пошли въ разбойники.
А Ганнуля вышла замужъ,
Да за купчика торговщика.
Да жили ены одзинъ годъ
И другій прожили щасливо,
А на треццій наступаючій
Захоцѣли въ госци къ мамочцѣ.
Ѣдуць поле, ѣдуць другое,
А на треццее узъѣхавши,
Стали ены ночь ночеваци,
Расклали огонь подъ сосною.
Да пришли къ нимъ три разбойника
И забили этого купчика;
Да взяли съ собою вдовеньку.
Въ цемномъ лѣсѣ да дымы дымяць;
Средзь поляны да огни горяць.
Привели туды удовушку,
Посадзили межъ собой ее,
Восемь браццевъ спаць положилися,
Дзевятый сцерегъ удовушку:
„Досиць кручиниць головушку;

А скажи моя лебедушка,
Ты откуль родомъ и племенемъ"?
Запытавъ енъ горемычную.
„Была удовка на Волынонечцѣ,
Мѣла ена дзевяцъ сыновъ,
А десятую дочушечку,
Да по имени Ганнусечку.
Твое сыны своевольники,
Не пошли на службу царскую,
Взявъ кіи, пошли на разбои.
Я Ганнусечка вышла замужъ
За купчика за торговщика."
—Ой вставайце уси вы бражники!
Шейце мѣхи, да не мѣрючи;
Сыпце золото, не личучи,
Камни дорогіе, па вѣсючи.
Мы сестру свою заудовили,
Ее дзѣтокъ посироцили.—

5.

Ой учора съ самаго вечора
Разбойники собиралися,
Собиралися на разбой пойци.
А съ разбою да чуй свѣтъ пришли.
Да у старшаго разбойника,
Подъѣзджаючи подъ вороты,
Вороный конь копытомъ грюкнувъ,
Штобъ жена вороты отперла.
Вспуцила жена на дворъ мужа
Вотъ тобѣ, жена, одзѣжинка!
Встрехнувши, въ скрыни (*сундуки*) клади собѣ.
Жена стрехнувши, поглѣдзѣла,
Што одзѣнне ей знакомое.
Ой поглѣдзѣла да й заплакала!
Ахъ ты воръ, ты воръ окаянный!
Ты забивъ мойго братца роднаго.

„Охъ! не я, не я забивъ его,
Охъ! не я, то зарубивъ его,
Зарубила цемна ноченька.
Ёнъ да дужо мнѣ на супоръ ставъ,
Не уступивъ енъ мнѣ дороженьки,
Скинувъ только рукавички зъ рукъ,
Отбивався отъ мене палашикомъ,
Я убивъ его не знаючи."

6.

Кузьма сядзѣвши съ Апанасомъ,
Ему гово̂рицъ добрымъ часомъ:
„Минулись давніе годы,
Якъ жили нашй дзѣды:
Богатшее было село,
Якъ мудрыхъ пановъ не было̂:
Уси тогды лѣпѣй гуляли,
Дзесятники насъ не гоняли,
Урядники такъ не карали."
—Цыцъ, братъ, сказавъ Апанасъ;
Цеперешній нашъ лѣпи часъ.
Цеперь тужицъ намъ нѣтъ о чомъ,
На одной мили семъ карчо̂мъ.
А хо̂чучи повеселицьца;
Не треба дали волочицьца,
Цеперя, што только ступивъ,
Кабъ гроши, усе-бъ горѣлку пивъ!
Горѣлки выпъешь, якъ отъ перцу,
По жиламъ пойдзе̂цъ и по серцу
Кузьма за гето въ злоцъ вступивъ,
Чуцъ Апанаса не побивъ:
Што ты, муракъ, мнѣ тутъ бовтаешь?
Тогды у насъ бывало свято,
Коли мецецца было хата,
А гето што цеперъ за дзиво?
Горѣлку гонюцъ, варюцъ пиво!

Цеперь веселле ци гулянь,
У Пана треба запытаць;
Давнѣй было дровъ продаси;
Горѣлку пьешь, пирогъ ѣси.
Цеперь панъ пруцикъ запрецивъ
Хиба (*развѣ*) украдкомъ хто схвацивъ.
А то сѣдзи ценеръ безъ соли,
Сѣчь лѣсу не даюць намъ воли.
Бывало хату продаси,
Дакъ добре выпьешь и зъѣси.
Цеперъ же печь штобъ протопиць,
Лозину надо церибиць.
Цепера паньскіе пригоны,
Подводное, да чисты згоны
Отъ церквы отучили насъ.
И въ праздникъ не слабодный часъ;
Церква пуста, якъ стодола (*сарай*).
Ци Михайла, ци Микола.
Цеперъ не то мы дзѣлаць стали,
Хвалици Бога перестали;
Ой да коли й Енъ зъ насъ зашкелиць!
У сихъ разомъ насъ смерць перемелёць.
Да што тутъ много намъ бовтаць!
Того я только не забуду:
Не надо Бога гнѣвиць!
А прозъ святыхъ Его молиць!
Одзинъ я бывъ сынокъ у таты,
Да енъ бывъ досиць и богатый!
Разъ нѣшто я бывъ занемогъ,
Да и сусимъ уже ставъ плохъ.
Надъ мною мама плакаць стала,
Молясь, Миколѣ обѣщала
Свѣчу справляць и варидь пиво,
Сама покуля и будзець жива;
Тольки-бъ Богъ сына не отбиравъ
И отъ хворобы вызволявъ.

Якъ только то ена сказала,
За разъ хвороба перестала,
Черезъ недзѣли дзвѣ я уставъ;
Свѣчи разъ не отправивъ тата,
Прицѣрпила за тое хата.
Найлѣпшій здохъ у насъ целенокъ,
А у невѣстки умеръ дзѣценокъ.
Якъ тата гето поцерявъ,
Свѣчу справляць усегды ставъ

7.

Да у саду, у саду виноградномъ
Стоиць конь въ уборѣ парадномъ.
Нихто коню заганы (*охулки*) не положиць,
Нихто коню цѣны не наложиць.
Наѣхали купцы зъ Руси крайней,
Повели купцовъ до стайни (*конюшни*),
Заганы коню не наложили,
А цѣну ему положили,
Сто червоныхъ злотыхъ оцѣнили.
Одзинъ купецъ каже: коникъ добрый!
Другій купецъ каже: дуже добрый!
Треццій вскочивъ на коня да й поѣхавъ,
Ѣдзецъ ёнъ поле, ѣдзецъ и другое,
На трецее поле узъѣжджае.
— Ступай коню ширѣй у садочекъ!
Стукни копытомъ у церемочекъ!
Дубовый церемочекъ, разступися!
А ты, моя милая, отзовися!
Ци мнѣ женицися, ци мнѣ журицися?
— Ой ты дружокъ мой вѣрный, не журися (*не п*
Дождавшись восени, ты оженися!
Возьми себѣ ты жонку—подолянку,
Хорошего роду хоць и мѣщанку!
Возьми себѣ жонку молодую,
Дзѣцямъ моимъ матку не родную!

Ты возьмешь собѣ жонку прекрасную,
На дзѣтокъ моихъ долю нещасную.

Въ 1848 году получена отъ священника изъ Унитовъ, принявшаго Православіе, Мстиславской, Казимирово-Слободской церкви отца Григорія Бочко слѣдующая пѣсня:

8.

Вотъ цеперъ якій людъ ставъ,
Хицеръ, золъ, не удалъ, лукавъ!
Есць такихъ на свѣцѣ много,
Што запомнили на Бога.
Себе любюць ўсего болѣ,
По своей идуць ўси волѣ,
Малу вѣру въ Бога маюць,
Ворожбитовъ призываюць.
Нарѣкаюць въ томъ на Бога,
Што у ихъ не ма ничо́го.
А разбога́цiиць хто,
Штобъ-то дзяковаць (*благодарить*) за то!
Нѣ! не ўзглянець ёнъ на небо,
Ему еще больши треба.
Надъ крохою хлѣба млѣёць:
Даць голодному жалѣёць;
Гоницъ бѣднаго зъ двора,
Хоць я́кая будзь пора.
На небо цеперъ не дбаюць (*не заботятся*):
Мужи по дзвѣ жонки маюць,
Жонки другихъ мужиковъ.
Знаць цеперъ ужъ свѣтъ таковъ;
Знаць цеперъ такіе часы,
Што ўси на чужое ласы (*лакомы*);
Взяць чужое имъ не грѣхъ;
Думаюць,—уйдзець за смѣхъ.
Кого мы собе не прочимъ,
Съ тымъ и знацьца мы не хочёмъ:

Хто безъ грошей и безъ хлѣба,
Тыхъ людзей и намъ не треба:
А коли да хто богатъ,
Кажному и сватъ и братъ.
И панъ цягнецъ по богатŏмъ,
Коли судзицъ брата съ братŏмъ.
Богачъ скривдзивъ, ёнъ и правъ;
Бѣдный скривженъ, чымъ пропавъ.
Выйграць справу ему трудно:
Нудному усюдыхъ (*всюду*) нудно!
Къ справнику ёнъ не добьецца,
Тольки шіи достаецца,
Къ секлетарю безъ припосу
Не потыкай бѣдный носу.
Было-бъ то надъ чудŏмъ чудô,
Штобъ бѣднякъ правъ выйшовъ зъ суда

На ховтурахъ, ци на ксцинахъ,
На весили, на менинахъ *)
Богатому усяго досъ, **)
А бѣдному скула въ носъ!
Хто ободраный и нагій,
Къ тому ни якей уваги (*вниманія*);
А одзѣтаго богато
Маєцъ панъ за пана брата,
Знаюць, ёнъ крутней (*плутовствомъ*) разжився;
Знаюць, слёзъ людзкихъ напився;
Да чесць отъ усихъ ему,
Коли придзёцъ ёнъ къ кому.
А бѣднякъ душой будзь чесценъ;
Ёнъ и злŏдзѣй и безчесценъ.

Свой свойго, у насъ бывало,
Не допусциць а ни мало
До обиды, до криви,

---

*) *Хавтуры*—погребеніе, поминки. *Ксцины*—крестины. *Веселле*— (

**) *Досъ*—вм. *досиць*—до сыта, вдоволь.

Хоць ты ему воко рви.
А цеперъ и межъ своими
Хуже, чимъ-си межъ чужими;
Нема ладу, нема миру,
Каженъ собѣ глядзиць къ виру; *)
Нема двора, нема хатки,
Штобъ было безъ жаднэй звадки (*безъ всякой ссоры*);
Згоды (*согласія*) межъ бацьковъ нема,
Гнѣваюцца за дармà.
Дзѣци зъ бацькина прикладу (*примѣра*)
Межъ собой немаюць ладу:
Нападаецъ братъ на брата;
Роднымъ брацьцямъ цѣсна хата.
Гонюць сердце, гонюць злосць;
Грыжа, якъ ў собакъ за косць.
Сестра сестрѣ клятбы досыць,—
Кабъ пропала, Бога просиць!
Дзѣци часто бацьку лаюць,
Клянуць матку, зневажаюць:
А убравшися у силу,
Гонюць бацьку у могилу.
Сами смашно **) жруць и пьюць,
Ему поливку (*похлебку*) даюць.
Жаль куска для бацьки хлѣба,
Якъ бы ѣсць ему не треба:
Бацьку свойго за обѣдомъ
Называюць дармоѣдомъ.
А другій такій ѐсць шельма,
Што, свое заливши бѣльма ***),
И рукамъ своимъ дасць волю,

*) *Виръ* — вырь, водоротъ въ рѣкѣ или озерѣ; всякое опасное мѣсто. *Виры* — нечистые духи, живущіе въ водяныхъ пропастяхъ (Слов. г. Носовича стр. 58).

**) *Смашно*—тоже что *смачно*—вкусно (Слов. г. Носовича стр. 594).

***) Собственно *бѣльмы*—говорится укоризненно въ смыслѣ: *глазà* (Слов. г. Носовича стр. 41).

На свою не помня долю,
Свойго бацьку пхаець съ хаты.
Ёсць же сынъ такій проклятый,
Хто на бацьку, альбо матку
Съ дуру ляпнець мову (*рѣчь*) гадку;
И за то быць у пекли грѣцьца,
Коли словомъ къ имъ порвецца,
А якіяжъ будуць муки,
Хто взнесець на бацьку руки?
Дзиво намъ, што горькой (?) братъ,
Братнему кавалку (*куску*) радъ.
Всёгды зависць маець голый,
Што у сусѣда хлѣбъ и пчелы.
А вотъ сквапный (*алчный*)! свойго досыць,
А чужую траву косиць;
Чужіе снопы берець
И черезъ межу орець.
Сквапный жадзенъ до чужого,
Сквапному виць треба много,
Хоць свойго ажъ натто маёць,
А чужое ўсе хапаець.
Збожжа *) маець хоць въ запасѣ,
Да не вызволиць ёнъ въ часѣ. **)
А позычиць (*дать въ займы*), то на тое
Квапиць (*алчеть*) квоты (*проценты*) узяць у двое.
Свѣтъ увесь ёнъ, кабъ примѣвъ (*смогъ*),
Енъ къ собѣ соскресци бъ мѣвъ.
Дзиво жь што злодзѣйски (*воровскіе*) вочи
Лѣзуць красць по клѣцямъ въ ночи.
Много, што на праўду плююць,
Кулакомъ подъ носъ тымъ суюць,
Хто по праўдзѣ скажець имъ;

*) Збожже—всякій хлѣбъ въ зёрнахъ и въ посѣвѣ, Божій даръ. (Слов. г. Носовича), стр. 196) Слово весьма древнее, встрѣчающееся уже въ «Судѣ Любуши»: déti vsie tu sboziem vjedno vladu. Пр. О. М.

**) Не поможетъ въ пору—т. е. въ худую пору. О. М.

Не зови его лихимъ,
Не кажи што ёнъ сваволицъ;
Правда, кажуць, вочи колицъ.
Не по правдзѣ присягаюць,
Не по правдзѣ выцягаець
У бѣдняка акономъ
Буццымъ *(будто бы)* правду бизуномъ.
Не по правдзѣ бѣдныхъ гонюць,
И не къ правдзѣ судъ свой клонюць.
Запытайся правды въ су́дзѣ,
Поглядзимъ, што съ того будзе!
Много ёсць такихъ на свѣцѣ,
Што по злосци лихо плеце,
Язычкомъ своимъ поганымъ
Своихъ браццій передъ паномъ
Уѣдаець ни за што,
Штобы самому за то
Ласку заслужиць у пана:
Панъ послухаець сата́на,
Здерець спину ажъ до пятъ,
Хоць бы хто й невиноватъ;
Альбо въ некруты небогу,
Альбо въ цяжкую налогу,
Альбо въ дальній трудный пуць
Злые людзи упекуць.

От чего жь такъ, усе што дали *(чѣмъ д*
Людзи не полюдзку стали
Злы, зависливы, суцяги,
Пьяницы, альбо плуцяги,
Непокорны, драчуны,
Сквапные до чужбины;
Отъ чего такъ людзи грязны,
Не живуць меж-собѣ въ пріязни?
Отъ чего такъ людзи сами
Лѣзуць въ пекло и зъ цѣпями?
Отъ чего межъ усихъ не ладъ,

Што чужей бѣдѣ ўсякъ радъ?
Ото того што въ серцу Бога
Нема цеперъ ни у кого,
Свята хоць не много маёмъ,
Ици въ церковь забываемъ,
Каждаго святаго дня
Корчма повна до повдня,
Мы до церквы ўси недужи (*недужны, больны*),
До молитвы недосужи;
Малый вочче *), што научився,
Якъ подросъ, усе забывся.
Бацька самъ бывъ не цекавъ (*любопытенъ*).
Богородзицы не знавъ;
Вѣрую, хиба (*развѣ*) зъ начала,
Матка може трохи (*немножко*) знала.
Только вспомнимъ мы на Бога,
Коли зайдзець насъ тревога;
Урожай на полѣ плохъ,
Чуемъ, што караець Богъ.
Годы жь хлѣбны (*урожайны*) узъявились,
Зновъ на Бога мы забылись.
Людъ мы плохій! людъ сваволный!
Къ бѣдному не хлѣбосольный!
А въ корчму—иное дзѣло!
Тамъ душа наша и цѣло!
Охъ! нашъ братъ ёсць и такій,
Што ў его и нравъ лихій.
На торгу продасць возъ сѣна,
А што узявъ, въ корчмѣ ўсё сѣло.
Вдвору съ пьяными вочами,
Вернець съ голыми руками.
А въ дворѣ за тоежь зелле,
Треба взяцца за похмѣлле.
Кольки хлѣба намолоциць,

---

*) Т. е. молитву «Отче нашъ». О. М.

У корчомку ўсе волочиць;
Решту (*остатка*) коли будзець што,
На горѣлку прець и то.
Тамъ ёнъ днюець и ночуець,
Скǒготу (*вопля*) дзѣцей не чуець.
Тамъ дадуць ему и ѣсци,
Зъ голоду жь въ дворѣ мруць дзѣци.
Придзець въ двору дужо (*очень*) пьянъ,
Да и норовомъ поганъ:
Жонка ци зачнець сварицьца (*браниться*),
Ёнъ кидаецца къ ей бицца,
У сихъ разгониць д' одного.
Кому дзѣло до его?
Передъ имъ и панъ не панъ.
Самъ себѣ ёнъ панъ, якъ пьянъ.
Хто такого здержаць мусиць?
Коли хто чего укусиць,
Не покинець до могилы.
Покуль живы, пійце жилы!
Спившись, двора не пильнуець (*не стережетъ*),
Гдзѣ ночуець, а йдзѣ днюець,
Пьець, покуль зубы сотнець, *)
Ци на холодѣ заснець;
Отморозиць руки-ноги,
Тогды вѣчный ёнъ убогій.
Пойдзець просиць погорѣлымъ,
Буццымъ въ огнѣ обгорѣлымъ,
Таиць, што черезъ своволю
Гетаку наживъ недолю:
Нарѣкаець въ томъ на Бога,
Што за дзень собравъ не много.
Не долужный неборакъ (*слабосильный бѣднякъ*),
Дражнець по дворамъ собакъ;

*) *Сотнуць*, сцинаць—снять, срубить однимъ взмахомъ (Слов. г. вича, стр. 608).

Обвандруець (*обойдетъ*) *) уси селы,
Босый, калѣка и голый.
Хто побоженъ (*благочестивъ*), дасць убогу,
Зжалившись къ ему небогу,
А ёнъ што въ дзень соберець,
Въ карчму на горѣлку прець,
Покуль зъ холоду калѣкій
Подъ плетнемъ заснець на вѣки.

Пѣсни, относящіяся къ семейной жизни Бѣлорусскихъ поселянъ.

А. Свадьба.

Свадьба имѣетъ свои необходимыя и, такъ сказать, обычаемъ узаконенные періоды.

Первый періодъ есть—сугляды: **) это есть первое знакомство жениха и невѣсты. Онъ не всегда оканчивается благополучно. Иногда худой пріемъ бываетъ причиною неудачи. «Дзѣвка ничого собѣ, да матка не уковырная», говорятъ недовольные соглядатаи; „добрымъ словомъ не приняли насъ". Но если со стороны жениха замѣчено будетъ какое нерасположеніе, то это считается жестокою обидою для невѣсты. Хотя при суглядахъ не бываетъ пѣсень, но въ одной изъ свадебныхъ пѣсень объ этомъ обстоятельствѣ упоминается:

Коли нашу дзѣвку любишь, дай пирогъ;
А коли не любишь, вонъ за порогъ!
Не хвалися, што ты у насъ бывъ,
Да нашей N не взлюбивъ.

Второй періодъ занимаетъ сватовство. Въ дѣлѣ свадьбы сватъ занимаетъ великій постъ. Родные жениха избираютъ на эту обазанность человѣка пожилого, но не стараго очень, а именно лѣтъ за сорокъ.

*) Отд. нѣм. wandern.
**) Смотрины у Великоруссовъ.

Человѣкъ помоложе не можетъ пользоваться тѣмъ уваженіемъ, которое прилично столь довѣренному лицу, а старый не былъ бы въ силахъ выполнить всѣ довольно трудныя выходки, которыхъ требуетъ, по принятому обыкновенію, обязанность свата. Кромѣ того необходимыя условія, соединенныя со званіемъ свата, суть достаточное достояніе, трезвенность, примѣрное поведеніе, почетъ между сосѣдями и сверхъ того способность красить рѣчь свою разными прибаутками, веселость характера, ловкость въ объясненіяхъ и умѣнье развеселить общество приличными шутками. Такъ какъ между крестьянами особенно рѣдки такіе люди, которые бы знали всѣ ухватки, собственно до сватовства касающіяся, то часто случается, что въ одномъ селеніи одинъ для всѣхъ исполняетъ ремесло свата. Случается даже при немноголюдствѣ селенія, что просятъ быть сватомъ и изъ другихъ деревень. Лица, занимающіяся ремесломъ сватовства, имѣютъ на перечетѣ всю холостую молодежь, какъ парней такъ и дѣвицъ, и знаютъ каждаго и добрыя черты и слабости. Почему молодые люди всячески стараются снискать расположеніе общаго свата.

Въ домѣ, гдѣ находится невѣста, въ ожиданіи свата, должно быть все въ чистотѣ и порядкѣ, особенно что́ относится къ занятіямъ невѣсты, чтобы сватъ ничего не нашелъ предосудительнаго. Сватъ по этому предварительно даетъ знать отцу или матери невѣсты или близкому ея родному о своемъ посѣщеніи. Вошедши въ избу, онъ крестится, потомъ кланяется хозяину, сидящему нарочито на кутѣ (переднемъ углѣ). „Здоровъ, здоро́въ говоритъ хозяинъ. Сядзь, сусѣдзе, сядзь, будзіешь госцьу насъ“.

Дзяковацъ! Сѣдзѣли на гетой недзѣли!
Да што съ того будзе? Нашь быкъ
Да къ вашей целушцѣ привыкъ!
Кабъ давъ Богъ того намъ дождаци,
Штобъ вашу целушку да до нашого быка загнаци!

Нѣкоторые иную формулу употребляютъ въ этомъ случаѣ:

У цебе, господарю, ёсць товаръ ледзенецъ,
А у мене ёсць купецъ молодзецъ.

Услышавъ это, хозяинъ встаетъ съ своего мѣста и, взявъ свата

подѣ руку, садитъ его на кутъ. Начинается разговоръ о достоинствахъ жениха. Невѣста между тѣмъ при первыхъ словахъ свата уходитъ за двери, чтобы сообщить радостную вѣсть своимъ ближайшимъ подругамъ, которыя уже не пропустили случая прибѣжать, завидѣвъ появленіе идущаго къ сосѣдямъ свата съ торбою. Всѣ онѣ, ставши подъ дверями, вслушиваются въ разговоръ стариковъ.

— „А йдзѣ жь невѣста? спрашиваетъ сватъ. Треба и ее попытаць, ци согласна ёна выйци за нашего молойца?“

— „Вѣдомо альбо соромицца, альбо за дзѣломъ пошла; ена у насъ рукодзѣльница“, отвѣчаетъ хозяинъ. А вотъ матка позовець ее.

На эти слова мать выходитъ и, по нѣкоторомъ сопротивленіи за дверями въ сѣняхъ, вводитъ невѣсту въ избу. Невѣста бѣдная не смѣетъ поднять глазъ и стоитъ при стѣнѣ или у печи, по большей части ковыряя пальцемъ въ ней.*) Сватъ, обращаясь къ ней, говоритъ: „кажись, я не даромъ пришовъ сюды, Ходоска (имя невѣсты). Ци такъ?“

„Штожь ты скажешь, дочка моя? отзывается отецъ. Сватъ просиць, штобъ ты вышла замужъ за NN. Хлопецъ, нечего сказаць, хорошій, да й добраго ойца и матки. Ци пойдзешь за его? Мы цебе не приневоливаемъ.“ Молчаніе. „Штожь ты мовчишь?—Не хочешь, якъ хочешь. Мы не выпихаемъ свое дзиця со двора“.

— Якъ собѣ хочеце, отвѣчаетъ невѣста.

— „Нѣ! коли любишь, то скажи; а не любишь, откажи, говорящь добрые людзи. Мы отдаемъ на твою волю, штобъ ты не плакалась на насъ. Скажи, ци пойдзешь за NN?“

— Штожь дзѣлаць, пойду, коли такъ треба.

— „Вотъ такъ бы давнѣй“, говоритъ сватъ, и вслѣдъ за этимъ изъ перевѣшенной у него чрезъ плечо кожаной сумы, называемой у Бѣлорусовъ торбою, которая въ дѣлѣ сватовства есть необходимая принадлежность, тотчасъ вынимаетъ бутылку водки и, поставивъ на столъ, проситъ невѣсту поискать чарки, а мать тѣмъ

---

*) Т. е. въ печкѣ. Прекрасное истолкованіе этого обрядоваго ковырянія, какъ и другихъ обрядовъ, связанныхъ съ *очагомъ*, можно найти въ разборѣ А. Н. Аѳанасьева книги Fustel de Coulanges «La Cité antique» Вѣстникъ Моск. Археол. Общ. Май—Іюнь 1867). О. М.

временемъ наскоро приготовляетъ закуску. Сватъ, наливъ рюмку, выпиваетъ за здоровье невѣсты, невѣста за здоровье отца, а отецъ за здоровье жены.

Нѣкоторые сваты съ первою рюмкою обращаются къ отцу невѣсты и, выпивши, вынимаютъ изъ сумы пирогъ, сыръ и кусокъ жареной говядины и подаютъ невѣстѣ, которая съ этою закускою идетъ къ своимъ подружкамъ и угощаетъ ихъ. Когда бутылка будетъ опорожнена, то мать невѣсты обертываетъ ее тонкимъ холстомъ и возвращаетъ свату при отъѣздѣ, по поговоркѣ: «свату на штаны.»

Еслибы невѣста или родители ея, поразсудивъ между собою, по отъѣздѣ свата измѣнили свое намѣреніе и отказались отъ жениха, то отецъ на слѣдующій день рано долженъ отнесть свату деньги за употребленную имъ водку и тѣмъ совершается дѣло отказа.

Въ иныхъ мѣстахъ сватъ, не объявляя причины своего прихода, вынимаетъ изъ кожаной сумы бутылку водки и ставитъ на столъ, говоря: „отъ NN челобицце!“ Ежели хозяинъ приметъ отъ свата водку и велитъ подать рюмку, то это значитъ, что онъ согласенъ выдать дочь свою за предлагаемаго жениха. Объ этомъ обстоятельствѣ напоминаютъ свадебныя пѣсни N 1 и 2, которыя поются въ послѣдствіи въ родѣ насмѣшки. Но ежели не приметъ сватней водки, то это значитъ отказъ. И весь переговоръ кончается тѣмъ, что хозяинъ ставитъ на столъ бутылку своей водки и подчуетъ свата, говоря: „сватъ не сватъ, а добрый человѣкъ“.

Третій періодъ свадьбы есть день змовинъ или великихъ запоинъ. *) Спустя нѣсколько дней послѣ сватняго посѣщенія, назначается день для постановленія условій между родителями брачущихся. Невѣста, сопровождаемая родственницею, идетъ по всѣмъ домамъ родственниковъ и сосѣдей (крестные отецъ и мать и повивальная бабка считаются въ числѣ близкихъ родныхъ). Вошедши въ избу, кланяется почти до ногъ, по порядку, каждому, не исключая дѣтей и челяди, и проситъ самого хозяина на змовины или заручины въ назначенный день.

Какъ цѣль змовинъ есть устроить благосостояніе будущей четы

---

*) *Пропой* у Великоруссовъ. О. М.

подъ кровомъ отца и матери жениха, и какъ невѣста по этому должна оставить домъ родительскій и вступить въ новое семейство: то, чтобы на будущее время оградить ее отъ укорительныхъ упрековъ свекрови и сестеръ мужа въ бѣдности, предварительно сходятся прошенные невѣсты, и подъ предсѣдательствомъ свата большого (такъ называется сватъ, помянутый во второмъ періодѣ свадьбы, для отличія отъ отцовъ невѣсты и жениха, которые вообще между собою по родству, т. е. по браку, называются сватами) и настаиваютъ на томъ, чтобы отецъ и мать невѣсты не допустили, чтобы члены новаго семейства, въ которое должна вступить она, могли выставлять ей на видъ, что она „нищенка, голотва, ни съ чимъ пришла туды“, и дали бы ей надлежащее приданое и порядочный гардеробъ изъ домашней рухляди.

Старики, исключая отца невѣсты, въ ожиданіи пріѣзда большого свата только совѣщаются между собою, какіе предметы нужно выговорить, судя по состоянію отца невѣсты. Скоро является большой сватъ. Онъ привозитъ невѣстѣ пирогъ, начиненный макомъ съ медомъ. Невѣста, принявъ это, удаляется къ своимъ подругамъ въ чуланъ или клѣть, и тамъ угощаетъ ихъ при пѣніи пѣсни № 3 и другихъ, приличныхъ обстоятельству.

Старики въ присутствіи свата дѣлаютъ окончательное опредѣленіе о приданомъ, по бѣлорусски, *посàгъ*, и назначеніи всего необходимаго, сидя чинно за столомъ. Не задолго пріѣзжаетъ молодой съ двумя дружками, составляющими его поѣздъ или свиту, и съ тремя свахами, изъ которыхъ главнѣйшая есть его крестная мать, а послѣднія—или сестры замужнія или родственницы. Крестный отецъ жениха служитъ повожатымъ, т. е. извощикомъ помянутыхъ женщинъ. Всѣ четыре мужчины входятъ въ избу въ шапкахъ съ большой надменностію, ни съ кѣмъ не кланяются, кромѣ большого свата, который всѣмъ новоприбывшимъ отвѣчаетъ мгновенно наклоненіемъ головы, надѣвъ также шапку. Это странное обыкновеніе, не вездѣ соблюдаемое, кажется заимствовано отъ Татаръ. *) Женихъ садится подлѣ свата, дружки и прочіе за нимъ

*) Т. е. что̀ собственно заимствовано? *надѣваніе шапокъ* или вообще *адменность?* Эта послѣдняя объясняется, помимо всякихъ заимствованій,

рядомъ по всей лавкѣ. Свахи поютъ пѣсню № 4. По пропѣтіи пѣсни, всѣ молчатъ. Лица всего этого общества кажутся задумчивы, не веселы и выражаютъ какое-то неудовольствіе, какъ бы чего имъ недоставало или какъ бы они кого ожидаютъ. Только одинъ сватъ, котораго обязанность поддерживать веселость въ компаніи, затѣваетъ шуточный разговоръ, обращаясь то къ тому, то къ другому, и даже къ женщинамъ. Но всѣ отвѣчаютъ ему молчаніемъ. Видя, что всѣ его шутки и выдумки не срываютъ улыбки съ лицъ присутствующихъ, погруженныхъ въ какую-то задумчивость, и самъ сватъ какъ-то смущается и говоритъ: „Якое тутъ дзѣецца лихо, што мы ўси повѣсили носы? Што гето тутъ такое? Айба! Дай дзѣжъ гето нашъ господарь? Нехай собѣ господыня, въ своемъ дворѣ рохмистриня да йдзѣ жь-то самъ господарь? Видно што несподзѣвався госцей". Сказавши это, вдругъ вскакиваетъ съ своего мѣста, идетъ въ сѣни, гдѣ и находитъ хозяина, безъ сомнѣнія поджидавшаго этой сцены, и говоритъ на распѣвъ:

Хвала жь Богу!
Кого шукали,
Того споткали.
Просимъ до хаты!

— Я тамъ може не дуже потребенъ, говоритъ тотъ, какъ будто намекая, что его непригласили къ совѣту.

— А нѣ! господарю!
Мы въ твоей хацѣ,
Просимъ насъ кохаци.

При сопротивленіи хозяина, выходитъ молодой со своими кавалерами и всѣ, снявъ шапки и низко кланяясь, упрашиваютъ войти въ избу; наконецъ на эту игру борьбы выбѣгаютъ свахи и подхватываютъ хозяина подъ руки и вводятъ. Потомъ идутъ къ невѣстѣ, уединившейся со своими подругами въ чуланъ или клѣть, и ее также съ подругами вводятъ въ избу, съ приличными обстоятельствамъ пѣснями. Невѣста, вошедши, начиная отъ свата, всѣмъ

древнимъ насильническимъ значеніемъ полка, дружины, поѣзда жениха, этого *чужого чужанина*, *погубителя*, *разорителя* и т. п. (см. въ моемъ Ист. Обозр. Р. Слов. стр. 102. О. М.

присутствующимъ дѣлаетъ, каждому порознь, низкіе поклоны, поддерживаемая своими компаніонками. По совершеніи поклоновъ, она подходитъ къ одной изъ замужнихъ женщинъ, особенно изъ пріѣхавшихъ съ женихомъ, и проситъ ее быть руководительницею вовсемъ, такъ какъ у ней въ свѣжей памяти всѣ обстоятельства дѣвицы, выходящей замужъ. Здѣсь, вмѣсто невѣсты, женщины и дѣвицы поютъ пѣсню № 5. Тогда всѣ садятся кругомъ стола, по распоряженію большого свата, такъ: жениха, какъ князя молодого, садятъ на кутѣ на первомъ мѣстѣ противъ невѣсты, которая должна занять мѣсто на другомъ концѣ стола. Подлѣ жениха садится большой сватъ по правой рукѣ, а противъ него, по лѣвой рукѣ жениха, молодуха, по бѣлорусски молодица, руководительница невѣсты. Далѣе садятся мужчины за столомъ такъ, чтобы противъ старшаго дружка сидѣла на скамьѣ съ другой стороны стола большанка, противъ младшаго дружка приданка *), далѣе противъ стариковъ сидятъ сваха и прочія женщины. Отецъ невѣсты оканчиваетъ рядъ мужчинъ, а мать рядъ женщинъ. Когда такимъ образомъ всѣ усядутся, входитъ мать и занимаетъ сказанное мѣсто. За нею вслѣдъ вносятъ на столъ водку и закуску. Наливъ рюмку, она пьетъ, говоря: „Будзь здоровъ, сваточекъ! „потомъ наливаетъ рюмку и подаетъ свату, накрывъ ее бѣлымъ платкомъ". Сватъ, положивъ платокъ въ карманъ, пьетъ за здоровье невѣсты; невѣста, прикоснувшись губами къ рюмкѣ и покрывши краснымъ лавочнымъ платочкомъ, подаетъ ее старшему дружку жениха. Старшій дружокъ, спрятавъ въ карманъ платокъ, пьетъ за здоровье молодухи, которая въ свою очередь пьетъ за здоровье младшаго дружка и подаетъ ему налитую рюмку, обвивъ ее тесьмой невѣстиной работы. Младшій дружекъ пьетъ за здоровье большанки. Большанка пьетъ, передаетъ рюмку старику, сидящему подлѣ младшаго дружка. Такимъ образомъ рюмка переходитъ по порядку черезъ столъ къ слѣдующимъ изъ пирующихъ, пока дойдетъ до повивальной бабки, которая, сидя подлѣ матери невѣсты, пьетъ за здоровье отца ея, а отецъ обращается съ рюмкою къ зятю, т. е. жениху, на которомъ оканчивается очередь застольныхъ гостей, переходя къ лицамъ, внѣ стола находящимся.

---

*) Приданка—подружка, помогавшая невѣстѣ шить приданное.

По окончаніи этой застольной очереди, молодуха стелетъ на столѣ бѣлый платокъ, на который женихъ и невѣста кладутъ свои кольца; съ одной стороны два дружка, съ другой молодуха и большанка берутъ по одному концу платка, и подымаютъ вверхъ платокъ съ кольцами выше головъ. Сватъ при этомъ вскрикиваетъ: виватъ! и за нимъ всѣ безъ исключенія кричатъ: виватъ! Платокъ опускается и шумъ умолкаетъ. Поднимаютъ во второй разъ платокъ и опять гремитъ: виватъ! до трехъ разъ. По окончаніи провозглашенія трехъ виватовъ, молодуха, какъ избранная невѣстою въ руководительницы для себя, беретъ кольцо невѣсты и надѣваетъ на палецъ жениха, а кольцо жениха взлагаетъ на палецъ невѣсты.

Послѣ мѣны колецъ, женихъ чрезъ свата посылаетъ невѣстѣ подарокъ, который она принявъ, благодаритъ. Но на шумной свадьбѣ невѣста, принявъ подарокъ, бросаетъ его чрезъ голову на землю: подарокъ подхватываютъ и вручаютъ ей; она опять бросаетъ его чрезъ голову и опять подхватываетъ молодежь. *) За третьимъ разомъ невѣста, какъ-бы убѣжденная сватомъ, принимаетъ подарокъ и передаетъ бальшанкѣ, принадлежащей къ приданкамъ. Это обстоятельство какъ бы приводитъ ее въ стыдъ и смущеніе, и она потупляетъ глаза и отворачивается въ сторону. На этотъ случай молодухи, большанки и прочія женщины поютъ пѣсню № 6.

Послѣ этого всѣ встаютъ изъ-за стола. Женихъ подходитъ къ невѣстѣ и, взявъ ее за руку, выводитъ на середину: всѣ подражаютъ ему, и составляются танцы подъ звуки пѣсень танцовальныхъ, по веселому тону, обыкновенно употребляемыя при пляскахъ. Послѣ танцевъ гости расходятся около полуночи. Бальшанки и прочія приданки чрезъ всѣ дни до свадьбы съ утра до вечера занимаются неотступно у невѣсты шитьемъ приданаго и поютъ разныя пѣсни, подобныя № 7 и 8.

Четвертый періодъ свадьбы есть печеніе коровая. Коровай есть необходимый предметъ въ свадьбѣ не только въ Бѣлорусіи, но даже и во всей Россіи и, кажется, у всѣхъ народовъ Славянскаго поколѣнія.

Приготовленіе коровая имѣетъ свои особенности, смотря по сте-

---

*) Этимъ, конечно, выражается обрядовое нерасположенье невѣсты къ жениху—*погубителю-разорителю*, и т. д. О. М.

ченію обстоятельствъ и состоянію хозяевъ. Коровай пекутъ и въ домѣ жениха; но въ домѣ невѣсты съ большею церемоніею, съ большими выдумками и съ большею веселостію. Предъ разчиненіемъ коровая поютъ коровайныя пѣсни, и именно № 9. Коровай разчиняется утромъ, за нѣсколько дней передъ свадьбою. Крестная мать невѣсты или старшая въ избѣ, предъ всыпаніемъ муки въ квашню, проситъ благословенія слѣдующею формулою: „Есць тутъ Богъ, бацька и матка родные, сусѣдзи близкіе и дальніе, мужи статечные, бабки запечныя, дзѣтки заплечныя, благословице невѣсцѣ красной коровай учиници". Это повторяетъ она три раза. Потомъ, растворивши, ставитъ квашню въ теплое мѣсто. Сватъ, между тѣмъ, съ боченкомъ, обвязавши его поясомъ или холстомъ, идетъ за водкой, ибо угощеніе коровайницъ составляетъ его обязанность. Къ дальнѣйшему уходу за короваемъ приглашаютъ нѣсколькихъ женщинъ и молодыхъ мужчинъ, которыхъ и называютъ дружками, для прислуги. Мужчины, неся квашню съ тѣстомъ для замѣса, должны три раза перевернуться съ нею кругомъ крыжала и потомъ поставить на него квашню. Сватъ угощаетъ водкою, а хозяева заботятся о закускѣ. Старшая коровайница тою же формулою, какъ и при началѣ, проситъ благословенія замѣсить коровай. Прочія коровайницы по очереди мѣсятъ, замѣняя одна другую, при пѣсняхъ № 10 и 11.

Сватъ, по замѣсѣ коровая, принимается за угощеніе. Между тѣмъ старшая коровайница на закрытую крышкою квашню ставитъ тарелку, на которую всѣ кладутъ подарки для невѣсты при пѣніи пѣсень № 12 и 13. Квашню опять ставятъ въ теплое мѣсто и тутъ поютъ насмѣшливую пѣсню на счетъ коровайницъ № 11.

Приступая накатывать коровай, поютъ пѣсню № 14, и, накатывая его, заставляютъ мужчинъ приготовлять дрова пѣснею № 15. Подъ руководствомъ старшей коровайницы изъ тѣста дѣлаютъ первый коровай въ видѣ полумѣсяца. Другой коровай есть большая коврига, называемая по-бѣлорусски перепечею. Третій составляетъ небольшую булочку, предназначаемую для невѣсты, которая впослѣдствіи съ нею идетъ на рѣку въ первый разъ, будучи уже въ домѣ свекра, мыть бѣлье, для угощенія сосѣдокъ, имѣющихъ прійти къ ней для помощи, какъ водится у простолюдиновъ. Эти три

булки украшены различными, рельефно-устроенными фигурками въ родѣ рѣзьбы. Четвертую булку накатываютъ, для скорѣйшаго спеченія, безъ украшеній, въ родѣ лепехи, которую, по спеченіи, раздѣляютъ между собою для закуски послѣ водки. Сверхъ того, для каждаго ребенка пекутъ по маленькой булочкѣ. Когда короваи будутъ приготовлены, то старшая коровайница опять проситъ благословенія посадить въ печь коровай—по извѣстной формулѣ. Посадивши коровай въ печь, поютъ пѣсню № 12.

Дружки, принадлежащіе къ печенію коровая, занимаются сажаніемъ его въ печь, и каждый разъ, садя коровайныя булки въ печь, ударяютъ лопатою въ своды печи, какъ бы стараясь или проломить сводъ, или сломать самую лопату. Одинъ изъ нихъ подкладываетъ сухія вѣтви изъ чистаго, не бывшаго въ употребленіи, вѣника на жаръ, выгорнутый въ предпечный очагъ, по-бѣлорусски—загнетъ, для поддержанія огня, чтобы короваи зарумянились. Причемъ женщины поютъ на счетъ дружковъ насмѣшливыя пѣсни,— №№ 17, 18, 19 и 20.

По спеченіи всего, коровайницы кладутъ коровай на крышку отъ квашни, покрытую бѣлою скатертью, и всѣ короводомъ кружатся съ нимъ, поя и скача, и, сдѣлавши три оборота, всею толпою несутъ за хозяиномъ въ клѣть, поя пѣсню № 21. Хозяинъ угощаетъ здѣсь всѣхъ водкою. Коровайницы, скача и плеща въ ладоши, на возвратномъ пути изъ клѣти, поютъ пѣсню № 16.

Въ этотъ самый день подобныя сцены печенія коровая совершаются и въ домѣ жениха, разчитывая только время, чтобы съ короваемъ жениха поспѣть въ домъ невѣсты. По спеченіи коровая въ домѣ жениха, садятъ молодого князя на коробку, насыпанную рожью. Крестная мать подстригаетъ ему волоса съ припѣвомъ: „Подстригайся N съ ребячаго стану да въ мужскую славу“, а сестра немножко поджигаетъ ихъ зажженною свѣчею, при пѣніи свахами пѣсенъ. Потомъ всѣ въ домѣ жениха садятся за столъ. Молодой, пристойно одѣтый, въ барашковой на головѣ шапкѣ, съ кокардою изъ красной ленты и съ красною лентою, пришпиленною къ шейному платку, также присѣдаетъ къ столу. Женщины поютъ пѣсни въ честь жениха,—№ 22 и 23. Потомъ всѣ разомъ, взявши по маленькому кусочку хлѣба со стола, выбираются къ не-

вѣстѣ, давая напередъ знать свату о своемъ поѣздѣ. Молодежь, пристойно одѣтая, готовится ѣхать верхомъ, а дѣвицы на телегахъ или саняхъ, смотря по времени. Мать жениха, въ вывороченной шубѣ, обѣгаетъ кругомъ лошадей три раза, обсыпая овсомъ. Въ пути дѣвицы и женщины обыкновенно поютъ пѣсни. Сватъ конно встрѣчаетъ поѣздъ и всѣ вмѣстѣ ѣдутъ къ невѣстину двору. везя свой коровай. Всѣ выходятъ изъ избы на встрѣчу молодого князя; но молодая княгиня съ одною подружкою остается въ избѣ. Братъ невѣсты возвращается къ ней съ ржанымъ хлѣбомъ въ рукѣ, съ коновкою (*кринкою*) съ водою и березовою вѣткою—тремя принадлежностями сельской жизни и трудовъ. Невѣста, закрывшись платкомъ, съ подругою плачевнымъ голосомъ поетъ № 24. А на дворѣ поютъ № 25 и 26.

Братъ беретъ сестру за руку и выводитъ въ сѣни; подведши къ сѣнечнымъ дверямъ и обращаясь ко всему собранію на дворѣ, троекратно взываетъ: „ёсць тутъ Богъ! бацьки и матки родные и крещеные, сусѣды близкіе и дальніе, мужи статечные, бабки запечныя и дзѣтки заплечныя! благословице молодую княгиню на посадъ посадзиць“. Три раза отвѣчаютъ: „Боже благослови“. Послѣ того братъ беретъ коновку съ водою и ставитъ на полицу (*полку*), а невѣста, покрытая платкомъ, съ плачемъ на распѣвы говоритъ: „Добры вечеръ вамъ, сосѣдзи мое, да йдзице до мене на мое веселле. Таточка мой, мамочка моя, благословице мене на посадъ сѣсци на Божжее мѣсто, подъ вышнимъ вокномъ, подъ Божжимъ крыломъ, гдзѣ Богъ приказавъ, гдзѣ людъ разсказавъ“. Получивъ благословеніе, она входитъ въ избу, сопровождаемая отцемъ, матерью и родными, гдѣ уже подъ иконами приготовлено для нея мѣсто, покрытое шубою на выворотъ. Братъ, схвативши сестру и обвертѣвшись съ нею три раза, садитъ ее на шубѣ. Какъ только невѣста сѣла на посадъ или первое въ избѣ мѣсто, вдругъ является дружко жениха, въ видѣ посла. „Добры вечеръ, говоритъ онъ, добры вечеръ тобѣ, пане сваце, и тэй святэй хацѣ, всему міру хрещеному! Прислявъ сватъ до свата (т. е. отецъ жениха къ отцу, невѣсты, которые считаются родными между собою сватами), свацця до свацци, молодый князь до молодэй княгини. Ёсць тутъ дѣвица заручена, кабъ намъ была выдадзена! ци чули?“—„Нечули“;

отвѣчаютъ ему. Вопросъ повторяется и отвѣтъ тотъ же. На третій вопросъ отвѣчаютъ: „чули“. Тогда старшій дружко жениха, одѣтый въ вывернутую шубу съ плетью, перевѣшенною чрезъ плечо, входитъ въ избу, кладетъ одинъ ржаной хлѣбецъ на столбикъ, находящійся при печи, другой хлѣбецъ на столъ и три мелкія при немъ монеты для невѣсты и начинаетъ брать ее. Дѣвицы отбрасываютъ деньги, отталкиваютъ отъ нея дружка и поютъ пѣсню № 27. Наступаетъ торгъ, дружко прибавляетъ денегъ, но дѣвицы затрудняютъ ему доступъ къ невѣстѣ, поя въ насмѣшку пѣсню № 28.

Дружко однако, молодечески отбросивъ дѣвицъ въ сторону, беретъ невѣсту съ посада и вертится съ нею кругомъ три раза, при чемъ невѣста говоритъ на распѣвъ:

Дружко, дружко,
Не ворачай мене;
Я не колода тобѣ.
Кабъ колода была,
У бору бъ лежала;
Коли бъ была береза,
На межѣ бъ стояла.

Дѣвицы, въ свою очередь окруживъ дружка, связываютъ ему назадъ руки утиральникомъ и шапку его баранью бросаютъ вверхъ, подхватывая каждый разъ. На эти шутки съ дружкомъ поютъ пѣсни №№ 20, 29 и 30. Вдругъ при этомъ вскакиваютъ въ избу другіе два дружка; одинъ изъ нихъ вскакиваетъ на лавку, хлещетъ по стѣнѣ своею плетью, какъ бы обозначая квартиру для стоящихъ на дворѣ сватовъ, и затѣмъ выходятъ оба. Дѣвицы смотрятъ въ окно и поютъ на счетъ жениха, на дворѣ ожидающаго встрѣчи:

Пышна цеща, пышна
На встрѣчу зяцю не вышла. И № 25 и 26.

Наступаетъ формальное принятіе молодого. Выносятъ столъ изъ избы на дворъ и ставятъ его у самыхъ сѣночныхъ дверей, какъ бы баррикаду. Мать, одѣтая въ шубу на выворотъ, выходитъ на дворъ съ хлѣбомъ-солью. Дружки обѣихъ сторонъ соединяются. Мать

наливъ рюмку водки, говоритъ: „Зяцечекъ! подношу тобѣ повную чарку съ щирымъ серцемъ, съ добрымъ здоровьемъ; што мыслю собѣ, то и тобѣ". Зять, принявъ рюмку, выливаетъ чрезъ голову свою; теща наливаетъ другую, и другую онъ также выливаетъ за себя (какъ бы подозрѣвая какую либо измѣну, потому что она сама не пьетъ); третью выпиваетъ и кладетъ въ рюмку серебреную монету и, наливши, подаетъ тещѣ. Теща выпиваетъ и монету беретъ себѣ. Въ это время крестные отцы молодого и молодой подходятъ къ столу съ короваями жениха и невѣсты и каждый изъ нихъ, поднимая свой коровай вверхъ, говорятъ въ родѣ шутки: „мой выше, мой выше". Потомъ кладется на столъ коровай невѣсты, а на верхъ его коровай жениха; а потомъ оба коровая несутъ въ клѣть при пѣснѣ № 21 и другихъ.

Затѣмъ принимаютъ столъ, вносятъ его въ избу и просятъ войти гостей. Садятся всѣ за столъ, пьютъ и закусываютъ, а послѣ дѣвицы поютъ танцовальныя пѣсни и танцуютъ вмѣстѣ до поздней ночи.

Пятый періодъ свадьбы есть дѣвичій вечеръ. На канунѣ дня свадьбы собираются къ невѣстѣ: большанка, приданка, подружка и прочія дѣвицы селенья, поютъ предсвадебныя пѣсни, забавляются играми. Никто изъ мужчинъ постороннихъ, кромѣ домашнихъ, недумаетъ нарушить ихъ забавъ мирныхъ. Иногда приглашается музыкантъ и тогда танцуютъ подъ пѣсни, аккомпанируемыя скрипкою...

Если невѣста сирота, то она, сопровождаемая другими подругами, выходитъ ночью на кладбище къ могилѣ матери или отца и тамъ, приплакивая свое сиротство, проситъ отъ умершихъ родителей благословенья на свой бракъ. На счетъ ея сиротскаго положенія дѣвицы поютъ особенныя приличныя обстоятельству пѣсни печальнымъ голосомъ № 31 и 32.

Въ этотъ вечеръ разчесываютъ невѣстѣ волоса и въ послѣдній разъ заплетаютъ ей косу въ нѣсколько плетеницъ. Причемъ поетъ невѣста со слезами и вмѣстѣ съ нею прочія дѣвицы пѣсню № 33. Потомъ кладутъ на голову вѣнокъ изъ лентъ и прикрѣпляютъ его къ волосамъ съ пѣснею № 22.

Невѣста, вставши, кланяется всѣмъ окружающимъ ее. Всѣ дѣвицы

взявши дружка дружку за руки, садятся за столъ и ужинаютъ. Послѣ ужина всѣ берутъ по кусочку хлѣба и, омочивши въ соль, прячутъ за снуровку при пѣсняхъ, пока разойдутся.

Шестой главный періодъ свадьбы или по-Бѣлорусски „веселля“ есть день совершенія брака.

Въ этотъ день церемонія начинается рано расплетеніемъ косы невѣсты. Дружки невѣсты изъ родственниковъ ея являются рано для того, чтобы расплесть косу невѣсты, заплетенную вчера дѣвицами съ большимъ искусствомъ. При появленіи ихъ дѣвицы, предупредивши ихъ приходомъ къ невѣстѣ, поютъ пѣсню, приличную къ этому обстоятельству: № 34. и 35. Одинъ изъ дружковъ закосниковъ вспрыгиваетъ на лавку, и торжественно восклицаетъ, какъ съ амвона: „Есць тутъ Богъ! Бацьки и матки родные и хрещеные, сусѣдзи близкіе и дальніе, благословице красной дзѣвицѣ косу расплетаци“. Послѣ этого берутъ подъ руки невѣсту, садятъ на приготовленное лукошко съ рожью, покрытое шубою вверхъ шерстью. Садясь, она плачетъ, а дѣвицы поютъ пѣсни № 33 и 36.

По расплетеніи косы, ведутъ невѣсту и садятъ на кутъ подъ образами, а она на распѣвъ со слезами произноситъ:

Татковъ куточекъ,
Божжій домочекъ,
Благослови до шлюбу (*брака*) ступици!
Коли ты благословишь,
Самъ Богъ благословиць.

Бѣдная сирота, прибавляетъ:

Мене молоду,
Бѣдную сироту.

Вставши съ своего мѣста, она падаетъ къ ногамъ отца и матери. „Таточка мой, маточка моя, благословице мене до шлюбу ступаци. Коли вы благословице, то и самъ Богъ благословиць. „Дѣвицы при этомъ поютъ пѣсню № 37. Невѣста обходитъ всѣхъ родныхъ, собравшихся на эту церемонію, и всѣмъ дѣлаетъ земные поклоны, цѣлуетъ и проситъ со слезами благословенія ихъ. Свахи вмѣсто невѣсты припѣваютъ:

Брацитка мой родненькій.
Дай же мнѣ коня у возъ,
Штобъ мене до шлюбу довезъ.

Молодежь между тѣмъ приготовляетъ лошадей. Отправляясь въ церковь, старики мущины садятся на однихъ отдѣльныхъ подводахъ, а женщины и дѣвицы на особенныхъ, а при нихъ помѣщается и скомороха. Невѣста сидитъ съ дѣвицами, большанками и приданками, которыя чрезъ всю дорогу поютъ разныя пѣсни. Молодые же парни ѣдутъ впереди верхомъ.

Если случится ѣхать молодымъ чрезъ плотину съ мельницею, то мельникъ остановляетъ воду, давая понять, что если невѣста проѣдетъ чрезъ остановленную воду, то подвергнется какой либо непріятности. Молодая даритъ ему поясъ и проситъ пустить воду. Таково повѣрье!

Пріѣхавши къ церкви, невѣста должна поклониться до ногъ каждому находящемуся здѣсь, хотя и незнакомому лицу. Когда окончится литургія, невѣста, окруженная дѣвицами, становится у стѣны церковной, женихъ съ дружками идутъ къ невѣстѣ, чтобы взять ее и вести къ налою, но дѣвицы не допускаютъ ихъ до нея, пока женихъ не поклонится имъ каждой въ рядъ. Всѣ присутствующіе простолюдины великое обращаютъ вниманіе на то, какъ горятъ въ рукахъ молодыхъ свѣчи. Свѣчи, горящія ясно, означаютъ, по ихъ мнѣнію, жизнь благополучную. Если огонь на свѣчѣ жениха или невѣсты производитъ трескъ, то это означаетъ неспокойную, бранчивую жизнь брачущихся; но если, сохрани Богъ, угаснетъ чья либо свѣча, то это означаетъ скорую смерть того, чья свѣча угасла.

По выходѣ изъ церкви, молодые вмѣстѣ съ большимъ сватомъ или съ отцемъ невѣсты заходятъ къ священнику, ставятъ на столъ бутылку водки и пшеничный хлѣбецъ. Само собою священникъ этою водкою угощаетъ ихъ, а остатокъ переливаетъ въ свой графинъ и бутылку возвращаетъ.

На возвратномъ пути женихъ долженъ уже ѣхать съ своею невѣстою вмѣстѣ. Женщины и дѣвицы, сопровождавшія молодыхъ въ церковь, чрезъ всю дорогу, не умолкая, поютъ свадебныя пѣсни, а музыкантъ подъигрываетъ имъ на скрипкѣ. По пріѣздѣ домой, мо-

лодого съ его дружками садятъ за столъ, а молодую съ ея подружками на другой сторонѣ стола. По окончаніи легкой закуски, всѣ идутъ танцоватъ и гуляютъ до вечера. Къ вечеру приготовляютъ столы для ужина. Молодая, увидѣвъ мать, заботящуюся объ ужинѣ, обнимаетъ ее, а женщины къ этому случаю поютъ пѣсню № 37.

Здѣсь должно замѣтить, что невѣста, сидя за ужиномъ, должна болѣе плакать; иначе подвергается осужденіямъ и насмѣшкамъ. Женщины же на этотъ случай поютъ пѣсни № 38.

Отецъ садитъ на кутъ зятя, какъ князя молодого, а потомъ беретъ за руку дочь и садитъ подлѣ зятя, а за дочерью садитъ сестру его или родную тетку. Женщины по этому случаю поютъ пѣсни № 38. Потомъ, разсадивши всѣхъ по мѣстамъ, отецъ садится самъ и пьетъ водку за здоровье зятя. Зять, обращаясь къ своей новобрачной, говоритъ: „Пью до цебѣ (*имр.*) повнымъ кубкомъ, щиримъ сердцемъ и добрымъ здоровьемъ. Молодая отвѣчаетъ: „Чужъ чуженица *), не пій до мене, пій до самого себѣ, альбо до сестры своей." Молодой повторяетъ свою рѣчь, а молодая отвѣчаетъ: „пій до сестры своей". Молодой въ третій разъ говоритъ: „пью до цебе щирымъ серцемъ и добрымъ здоровьемъ: што мыслю собѣ, то и тобѣ"; и, выпивъ, подноситъ ей рюмку. Молодая, принявъ рюмку, пьетъ за здоровье, матери, и угощеніе продолжается уже обыкновеннымъ порядкомъ При этомъ случаѣ поютъ пѣсню № 1.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодого и молодую садятъ на особомъ отъ общаго стола мѣстѣ и кладутъ предъ ними одну ложку, чтобы они попеременно ѣли ею одною въ знакъ того, чтобы они во всю жизнь свою имѣли единодушіе. Во всякомъ случаѣ молодая должна всѣ пріемы дѣлать со слезами, иначе поютъ ей въ насмѣшку № 39.

При окончаніи ужина молодуха, большанка и свахи въ благодарность тещѣ за ужинъ поютъ пѣсню. № 40.

Послѣ ужина настаетъ забота свахъ перемѣнять костюмъ дѣвичій на костюмъ замужней женщины. Крестная мать молодой, посадивъ ее на лубкѣ съ рожью, покрытой шубою выворoченною, снимаетъ съ головы ея дѣвическую повязку и немножко поджи-

*) Въ великорусскихъ пѣсняхъ: *чужой чужанинъ*. О. М.

гаетъ волоса съ четырехъ сторонъ, а сестра молодого, если она замужняя, или вмѣсто ея родственница его, также замужняя, подстригаетъ также съ четырехъ сторонъ на крестъ. Мать крестная кладетъ три насма кужелю молодой на голову, а между тѣмъ свахи, притовивъ всѣ принадлежности замужней женщины, входятъ, снимаютъ ленъ съ головы и зачесываютъ волоса молодой вверхъ, завязываютъ и обертываютъ насмою чистаго и мягкаго льну, потомъ стараются какъ бы уладить положить ей на голову чепецъ и тканку. Молодая, схвативъ чепецъ, бросаетъ его на печь, но свахи, подхвативъ, надѣваютъ, а за нимъ надѣваютъ и тканку, которую молодая бросаетъ подъ лавку; когда свахи бросаются за тканкою, молодая бросаетъ чепецъ въ окно, но свахи съ пѣснею опять надѣваютъ ей и то и другое, и потомъ завязываютъ наметку *). Всю эту сцену свахи выражаютъ въ пѣсни подъ № 41.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придапки выводятъ молодую въ сѣни по повѣрью, что не годится одѣвать невѣсту въ избѣ, потому что потолокъ избы покрытъ землею: и тамъ налагаютъ на нее чепецъ, тканку и наметку. А также беременная женщина не должна участвовать въ этой церемоніи, ибо думаютъ, что молодая отъ этого будетъ дремлива цѣлый годъ.

Къ прибору замужней женщины принадлежитъ и юбка: но юбку только полагаютъ на виду.

Отецъ, послѣ убора дочери въ наметку, обращаясь къ зятю, говоритъ ему: „Зяцечекъ, даю тебѣ дочку свою въ жену, не хромую, не слѣпую. Давши ей льню, проси сорочекъ, давши жита, спрашивай хлѣба; давши ячменю, спрашивай крупеню, альбо каши; давши пшеницы, спрашивай пирога, а коли не послухаець, возьми шовковинку, навяжи на соломенку, да дай ей, дай хорошенько; а коли й того не послухаець, возьми гужъ, да дай ей, дай гужемъ, и чтобъ цебе почитала мужемъ“. При этомъ наставленіи отца приданки и свахи поютъ пѣсню. № 42.

Молодая, какъ бы сконфуженная словами отца, или стыдясь своего новаго убранства, не оставляетъ своего мѣста, закрывъ лицо свое концами наметки. Отецъ входитъ въ избу, приноситъ

*) Тканка, наметка—головные уборы.

чистый ржаной хлѣбецъ, и, посыпавъ солью, кладетъ на столъ подлѣ дочери, сидящей среди избы не далеко отъ стола и притомъ кладетъ деньги звонкою серебрянною монетою, говоря:

Дарю цебе, дочухна моя,
Хлѣбомъ солью и благословенствомъ,
На больше не сподзѣвайце (*не надѣйтесь*),
Сами себе спорошляйце (*поспѣшайте*),
Раненько уставайце,
Другъ друга побужайце.

Молодая отвѣчаетъ въ слезахъ на распѣвъ:

Спасибо тобѣ, мой таточка,
Щиро я тобѣ робила,
Вѣрно я тобѣ служ ила,
Выслужила хлѣба кусочекъ
Да соли дробочекъ.

Здѣсь наступаетъ для всѣхъ очередь дарить молодую, почему дѣвицы поютъ пѣсню № 13. Дружко становится на скамьѣ, объявляетъ всему собранію: „Есцъ тутъ Богъ! Есцъ тутъ бацьки и матки родные и хрещеные, есцъ мужи статечные, бабки запечныя, молодзицы красныя, брацця родные и зводные; дарнце молодую“! Приданки и свахи поютъ пѣсню № 43. Дружко, ударя лучиною по столу, говоритъ невѣстѣ: „Твой браценникъ дарицъ цебе целковымъ“. Приданки поютъ вмѣсто невѣсты пѣсню № 44. Если кто изъ родныхъ молодой даритъ что̀ изъ домашняго скота, то дружко для юмора говоритъ вмѣсто свиньи: „рюхъ-рюхъ на заводъ“; вмѣсто овцы: „бе-е-е на заводъ“; вмѣсто телки: „Ме-е-е“. Молодая благодаритъ каждаго, склоняя голову.

Когда окончится церемонія подарковъ, всѣ дѣвицы и холостые мущины расходятся по домамъ. Настаетъ достиженіе цѣли брака. Дочь, всегда спавшая предъ глазами родителей, должна теперь идти спать съ молодымъ мужемъ. На это обстоятельство, когда дочь падаетъ къ ногамъ матери, обливаясь слезами, и говоритъ ей: „добраноцъ“! свахи поютъ пѣсню, характеризующую этотъ фактъ (см. № 45).

Проводники ведутъ молодыхъ въ назначенное для нихъ мѣсто покоя, по Бѣлорусски въ клѣцъ; родители и сосѣди, соблюдавшіе до

этого времени чинность и порядокъ, безъ стѣсненія предаются вполнѣ веселію, открывается разгаръ пиршества. Старики и старушки забываютъ свою старость, пускаются въ пляски и танцы при свадебныхъ иного рода, нежели дѣвическія, пѣсняхъ. Здѣсь у богатыхъ простолюдиновъ вмѣсто пунша пьютъ варенуху, т. е. водку въ муравленномъ горшкѣ съ медомъ, клюквою и пряными кореньями, на глухо запечатанномъ тѣстомъ и сваренномъ въ печи истопленной. Само собою пиршество это кончается крѣпкимъ сномъ всѣхъ.

На завтрашній день, когда наступаетъ время вставать молодымъ, входятъ къ нимъ двѣ молодухи со стороны невѣсты и со стороны жениха, отправлявшія обязанности свахъ, и приносятъ имъ обоимъ бѣлыя рубашки. Обязанность ихъ слѣдить за тайною брачнаго ложа. Когда молодые встанутъ, онѣ вдругъ подаютъ имъ умываться разомъ обоимъ вмѣстѣ, а когда молодые одѣнутся, перемѣнивъ рубахи, онѣ берутъ прежнія рубахи, какъ знаменіе тріумфа, прячутъ у себя и, тотчасъ возвратившись въ избу, поднимаютъ пиръ горой, не объясняя никому причины своей великой радости; однако-жь въ пѣснѣ своей, при пляскѣ и скокахъ (подъ № 46 и 47) даютъ ясное понятіе о причинѣ своего торжества. Тутъ онѣ разсыпаются въ похвалахъ матери, воспитавшей дочь свою на славу великую ея роду.

Но сохрани Богъ, если по тону молодухъ окажется что̀ либо сомнительное: старики сосѣди бушуютъ, разбиваютъ горшки въ дребезги, ломаютъ кочерги, лопаты и прочіе предметы кухонные; даже наносятъ оскорбленія матери и отцу. Приносятъ иногда въ избу ременный хомутъ, и тогда хозяева убѣгаютъ изъ дома, боясь, чтобы они не надѣли его которому нибудь на шею и не таскалибы по домамъ на позорище.

На третій день послѣ свадебнаго дня, молодой собирается съ своею женою ѣхать домой. Предъ самымъ отъѣздомъ всѣ садятся за столъ, кушаютъ, а женщины поютъ пѣсню, соотвѣтствующую приготовленію къ отъѣзду, подъ № 48.

Молодая послѣ закуски, преклонивъ голову предъ домашними иконами, говоритъ на распѣвъ № 49.

Потомъ падаетъ къ ногамъ матери и отца, поетъ совмѣстно

съ отъѣзжающими женщинами пѣсню № 50 и вмѣстѣ же вслѣдъ за пѣснею говоритъ на распѣвъ, садясь на повозку:

Жаль мнѣ кинуци
Татково подворьико,
Маткино прибраннико
И дзѣвоцкое гуляннико.

Если женихъ и невѣста живутъ въ одномъ селеніи, то обрядъ перехода невѣстки въ домъ свекра дѣлается просто съ пѣснями свахъ, приличными этому обстоятельству. Но ежели родители молодого находятся въ другомъ селеніи, то отецъ и мать и родные провожаютъ молодыхъ за селеніе и прощаются. Отецъ благословляетъ ихъ, крестя и говоря: „Нехай васъ Богъ благословляець во всемъ счастьи, Аминь".

Поѣздъ молодого и молодой составляютъ двѣ или три повозки. На первой повозкѣ сидитъ молодой съ молодою, на второй свахи съ молодухою, родственницею молодой, на третьей дружки и закосники. Свахи, отъѣзжая изъ дома тестя, берутъ съ собою свою тайну брачнаго ложа, какъ талисманъ, несущій съ собою силу общаго веселія. Это есть узелъ, въ которомъ заключаются ввернутыя въ чистую простыню и обвязанныя поясомъ двѣ рубахи молодого и молодой.

Послѣ прощанья съ родителями, свахи и молодухи поютъ вмѣсто молодой пѣсню № 51. Проѣзжая чрезъ пахотныя земли своего селенія, молодая и за нею свахи и прочія поютъ пѣсню № 52.

Подъѣзжая къ дому молодаго всѣ громко поютъ № 53.

Принятіе молодыхъ въ домъ отческій жениха и угощеніе по этому случаю всего собранія составляетъ послѣдній актъ брачнаго торжества.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ выражается желаніе будущаго счастія и согласной жизни новобрачнымъ; какъ у всѣхъ народовъ, такъ и у нашихъ простолюдиновъ, основаніемъ счастія и согласной жизни новобрачныхъ служитъ доброе безукоризненное воспитаніе дѣвицы, будущей матери семейства. Поэтому неудивительно, что наши про-

столюдины на соблюденіе дѣвической невинности и чистоты смотрятъ какъ на соблюденіе религіознаго опредѣленія По мнѣнію простолюдиновъ, существующему отъ древнихъ временъ, дѣвица, сохранившая это свое нравственное достоинство до законнаго времени, есть украшеніе и честь дома своихъ родителей и въ особенности составляетъ славу своей матери. Посторонніе смотрятъ на нее, какъ на залогъ будущаго счастія того, кому она даетъ руку свою. Она вноситъ благословеніе въ то новое семейство, въ которое входитъ она, соединенная законнымъ бракомъ съ его членомъ. Высшій, образованный класъ народа считаетъ неприличнымъ и даже жестокимъ требованіе нашего чернаго народа—ясныхъ доказательствъ честности невѣсты. Но для простого народа это составляетъ такую необходимость, которая славою вѣнчаетъ мать, какъ благоразумную воспитательницу своихъ дѣтейвъ естественныхъ правилахъ нравственности и на всю жизнь сохраняетъ молодую или невѣстку въ домѣ свекра отъ всякихъ упрековъ среди новаго семейства. Дѣвица, не устоявшая противу соблазна, въ новомъ семействѣ теряетъ всякое къ себѣ вниманіе и подвергается презрѣнію. Обличенная, она проситъ у всѣхъ себѣ прощенія, но ничѣмъ не можетъ искупить вины. Всё свадебное торжество въ этомъ прискорбномъ случаѣ обращается, въ ничто и, вмѣсто радости и удовольствія, всѣ ощущаютъ тягость унынія. Самый обрядъ сопровожденія невѣсты въ домъ жениха и пріема ея въ новомъ семействѣ совершенно уничтожается. Напротивъ молодая, оказавшаяся невинною, гордится свбимъ положеніемъ и вноситъ въ новое семейство безпритворную радость, веселіе и надежду на Божіе благословеніе и составляетъ собою предметъ всеобщаго уваженія. Рубаха ея брачная, вверченная свахою въ бѣлую простыню и передаваемая ею матери молодого, служитъ доводомъ или порукою въ хорошемъ пріемѣ ея новыми родителями. Свахи, подъѣзжая къ дому отца жениха, уже въ пѣснѣ своей—словами: „веземъ невѣстку якъ сонце"—даютъ полное понятіе о правѣ ея на хорошій пріемъ отъ свекрови.

Молодые, въѣхавши на дворъ, сходятъ съ своей телѣги и ожидаютъ, пока мать выйдетъ встрѣтить ихъ. Свахи между тѣмъ поютъ №№ 54, 55, 56.

Мать молодого выходитъ въ вывороченой шубѣ на встрѣчу новобрачныхъ съ зажженною свѣчей и съ крышкою отъ квашни. Молодой и молодая падаютъ къ ея ногамъ и цѣлуютъ руку. Молодая потомъ становится предъ нею, склонивъ голову. Свекровь, дотрогиваясь крышкою до головы невѣстки своей, говоритъ слѣдующее:

Свекрова невѣстку навучаець,
Да въ лобъ вѣкомъ мучаець.
Неходзи, невѣстухна, по селу;
Не судзи объ мою семью,
Ни ранняго обѣду ни поздней вечери.

Выслушавъ наставленіе свекрови, молодая кладетъ на вѣко—т. е. крышку отъ квашни, бѣлый хлѣбъ, обернутый холстомъ на исподни свекру и наметку дли свекрови. Молодой, взявъ свою жену, вводитъ ее въ избу. Перекрестившись и поклонясь иконѣ, стоящей на кутѣ, бросаетъ свой поясъ на печь. Свахи начинаютъ пѣсни, между тѣмъ прибывшихъ гостей садятъ за столъ и подаютъ молодымъ по ломтю хлѣба и меду на тарелкѣ, говоря на распѣвъ:

Пѣтухъ курку маницъ,
На куросадзь садзицъ,
Даецъ меду ѣсци.

Послѣ закуски, молодыхъ отправляютъ въ баню, нарочито на этотъ случай изготовленную, у порога которой разостлана шуба. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оба вмѣстѣ и молодая и молодой моются: а въ нѣкоторыхъ порознь—сперва молодой, а потомъ молодая. Молодая, идучи въ баню, должна надѣть на себя брачную рубаху, привезенную въ связкѣ въ простынѣ. Сестра молодой или близкая родственница, раздѣвая молодую, кладетъ бѣлую рубаху, а скинутую беретъ съ собою и несетъ, пока невѣстка моется, въ избу какъ тріумфъ, скача и бья въ ладоши и припѣвая № 46 и 47. Всѣ присутствующія женщины встрѣчаютъ сестру съ восторженными восклицаніями и танцуютъ съ рубахою, какъ бы съ побѣднымъ знаменемъ. Сестра тотчасъ отправляется въ баню и помогаетъ невѣсткѣ одѣться.

Медъ и баня, по видимому, есть первое и главное угощеніе

новобрачныхъ, возвратившихся домой, не только на Бѣлоруси, но и во всей Россіи, какъ видно изъ поговорки: „медовый мѣсяцъ,“ и изъ пословицы русско-бѣлорусской: „по рукамъ, да и въ баню.“

По приходѣ изъ бани всѣ цѣлуютъ невѣстку и осыпаютъ ласками.. Молодыхъ опять садятъ за столъ и угощаютъ сладкою, т. е. подслащенною медомъ водкою и непремѣнно яичницею.

Молодой на слѣдующій день рано отправляется съ братомъ или ближайшимъ родственникомъ къ тещѣ за приданымъ. Онъ представляетъ ей извѣстную брачную рубаху, въ которой должна быть завита горсть ржи и нѣсколько денегъ. Теща наирадушнѣе принимаетъ зятя и брата его и угощаетъ, чѣмъ только можетъ. Зять проситъ тестя, тещу, приданокъ и всѣхъ родныхъ въ гости въ домъ отца. Теща послѣ угощенья кладетъ зятю за пазуху сыръ, увернутый въ лавочный платокъ, а брату его или родственнику-рукавички. Всѣ не медля собираются ѣхать съ музыкантомъ и во всю дорогу поютъ разныя пѣсни.

Въѣзжая на дворъ свекра, приданки безцеремонно поютъ пѣсню № 56. Молодая выходитъ на дворъ встрѣтить отца, мать и всѣхъ пріѣхавшихъ. Между тѣмъ вносятъ въ клѣть молодой большой круглый съ ушами ящикъ съ крышкою, называемый по бѣлорусски кубелъ, съ приданымъ бѣльемъ и одеждою: сколько на этомъ ящикѣ обручей, столько же молодой даетъ мелкихъ монетъ привезшему приданое его жены.

Всѣ прибывшіе входятъ въ избу, а домашнія свахи привѣтствуютъ прибывшихъ пѣснями съ подыгриваніемъ скоморохи. Въ этихъ пѣсняхъ выказывается пышность хозяевъ и невѣстки. См. № 57 и 58.

Всѣ садятся за столъ и угощаются водкою и кушаньемъ. Послѣ угощенія открываются танцы. Повертѣвшись немного, приданки тутъ повторяютъ обрядъ убора невѣсты, почему выводятъ ее въ сѣни, садятъ на лубку, завязываютъ на головѣ ея платокъ и покрываютъ, не обвязывая, наметкою, потомъ вводятъ въ избу и садятъ ее съ молодымъ за столъ; за столомъ между ними ставятъ метлу, принесенную изъ гумна, какъ принадлежность работы. Молодая принесшему метлу даритъ поясокъ своей работы. Приданки громко поютъ пѣсню № 59, призывая хозяина въ избу.

На этотъ зовъ входитъ отецъ молодого, всходитъ на скамью, снимаетъ покрывало съ невѣстки и вѣшаетъ подлѣ образовъ на крюкъ и, отломивши розгочку отъ метлы, выгоняетъ ею изъ за стола обоихъ, какъ бы высылая на работу. Молодая выпрыгиваетъ изъ за стола первая. Родители молодого мужа ведутъ невѣстку по хозяйственнымъ заведеніямъ. Вездѣ, гдѣ только встрѣтитъ она кого изъ домашнихъ, она даетъ подарки своего рукодѣлья. Всякая дѣвица, въ надеждѣ выйти за мужъ, непремѣнно должна запастись такими подарками заблаговременно.

По возвращеніи невѣстки, подымаются тутъ шалости и разныя выходки на удовольствіе другихъ. Приданки поднимаютъ всѣхъ на ноги, поя пѣсни № 60 и 61. Повторяютъ пѣсни на счетъ дружковъ (см. № 17, 19, 20, 29 и 30). Приданки поя скачутъ по скамьямъ, такъ что онѣ скрыпятъ подъ ихъ ногами. Хозяинъ дѣлаетъ подъ ними подставки. На этотъ счетъ свахи поютъ № 61 и 62, а приданки, какъ бы въ укоръ имъ и тещѣ, поютъ пѣсню № 63, 1 и 2. На это свахи поютъ насчетъ приданокъ № 64.

Чтобы прекратить насмѣшливый споръ въ пѣсняхъ между свахами и приданками, хозяйка, мать молодого, проситъ всѣхъ садиться за столъ и угощаетъ всѣхъ ужиномъ. Послѣ ужина опять молодежь танцуетъ до поздняго времени. На завтрашній день родители молодой собираются ѣхать домой и берутъ съ собою приданокъ. Молодая, со слезами прощаясь съ родителями, говоритъ на распѣвъ: „таточка мой, мамочка моя, кидаецеся мною, якъ садовымъ яблочкомъ недоспѣленькимъ.“ Здѣсь находчивыя свахи поютъ пѣсню № 65, выражающую просьбу дочери къ отцу посѣтить ее еще хотя разъ въ годъ.

Въ заключеніе акта свадьбы сельской, отецъ и мать молодой, на другой или на третій день послѣ своего возвращенія отъ отца зятя, въ знакъ дополнительнаго своего благословенія посылаютъ дочери икону: и этотъ послѣдній актъ называется *перевозъ*. По этому случаю молодой запрашиваетъ къ себѣ крестныхъ своихъ отца и мать, дядей и тетокъ и другихъ почтенныхъ стариковъ. Запрошеные гости приносятъ съ собою разнаго рода хлѣбъ соль, какъ то пшеничныя булки, лепешки, аладьи, жареныя въ меду, сыръ, масло, медъ, жаркія—говяжья и изъ птицъ. Мать изъ этихъ подар-

ковъ удѣляетъ всѣмъ домашнимъ людямъ, не исключая и служителей. Во время угощенія всѣ поютъ приличную этому торжеству пѣсню подъ № 66. Гости забавляются очень весело и довольно долго, проводя время въ стариковскихъ бесѣдахъ.

Дня черезъ два или три невѣстка выходитъ изъ дому одна на рѣку мыть тонкое бѣлье. Здѣсь являются къ ней непремѣнно двѣ или три молодыя женщины изъ сосѣднихъ домовъ помогать мыть бѣлье. Молодая угощаетъ ихъ короваемъ. полученнымъ ею отъ коровайницъ на этотъ предметъ.

Свадебныя пѣсни.

1.

Матка дочку продала̀, продала̀,
На горѣлочцѣ пропила, пропила,
На горѣлочцѣ, на солодкимъ медку
Пропила свою коханую дочку.
Цяжко будзецъ моей мамочкѣ безъ дочки!
Поростуцъ да за лавкою козлячки *).
Не треба будзецъ въ лѣсъ ходзицъ, грибы брацъ;
Можно будзецъ ихъ за лавкою набрацъ.

2.

Весело было мойму таточку горѣлочку пици:
Пойдзецъ на токъ, возьмецъ цѣпокъ, не съ кимъ молоцици,
Цѣпочкомъ взмахнецъ, цяженько вздохнецъ, слезками заплачецъ,
Што своей дочухны на току небачицъ.

3.

Пріѣхали сваты на дворъ,
Да пусцили стрѣлу въ окно **).

*) *Козлякъ, козлячокъ*—грибъ масляникъ. (Слов. г. Носовича, стр. 241.)
**) Ср. въ малороссійской свад. пѣснѣ:
Пустимо стрилу перлову,
Выбьемо стину камьяну
Визьмемо Марусеньку молоду.
(Метлинскаго Украинск. пѣсни, стр. 103).
Пусканье стрѣлы, конечно, указываетъ на воинственный захватъ невѣсты. *О. М.*

Стрѣла жъ моя, стрѣла!
Да пошто ты стрѣла пришла?
Ци по медъ, ци по горѣлочку,
Ци по красную дзѣвочку?

4.

Становицеся бояре уси рядо̂мъ,
Ци не будзець мой татечка подъ передо̂мъ.
Сколько я спежечекъ *(тропинокъ)* перейшла,
Да роднаго таточки не найшла.
Сколько я боярьевъ перебрала,
Да роднаго таточку не познала.

5.

А мой же ты родный таточка!
Такъ, сякъ мене не отдавай,
А отдаваючи, пытай:
Да ци не за пропоя?
Да ци не за разбоя?
Коли пропой, въ корчмѣ пропьецъ;
А разбой въ дорогѣ забьецъ.

6.

Не сѣдзи *(имя рекъ)* бокомъ!
Геть тобѣ не нарокомъ.
Сядзь собѣ просцюсенько *(прямехонько)*,
Будзець тобѣ милюсенько.

7.

Подушечка, подушечка
Да ты пуховая!
Молодушка, молодушка
Да ты молодая!
А я тую подушечку
Дзѣвцѣ подарую.
Кого люблю, кого люблю
Того поцѣлую *(не полна)*.

8.

А й дзѣ тая криниченька *(родникъ)*,
Што голубъ купався?
А й дзѣ тая дзѣвчиненька,
Што я залицався? *(любезничалъ)*
А ужожъ тая криниченька
Травою заросла,
А ужожъ тая дзѣвчиненька
Давно замужъ пошла.

9.

Збирайцеся родные въ хатку,
Старыя бабки для порядку,
Молодыя молодзицы пѣсни пѣць,
А удалые молойцы коровай печь,

10.

Вотожь моя сила
Коровай замѣсила!
Якъ упала я въ дзѣло,
Ажъ пиць захоцѣла.
Возьми сватъ баклагу,
Штобы прогнаць смагу *(жажду)* *)
Сходзи по горѣлочку,
Подкрѣпиць мене пѣлочку *(пьвуньюшку)*.

11.

Коровайницы пьяницы
Сидзяць якъ лисицы,
Усе цѣсто покрали,
По кишенямъ *(карманамъ)* поховали.
Ахци, мнѣ пришло!
Въ кишени цѣсто подыйшло.

---

*) Собственно — *смага* — сухость губъ или накипь на губахъ отъ жара (Слов. г. Носовича стр. 593) Въ томъ же смыслѣ употребляется слово *смага* и въ Малороссіи (см. въ изд. слова о Полку Игоревѣ Дубенскаго примѣчаніе къ мѣсту: «смагу мычючи въ пламенѣ розѣ»). *О. М.*

12.

Да сыйдзи, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цеперъ ты треба!
Пречистая мати,
Дай добрую долю
Нашему дзицяци.

13.

Скорѣй, не барице *(не мѣшкайте)*,
Сестрицу дарице.
Дзѣвочки-боярочки,
Кладзице подарочки!
Удалые молойчики,
Кладзице червончики!
Красныя золовочки,
Кладзице золотовочки!
Дзядзинки голубочки,
Кладзице урубочки! *)

14.

Да я свойму говорила,
Посылаючи цвердзила:
Объѣзджай коло пшоночки,
Да отженяй перепелочки.
Кышъ-кышъ! перепелочки,
Да не ѣжце моей пшоночки!
Кабъ моя пшоночка придалась (*удалась*),
Да на коровай згибалась,
На коровай да на квѣточки!
Лучи (*соедини*) Боже, наши дзѣточки!

---

*) *Урубочекъ* — обрубленное полотенце или обрубленный платокъ. (слов. г. Носовича стр. 664).

15.

Стояла калинка у воротъ,
Ломали красную каждый годъ,
Клювали пташечки скольки лѣтъ;
Рубице, сѣчице калинку на загнѣтъ!
Кабъ нашъ коровай бывъ ясенъ,
Кабъ нашъ коровай бывъ красенъ!

16.

Хвала-жъ тебѣ, Боже!
Коровай мы замѣсили,
Коровай замѣсили,
И въ печку всадзили.
Чія жонка гожа,
Нехай дзѣжу (*квашню*) гложе;
Чія жонка хижа (*проворна*),
Нехай дзѣжу лиже!

17.

Улѣзъ дружко въ хату,
Да ў печь поглѣдаець,
Объ челядзи погадаець,
Да ци густа капуста,
Ци великъ горшокъ каши,
Ци пойдаюць наши.

18.

Щербатый, *) лупатый **)
Загнѣтъ закладаець;
Ему Богъ не помогаёць.

---

*) *Щербатый*—имѣющій трещину (слов. г. Носовича стр. 721).

**) *Лупа̀тый* — съ выкатившимися глазами (слов. г. Носовича стр. 272).

19.

Да дружкова жена
Досужлива была:
Семъ годъ нитки пряла,
А четыре кросны ткала,
Семъ недзѣль хвартукъ шила,
Недзѣлю рубила,
До обѣда зносила.
На веселли (*свадьбѣ*) гуляла
Хвартукъ поцеряла.
„Мой мужъ мене любиць,
Мнѣ другій такій купиць.“

20.

А у нашего дружка
Усимъ (*совсѣмъ*) гола голова;
Дзѣвки хохолъ выдрали,
До волоска выбрали.
На гетой голой головѣ
Дзѣвчинѣ будець хорошо.
Бобъ подъ восень молоциць;—
По закуточкамъ не лециць.

21.

Пытався коровай у перепечи (*лепешки*
Да куды дорожка къ клѣци?
— Ой ты короваю, короваю!
Якій же ты воронаю (*слѣпецъ*)!
Ты часто въ клѣци бываешь,
Сцежки, дорожки пытаешь!

22.

Поѣхавъ (*имярекъ*) въ мѣстечко
Купляць своей милой колечко,

Подъ имъ сивый коникъ брое,
Копыцикомъ землю крое,
Вочами звѣзды личе,
Вушами войну чуе.
Енъ такій вѣночекъ сторговавъ,
Хоць дорого за вѣнокъ давъ,
Вѣночекъ зъ бѣлыя лялеи,
Што ни вѣтрикъ его не звѣе,
А ни сонце его не ссуши,
А ни дождикъ не змоче;
Вѣтрикъ повѣе—ялея,
Сонце пригрѣе—ёнъ спѣе,
Дождикъ прикропе—зеленѣе.

23.

Да нѣтъ лѣпшаго молойчика,
Якъ нашъ молойчикъ (*имя рекъ*)
Енъ море силезнемъ плывець,
У воротахъ росой падзець,
На дворѣ княземъ станець,
За столомъ госцемъ сядзець.

24.

А мой ты браточка! Да по что ты пришовъ
Съ ржанымъ пирогомъ, да съ дубовой ряжкой (*шайкой*),
Да съ шпоннымъ пивомъ, съ березовой розкой (*розгой*)?
— Ржаный я пирогъ дзѣвкамъ подзѣлю,
Съ ряжкою пойду въ лѣсъ у щирый (*чистый*) боръ,
У щиромъ бору ягодъ наберу,
А шпоннымъ пивомъ я вуголъ подоллю
Березовой розкой въ поле скотъ погоню.

25.

Ой цемно, цемно на дворѣ!
Бояре вороты облегли,

Посыпали *золото* по земли: *)
Хочуць цесцевъ дворъ *звоеваци*,
Да его дочухну забраци.

26.

Коло цесцева двора
Да високая гора,
А ни взъѣхаць, ни взыйци,
А ни мимо перейци,
Требо гору руйноваци (*разрушить*),
Треба двора добываци,
Штобы дзѣвочку тамъ узяци.

27.

Бери самъ собѣ гето,
Да купи собѣ мыла,
Да помый свое рыло,
Штобы жонка любила,
Кабы дзѣтки познали,
Да татою пазвали.

28.

Веребей (*воробей*), дружко, веребей!
По земельцѣ поскакавъ,
На сметнищи **) покопавъ,
Ножкой шелегъ ***) выкопавъ,
Свою дзѣвку выкупивъ.

---

*) Вѣроятно указапье на *куплю* невѣсты, тѣмъ болѣе замѣчательное, что съ другой стороны тутъ-же говорится объ ея *завоеваніи*,—такъ что въ этой небольшой пѣснѣ упомянуты рядомъ двѣ, исторически слѣдовавшія одна за другой, древнія формы брака. *О. М.*

**) *Сметнище*—мѣсто, куда бросаютъ соръ (слов. г. Носовича, стр. 595).

***) *Шелегъ*—старинная мелкая монета, 8-ая доля мѣдной копѣйки (слов. г. Носовича стр. 708).

29.

Звязали дружка, звязали;
Да йдзѣ жъ его узя̀ли?
—Узя̀ли его при калинѣ.
А йдзѣ-жъ дѣлась его дружина?
— Запився дружокъ, запився,
И на дружину забывся.

30.

Полѣзъ дружко по лучину,
Выдрали дзѣвки чуприну,
Да всторкнули на тычину.
Хто йдзець мимо, то пытаець:
Да чій то соколъ летаець?
— То дружковъ соколъ летаець:
За чимъ боярокъ *) не витаець.

31.

Да кто тамъ въ полю по цихоньку гука̀ець (*кличетъ*)?
Да гето... (*имя рекъ*) мамки своей шукаець:
„Ой придзи, мамочка, ко мнѣ на веселле,
На дзѣвоцкое, да й на сироцкое!
— Гука̀й ты, не гука̀й, дзѣцятко, не могу;
Далеко я лежу, за тремя замками.
Первый замочекъ—сосновый церемочекъ (*надгробникъ*).
Другій замочекъ—жовценькій песочекъ,
Трецій замочекъ—дубо̀выя дошки,
Дубовыя дошки да спинули ножки;
Не повернуся, дзицятко, ни крошки,—
Жовты пѐсочки засыпали вочки,
Не вижу сусимъ, дзицятко, ни зёрочки.

---

*) *Боярка*—госпожа (употр. только въ пѣсняхъ)—(слов. г. Носовича, стр. 32).

32.

Нема у дворѣ (*имя рекъ*), нема,
Пошла въ гай (*лѣсъ*) до черема̀.
Одна... (*имярекъ*) одна въ чистомъ полю.
«Отзовись, мамочка, дай дзицяци долю!»
— Ой зробили мнѣ люди вѣчный домъ,
Домъ и безъ дверей и вокон̆ъ,
Вѣчный, цемный домъ, не прогляпецъ сонце,
Не промовлю, я дзицятко, ни словца.

33.

Косица моя, косица!
Отдуха *) моя ранняя!
Не одноя раннико (*утро*) згуляла,
Коли (*когда*) цебе косицу расплетала.
Не одну я годзицу провела,
Покуль цебе косицу заплела.

34.

Закоснички **) — папичи!
Што ѣдзице по ночи!
Пошто цемною порою?
— Да мы ѣдзимъ тропою
За русою косою,
За родною сестрою.

35.

Закосничекъ воробей!
Чего рапо прилецѣвъ?
Ци ѣсциньки захоцѣвъ?

---

*) *Отдуха* — пріятное занятіе (слов. г. Носовича, стр. 373).

**) *За̀косникъ* — родственникъ невѣсты, расплетающій ея косу передъ вѣнцомъ, (слов. г. Носовича, стр. 171).

— А я рано прилецѣвъ,
Не ѣсциньки захоцѣвъ;—
Захоцѣвъ видзѣць сестрицу,
Да расплесць её косицу.

36.

Скочила (*имя рекъ*) до лавки,
Склонила къ мамочцѣ головку,
Ручками ноженьки обняла̀,
Слезками ноженьки облила̀.
— Корися, дзѣвочка, корися,
Старымъ и малымъ поклонися!
Съ поклону головка не болиць,
Старый и малый благословиць.

37.

Приступаешь, мамочка, къ столичку!
Приступи же и къ мойму словичку!
Не сына женишь, ни невѣстку берешь;
А мене въ чужій дворъ отдаешь.
Што-жъ бы тобѣ, мамочка, легчи было?
Ци мене маленькую поховаць?
Ци цеперь зъ улоння (*изъ объятій*) замужъ отда

38.

Таточка, мене за ручку берешь!
Ци не на постаць мене ты ведзешь?
Коли на постаць, займай широ̀ко,
Займай широко, погони далёко.
Да цеперь же сѣла я промежъ кропивки,
Промежъ кропивки и шиповничку.
Жижка *) кропивка пожигаць будзе;
А шиповничокъ да сушиць буде.

---

*) *Жижка* — отъ *жечь* (слов. г. Носовича, стр. 156).

39.

Знаць тобѣ (*имя рекъ*) замужъ хочецца,
Што ў цебе слезсньки не коцюцца?
Коли жъ не плачешь ты за столомъ,
Будзешь плакаци часто за вугломъ.
Коли жъ не плачешь ты за хлѣбомъ,
Будзешь плакаци часто за хлѣвомъ.

40.

Дзякуй тобѣ, цещюхна,
За пироги и блины;
Знаць нѣйдзѣ (*гдѣ-то*) въ мѣдной печцѣ
Печены ў цебѣ ены,
Золотымъ весельцемъ мѣшаны
И намъ большаночкамъ даваны.

41.

Хвалижъ тобѣ, Боже, убрали мы пригоже!
Надзѣли чепецъ!—да не кидай же его на печь!—
Надзѣли и тканку! *) — да не кидай же подъ лавку!
Чернецъ (*имя рекъ*)... чернецъ, надзѣвъ чепецъ
На тканкунамётку, прибравъ, якъ лебёдку.

42.

Бивъ мене мужъ, въ три рѣдзи **) гужъ,
Зачепивъ ниточку на соло́миночку,
Косцъ перебивъ, косцъ перебивъ,
Я съ того зла спацьки легла:
Устала раненько, помылась бѣлёнько,
Поснѣдала, поснѣдала,

---

*) *Тканка* — головная повязка (слов. г. Носовича, стр. 634).

**) *Рѣдзь*—крата, единица какого либо предмета... «въ три рѣдзи скруци веревку» (слов. г. Носовича, стр. 570).

Зъѣла вола и барана,
Четыре качечки (*уточки*), горщочекъ кашечки;
Еще мало, еще мало.
А ў Юрася печь хороша!
Запалю свѣчечку, погляжу въ печечку,
Ажъ порося, ажъ порося!

43.

Добра твоя (*имя рекъ*)... доля,
Што твой татка цебе до́рê.
Щасливая твоя годзина—
Цебе до́рицъ ўся родзина!

44.

Дзякую тобѣ, брахника (*братъ*),
За великіе твое дары!
Коли жива буду, спомогуся (*соберусь съ силами*),
Тобѣ братку оттожуся,
А коли да не тобѣ,
Може дзѣточкамъ твоимъ.

45.

Добраночь, матушка, добраночь!
Да не тэй добраночь, што на ночь,
А на цѣлый вѣкъ, мамка моя!
Цеперъ я, мамочка, ўже не твоя,
А того князя молодого,
Кому я рученьку давала,
Съ кимъ я подъ вѣнцомъ стояла,
И кому я хрестъ цѣловала.

46.

Казали, што наша (*имя рекъ*)...
Была ни пряха ни ткаха,
Ажно наша (*имя рекъ*)...

И тонко пряла и звонко ткала,
Наша (*имя рекъ*) и швачка была̀—
Вышила кошулю съ подола̀.

47.

Хвала Богу! наши морозы
Не зморозили нашей розы (*не вся*).

48.

Да я говорила; соколы летаюць!
Ажно гето мое брахшки коней сѣдлаюць.
Да я говорила, што мѣсяцъ усходзиць;—
Ажъ гето татка по двору ходзиць,
Гето мой таточка по двору ходзиць,
Да мене молоду со двора проводзиць.

49.

Татковъ куточекъ (*уголочекъ*),
Божій домочекъ!
Заставайся здоровъ!
Таткова хата
Живи богато!

50.

Таточка и мамочка мое,
Заставайцеся здоровы!
Да богатство наживайце!
На мене не забывайце!
Коли буду жебровацци (*просить милостыни*),
Велице дзвери отчиняци!
Да на ночь мене пущайце!
Хоць кусочекъ хлѣба дайце!

51.

Ахъ пойду я на потокъ,
Нитокъ тамъ найду мотокъ:
Стану нитки сучици
И у Бога доли просици:
Дай мнѣ, Боже, што мнѣ гоже!
Свекорка—роднаго татку,
Свекруху—родную матку,
Дзеверка—роднаго брата,
Золовоньку—родную сестреньку.

52.

Таткова нивка да не улекайся (*не пугайся*),
Родзила при мнѣ, родзи и безъ мене!
Добрая доля, да идзи за мною
Съ печи полымемъ, съ хаты коминомъ!

53.

Звонко дзерево калина
Да боромъ ишла, шумѣла,
А полемъ ишла—звенѣла,
А ко двору ишла—говорила:
Отчини, мамочка, новый дворъ!
Веземъ невѣстку, якъ яворъ!
Отчини, мамочка, воконце!
Веземъ невѣсточку, якъ сонце!
Отчини, мамочка, вершочекъ!
Веземъ невѣсточку съ коршочекъ (*кулачокъ*).

54.

Запали, мамочка, свѣчку,
Да выйдзи дзѣткамъ на встрѣчку!
Твое милые дзѣтки,
Дзѣтки да не однолѣтки.

Одно твое рожоное,
А другое сужоное.

55.

Выходзи, мамочка, къ намъ скорѣй,
Не дзержи на дворѣ насъ госцей!
Мы пріѣхали въ дворъ къ свату,—
Пусци насъ скорѣй у хату!
Наши шубочки сокочуць, *)
Да у хаточку дужо хочуць,
Наши коники гогочуць,
Да до стаенки (*конюшни*) давно хочуць.

56.

Приданые на дворъ ѣдуць,
А курочки подъ клѣць бѣгуць.
Не пугайцеся, курочки!
Не дужо васъ много треба,
Тольки семъ паръ на вечеру,
Тольки пяць паръ на печени (*жаркое*),
Три пары приданкамъ намъ!
Три закосникамъ паничамъ.

57.

Сциха бояре идзице,
Хоро̀мъ сватнихъ не верпице!
Хоромы ўсе новыя,
Столики цисовые,
Обрусы двойчастые.
— Да й мы госци нечастые!
(Послѣдній стихъ—какъ бы отвѣтъ гостей).

58.

Поциху бояре ходзице,
Шубы бояркѣ не оботрице!

---

*) *Сокотаць*—кричать свойственно курицѣ (слов. г. Носовича, стр. 599).

Не тутъ-то ена купляна,
Не тутъ-то ена справляна:
Справляна въ царь городзѣ,
Да прислана мо́лодзѣ.
Шили ее кравцы нѣмцы,
Прислали нашей паненцѣ.

59.

Да йдзѣжъ свёкоръ дзѣвся?
Войдзи свекоръ въ хату.
Зними покрывало!
Не суши челядзина,
Свойскаго семьянина.

60.

Дали намъ пици й ѣсци.
Дайце погуляци!
Дайце намъ усю волю,
Пусцице насъ у комору!
Хоць бы мы да поглядзѣли,
Куды нашу сестру дзѣли.
Дайце намъ подняць перинку,
Да́ поглядзѣць на калинку,
Ци хорошо развилася,
По кошулѣ разлила̀ся. *)

61.

А й дзѣ сѣдзѣли приданки,
Здрыгнулися уси лавки.
И не такъ еще здрыгнуцца,
Якъ приданки до попьюцца.

62.

Сваццѣ моей шишки въ пятки!
Нема дочухны милой дзяцятки.

*) Замѣчательно-ясное указанье на то, что *калина* ес

— Хоць я ноченьки не спала (*поютъ со стороны свекрови*),
Свою сваццюхну ошукала (*обманула*)
Ее дочухну къ собѣ перезвала,
Невѣстку собѣ дождала.

63.

Да чему жъ не ошукали!
Лихо тобѣ помогало,
Нашу (*имя рекъ*)... порезваци (*поютъ со стороны матери молодой*)
И до себе дочекаци.
У насъ была, пряла, ткала;
А ў васъ будзѐць пописчала.
У насъ была ѐна хозяйка,
У у васъ будзець лѣнцяйка.

64.

Приданки заспѣвали,
Якъ сучки забрехали.
„Возьми, сватокъ, помело,
Да гони сучекъ за село!
Возьми, сватокъ, добрый лутъ (*лыко*),
Гони сучекъ въ цѣсный кутъ!
Штобъ ѐны такъ не брехали
И штобъ чесць хоць троху зпали .

65.

Ойченка мой родненькій,
Мой ружовый квѣце!
Побывай же у мене
Хоць разъ ты у лѣцѣ!
— Дзицятко мое родное,
Якъ же мнѣ у цебѣ быци?
У лѣтку за песками,
Зимою за снѣгами,
Весною за водою.

— Да въ лѣцѣ у карецѣ,
Зимою у возочку,
Весною у човночку.

66.

У нась сянии перезовъ! *)
И самъ Богъ къ намъ перейшовъ,
Со святой Троицею,
Съ пречистою Богородицею,
Съ добрымъ словомъ, съ хлѣбомъ солію
Съ щасцемъ и доброю долею.

Еще свадебныя пѣсни **)

А. Сватовство.

1.

Калина не стой, распускайся,
Да въ бѣлый квѣтъ раскидайся,
Да на квѣтокъ, да бѣлюсенькій
Да на квѣтокъ, да дробнюсенькій,
Да Хведорка сѣдзи да размысляйся,
Да чи сватовъ ты пошлешь,
Да чи самъ да поѣдзишь?
Сватовъ пошлю, не перечекаю,
Самъ поѣду, такъ погуляю.
Сватъ поѣдзе да запьецца,
Енъ правданьки не спытаецца,
Сватъ поѣдзе, лгаци будзе,
Потомъ мила плакаць будзе.

---

*) *Перезовъ* — третій или одинъ изъ послѣдующихъ дней послѣ свадьбы, въ который родные невѣсты посѣщаютъ новобрачную и привозятъ ей приданое и благословенную икону (слов. г. Носовича, стр. 402).

**) Доставлены г. Носовичемъ позже въ особой дополнительной тетради.

2.

Што за паны, што за сваты на дворѣ?
По польску *) мовюць, Мариньку просюць до себе:
А вынидзь, вынидзь, млода Маринька, ты до насъ,
Познай, познай свойго суженаго межъ насъ.
Што у бѣломъ на коню бѣломъ—свекорка,
Што у синемъ на коню сивомъ—дзеверка,
Што конь вороненькій, самъ молодзенькій—суженька.

3.

Не лекайся (*пугайся*), дзѣвонька,
Не до цебе сваты ѣдуць,
Да зъ Вильна купцы ѣдуць,
Не дорогій товаръ везуць,—
Шпилечки да иголочки,
Да жовтые персценочки:
Иголочки на хусточки,
А шпилечки на стужечки (*ленточки*)
Персценочки къ веселлику (*свадьбѣ*):

4.

Прилецѣла сорока — чи-чи-чи,
Сѣла у дзѣвочки на плечи:
„Скажу тобѣ добрую вѣсцъ—чи-чи-чи,
Што у цебе сваты на дворѣ — чи-чи-чи.“

5.

Пріѣхали сваты на дворъ,
Пусцили стрѣлку **) въ окно.
„Стрѣла моя, стрѣла,

---

*) *По Польску*—вѣроятно, потому, что женихъ представляется *чужаниномъ. О. М.*

**) *Стрѣла* указываетъ на вооруженную силу насильника жениха. Такъ и, въ малороссійскихъ пѣсняхъ. *О. М.*

По што ты пришла?
Ци по медъ, ци по горѣлочку,
Ци по красную дзѣвочку?—
Ни по медъ, ни по горѣлочку,
А по красную дзѣвочку.

6.

Коло сватняго двора,
Да высокая гора,—
Ни взыйци, ни взъѣхаць,
Соколомъ ни взлецѣць;
Што даци, то даци—
Тую гору раскопаци;
А взыйци и взъѣхаць,
Соколомъ полецѣць!
Нашему (*имярекъ*) узъѣхаць,
Штобъ на милую поглядзѣць.

7.

Наша Таця̈нка (или имя невѣсты), наша
Поймала собѣ пташа *)
Да въ зеленомъ жицѣ,
Въ червонномъ аксамицѣ (*бархатъ*) **).

8.

Синее возеро на лугахъ стоиць,
Нашъ (*имярекъ*) на думкахъ сѣдзиць.
Думаецъ думу великую,
Попавъ на родзину богатую,

*) *Пташъ—птахъ*—птица.

**) Такая роскошь въ нарядѣ объясняется, можетъ быть, не только свойственною народной позіи своего рода идеализаціею, но и древностью пѣсни, происхожденіемъ ея отъ такой поры, когда крестьянскіе наряды отличались у насъ богатствомъ, удивлявшимъ и приводившимъ въ негодованіе извѣстнаго писателя XVII в. Крижанича (Русское Государство при Алексѣѣ Михайловичѣ, изд. Бесонова, ч. I стр. 132). *О. М.*

Зъѣдзивъ копика, гарцуючи,
Стоптавъ боцики, танцуючи,
Сцеръ шапочку, кланяючися,
Змочивъ хусточку, уцираючися.

9.

Собрався расчекъ *)
Да у цемный куточекъ:
Хочець полецѣць
На щирые боры,
На жовтые квѣты,
На солодкіе меды.
Собрався Хведорка
Зъ своею родзиною,
Хочець поѣхаць
Цесця звоевацъ, **)
Наталку къ собѣ взяць.

10.

Цеща зяця ждала,
Кунями дворъ стлала,
Кунями, бобрами,
Черными соболями.
„Кабъ же моя змо́га,
Выстлала бъ и много“.
Пышна цеща, пышна,
Што къ зяцю не вышла?
Ци ў ее кожуха нѣтъ,
Ци ў ее кубка нѣтъ,
Чимъ зяця витаци?

*) *Раёкъ* — маточникъ, въ которомъ до времени держатъ пчелиную матку, чтобы не ушла изъ улья. Слов. г. Носовича, стр. 544).

**) Замѣчательное выраженіе, прямо указывающее *на насиліе* въ брачномъ дѣлѣ. *О. М.*

11.

Ой цемно, цемно на дворѣ,
Ой цемнѣй того за дворомъ:
Бояре вороты облегли,
Посыпали золота по земли, *)
Да ходзюць, походзюць по двору,
Да просюць, попросюць Тацянку.
Тацянка татульку просила:
Дорожй, таточка, дорожи,
Да сто червонцевъ запросй,—
Тогды мене молоду отдаси.

12.

Межи новыхъ клѣточекъ,
Спежечка помецена.
Хто-жъ ее тамъ подметавъ?
Тацянка подметала,
Миколку къ собѣ въ госци ждала.
Да ждала не дождала, да у татоньки пытала:
„Таточка, мой родненькій,
Ты вчора на торгу бывъ,
Ци не видзивъ (*имярекъ*)?
— Дзицятко мое родное,
Хоць видзивъ, не знаю.—
„Якъ же его не познаци?
Самъ семъ поѣзджае;
Подъ имъ коникъ брое,
Копыцикомъ землю крое,
Вушами войну чуе,
Вочами звѣзды личе".
— Правда, вчора енъ на торгу бывавъ
И тобѣ вѣночекъ сторговавъ,

---

*) *Золото* указываетъ на *куплю* невѣсты, съ особенною ясностью обнаруживающуюся въ этой замѣчательной пѣснѣ. *О. М.*

Да зъ руты, да зъ мяты,
Да зъ бѣлой лялӗи,
Да зъ червонной папери (*бумаги*),
Што ни дождживъ его не замочиць,
Да ни сонце его не ссушиць,
Да ни вѣтрикъ его не звѣе.
Вѣтрикъ повѣе—лялея,
Сонце пригрѣе—енъ спѣе,
Дождзикъ прикропиць—зеленѣе.

13.

Да боромъ, боромъ, борами
Ѣхали сваты рядами,
А молодый Стэхванька на перёдъ,
А его брахника (*братъ*) по серёдъ.
„Стойце, постойце, сватове,
Ци не зязюлька то кукуець?
Ци не соловейко щебечиць?“
Стэхванька отказывасць,
Што не зязюлька кукуець,
Ни соловейка щебечиць,
Гето моей невѣсцѣ пѣсни пѣюць,
Мнѣ молодому вѣдомо даюць.

14.

Пото-жъ, тобѣ, Миколка,
Уведзёнка *) Прасковка;—
Коли ее любишъ, дай пирогъ,
Коли не любишъ, то вонъ за порогъ!
Не хвалися, што у насъ бывъ,
Што нашей Прасковки не взлюбивъ.

---

*) *Уведзёнка* —1) Соблазнительница, обольстительница; 2
г. Носовича, стр. 648).

15.

Да зъ борку, зъ борку на колку,
Висиць колыска на шолку,
Да у тэй колысцѣ Николка:
„Да милые мое сватове,
Сколыхниңе мене высоко,
Кабъ я забачивъ далеко,
Гдзѣ моя милая гуляець,
Садовымъ яблочкомъ шибаець;
Може ёна въ орѣшки цятуець *),
Съ молодыми ребятами жартуець.

16.

Зажурився (*имярекъ*) въ повдорожки ѣдучи,
На бѣлыя березки глѣдзючи:
„Да моя березка бѣлая,
Да моя головка бѣдная.
Я у гетомъ дзѣлѣ не бывавъ,
По цемныхъ ночкахъ не ѣзжавъ."
—Не журися (*имярекъ*) ни о чемъ,
Мы цебе одного не пошлемъ,
Мы цебе пошлемъ зъ дружиной,
А вся дружина съ своей родзиной.

17.

Прiѣхали три казаченьки на дворъ нашъ:
„Познай, познай, дзѣвочка—который вашъ;—
Ци то, што у синимъ на коню сивымъ,
Ци то твой—самъ молодзенькiй, конь вороненькiй,
Ци то твой, што у атласѣ, у жовтымъ пасѣ?"
— Што у сини на коню сивымъ—то дзеверъ мой,

*) Слова этаго въ слов. г. Носовича нѣтъ. Не значитъ-ли оно, какъ въ одной малороссiйской пѣснѣ, сообщенной мнѣ Н. И. Костомаровымъ, *играетъ въ четъ-нечетъ?*

Што въ атласѣ, жовтомъ пасѣ—свекоръ мой;
Самъ молодзенькій, конь воропенькій—гето мой!

18.

Звинѣла комора, звинѣла,
Гдзѣ Тацянка сидзѣла,
Тонкіе обрусы ткала,
Мыслями узоры
Дзивные поклала.
Пріѣхавъ суженинькій,
Пріѣхавъ самъ дзесятъ,
Попускавъ кониковъ
Да въ вишневый садъ:
„Не ржице, коники, не ржице,
Тацянка понасецъ на жицѣ,
Ядренымъ овсомъ обсыпецъ,
Червонымъ сукномъ обшіицъ.“
Да не давъ Миколка не давъ,
Тацянки обрусовъ доткаци,
Да просивъ зъ собою сѣдаци.

19.

Бѣлыя березки, да не разбѣгайцеся,
Крутыя дорожки, да не разминайцеся:
(*Имярекъ*) къ цесцю ѣдзецъ.
Ёнъ дзѣця разумное,
Ёнъ море селезнемъ плывецъ,
Ёнъ поле соколомъ лецицъ,
У воротахъ росой падзецъ,
На дворѣ княземъ станецъ,
За столомъ госцемъ сядзецъ:
„Частуйце-жъ, частуйце
Не бывалаго госця,
Свого любого зяця.“

20.

Да у мѣсичка два рожки крутые,

Да у (*имярека*) два браты родные,
Одзинъ братухна коня сѣдлаёць,
А другой братухна его научаёць:
Якъ поѣдзёшь, брахника, у чужіе людзи,
Глядзи, брахника, разумнинёкъ будзи;
Выйдзець къ тобѣ танокъ дзѣвокъ;—
Не бери таей, што у золоци,
Да бери тую, што у розумѣ;
Мы золота у кромѣ (*въ лавкѣ*) достанемъ,
А разуму свого не уставимъ.

21.

Кленовый листочикъ,
Куды-жъ ты коцишься?
Ци въ лугъ, ци въ долину,
Ци зновъ на кленину?
Да не самъ я кочуся,
Коциць мене буйный вѣцёръ
Ни въ лугъ, ни въ долину
Да й знавъ на кленину.
— (*Имярекъ*) молодзенькій,
Куды-жъ ты рядзишься?
Ци въ госци, ци въ дорожку?
„Да не самъ я ряжўся,
Рядзиць мене самъ таточка
Ни въ госци, ни въ дорожку,
Да къ цесциному дворочку,
Къ (*имярекъ*) на застолле.“

22.

У грозпаго цесця
Стоиць зяць за воротами,
Снѣгомъ перепавши,
Дождземъ перемокши.
„Крыйся, зяцю, купами,
Бобрами, чорными соболями.“

Б. Заручинныя.

23.

Ой горосе, горосе,
Сѣяли цебе хорошо
При лузѣ, при дорозѣ,
При битомъ госцинцу. *)
Ай ты красна Агапка,
Заручали цебе хорошо,
При родни и племени,
При родномъ таточку.

24.

Колибъ я вѣдала
Близкія заручепки,
Послала-бъ таточку
Въ логъ по калинку.
Таточка идзець,
Калинки не несець,
Вѣтры не вѣюць,
Сонце не грѣець,
Калинка не спѣець.
Што моя за доля!

25.

Зыбнуло море, зыбнуло;—
Тамъ наша Агапка утонула.
Пришовъ татка ее ретовáць,
Подае ручку дзѣцяци.
Не подамъ я ручки никому,
Нехай я въ морѣ утону,

*) *Госцинецъ*—торговая дорога съ канавами. (Сл

Не достануся никому,
А достануся одному,
Только милому моёму." *)

26.

Казала боченка, стоючи въ клѣци:
„Коли мене не выпьецс на веселомъ банкецѣ,
Сама выкачуся, разольюся по дворѣ,
Холодной криницей, спюдзеной водзицей."
Мовила Агапка, сѣдзючи при татки:
„Коли мене не выдаси, я сама пойду,
По дворѣ по маленьку иду,
За воротамъ угрунь (*бѣгомъ*) побѣгу."

27.

Дзешево было мойму таточку
Да горѣлочку пици.
Якъ пойдзець на токъ, возьмець цапокъ,
Не съ кѣмъ молоцици.
Цапочкомъ махнець, цяжко уздыхнець,
Сильнинько заплачець, што дочушки не бачиць.
Дорого было мойму свекорку
Да горѣлочку пици;
Пойдзець на токъ, возьмець цапокъ
Есць съ кимъ молоцици.

28.

Пріѣхали заручнички,
Чемужъ мы безъ дудочки?
(*Имярекъ*) не удовочка
Захочець погулянь,

*) Свадебныхъ пѣснь объ угонаніи повсемѣстно много, но въ этой конецъ отличается совершенно своеобразнымъ оборотомъ (См. въ моемъ Ист. Обозр. Р. Слов. стр. 116). Ср. также Mittler, Deutsche Volkslieder, стр. 55 *О. М.*

Татковъ дворъ ровповаць,
Ножками острожками,
Чорными чоботами,
Зъ молодыми сватами.

29.

Сегодни заручепьки Богъ намъ давъ,
Процивъ понедзелку Богъ посдавъ;
Ипли дары па три столы
Тому сему по подарку,
Пашему (*имярекъ*) три подарочки Богъ давъ:
Одзипъ подарокъ золотый персцепь,
Другій подарокъ шовковая хустка,
Трецій подарокъ красная (*имярекъ*).
Золотый персцень на мѣняние,
Шовковая хустка па вцпрапие,
А красная (*имярекъ*) на кохание.

30.

Зажурилася Пастанька,
Што рано зимочка пастала,
Снѣжкомъ руточка пришала,—
Пе съ чего молодзѣ (*молодой*) вѣнца звиць,
Да на голову уложиць.
Зачувъ же гето (*имярекъ*):
„Да не журися, Н—ка;—
Я вчора на торгу да бывавъ
И тобѣ вѣнокъ сторговавъ,
Хоць не руцяный, да перловый,
А-бы-бъ бывъ до вѣнца готовый“.

31.

Поглядзи ся, мамочка, мене отдавши,
Мене отдавши, а певѣстку узявши.
Да устанешъ раненько, да нема кого будзици,
Возьмешъ ведзерко, нема водзицы;

Ты-жъ будзешъ думаци, што воловъ погнала,
Да твое волы стояць у хлѣвѣ,
А твое дзѣця у чужой сторонѣ.
Пастушки идуць, ты будзешъ пытацца;
Ены тобѣ, мамочка, не будуць казацца:
Волки придуць, да мене не будзе,
Да тобѣ, мамочка, горши жаль будзе.

32.

Да пристань, Боже, пристань
Да до нашего до початочку,
Што мы его починаемъ,
Пана Бога звеличаемъ.
Да Пречистая Маци
Обѣцала долю даци
Да Зосиньцѣ дзѣцяци.
Да доля жъ, моя доля!
Коли будзешъ добрая,
То садзися со мною,
А коли будзешь якая,
То съ быстрою водою!
Не спотыкайся со мною!

33.

Зязюлька, зязюлька, да не голосна,
Кукуешь голосно, да не жалосно,
Не чутко за ельничкомъ,
За бѣлымъ березничкомъ.
Красная Апелька, да не голосно,
Плачешь голосно, да не жалосно,
Не чутко за дружками,
За голосными скрипками.
Я по бору не ходзила,
Голосу не збирала, плакаць не училася,
Да Якубку згодзилася,

На ручничку стояла
За бѣлую ручку дзержала,
Да Якубку присягала.

34.

Лецяць пташечки на три стадочки
И зязюлька по—передъ;
Птушечки пали, защебетали,
А зязюлька закуковала.
Ишли дзѣвочки черезъ сѣночки
И Мамонка по—передъ;
Дзѣвочки сѣли, пѣсни запѣли,
А Мамонка заплакала.

35.

Знаць тобѣ, Настулька, за мужъ хочецца,
Што твое слезыньки не кацюцца.
Идзи, Настулька, въ зеленый садокъ.
Вырви горку цыбульку, положи въ платокъ,
Ци не пойдуць у цебе дробны слезыньки.
Узыйдзи, совнико, для цепла дзеля,
Заплачь, Настулька, для сорома дзеля.
Узышло совнико, обутрѣло,
Настулька плакаци а ни думала. *)

В. Коровайныя.

36.

Благословице, людзи,
Близкіе сусѣдзи,
Гетому дзѣцяци

*) Пѣсня эта представляетъ замѣчательное указаніе на обрядовую обязательность слезъ даже въ случаѣ добровольнаго и желаннаго выхода замужъ. Тоже самое замѣчено и у французскихъ крестьянъ (Bujeaud, Chants et chansons populaires des Provinces de l'Ouest, Niort 1866, t. II. p. 8, 12). *О. М.*

Коровай замясици
Ручками бѣлинькими,
Персцями золоценькими,
Пѣсьнями веселенькими.
Соступи, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цеперь треба:
Помогавъ разчинипь,
Помогай замѣсиць
Ручками бѣлинькими,
Персцнями золоценькими.

37.

Не стой, Боже, за дверями,
Да идзи, Боже, въ хату,
Да сядзь, Боже, на кудѣ,
Да дай долю молодзѣ.
„Я у хату не пойду,
Я за дзверми постою,
Молодзѣ долю перешлю.“

38.

Да лецѣли гусыньки въ чужій край...
Часъ тобѣ, дзѣвочка, за коровай...
„Сцелице кобельцы (*ковры*), я сяду,
Благослови, ойченько, я пойду.“

39.

Збирайцеся, родные, въ хатку
Да къ бѣленькому короваю;
Старыя бабы для порядку,
Молодыя молодзицы пѣсни пѣць,
Удалые молойцы коровай печь.

40.

Коровай у дзѣжѣ (*квашнѣ*) играець,
Да вѣко (*крышку*) подымаець,

Коравайниць ожидаесць:
Гдзѣ жъ мои коровайницы?
Чи на меду запилися,
Што на мене забылися?
Господынички нутка
Ворочайся хутко (*скоро*):
Уже на дворѣ вечеръ,
Коровай нашъ не печенъ.

41.

Хвала тобѣ, Боже,
Што мы дзѣло зробили,
Каравай замѣсили (каравай усадзили)
Ручьками бѣлинькими,
Персцнями золоценькими
Съ пѣсьнями веселенькими.
Четыре паши у дзѣжи,
Пятая сила
Каравай замѣсила;
Да упала я у дзѣла,
Цѣло мое упоцѣло.
Горѣлочки захоцѣло,
Горѣлочки акавиточки,
Для мене працовиточки (*работящей*).

42.

Нихто не угадае,
Што въ нашемъ короваѣ.
Муки дзевяць пудовъ,
Масла зъ восьми коровъ,
А яецъ повтораста.
Съ суботы на недзѣлю
Собралася (*имярекъ*) родзина;
Знеслижъ ёны семъ ситъ муки;
Хвалажъ Богу! каравай будзець великій;

Знесли-жъ ёны масла семъ кругъ;
Хвала Богу! будзець коровай, якъ пухъ;
Знесли ёны по копѣ яецъ на коровай,—
Хвалажъ Богу! румянъ будзець каровай.

43.

Да богатъ, Никитка, татка твой,
На пшеничку клавъ гной,
Добра пшеничка, што въ овинѣ,
Да великія скирты на гумнѣ,
Повные аруды (*закромы*) у клѣци;
Чемужъ кораваю не шумѣци?

44.

Подышовъ каравай у дзѣжѣ,
Господынька добре сцерѣже;
Поднявся каравай у печи,
Да чемужъ ему не шумѣци?
Хорошая учинила,
Румяная мѣсила,
Господа Бога просила,
Кабъ нашъ коровай удався.

45.

Стояла калинка кольки лѣтъ,—
Сѣчице, рубице на загнѣтъ (*очагъ*).
Кабъ нашъ загнѣцикъ бывъ ясенъ,
Кабъ нашъ коровай бывъ красенъ,
Кабъ наша (*имярекъ*) была весела,
Кабъ наша руточка была зелена.

46.

На дворѣ яворъ ссѣкаюць,
Ажъ у хаточку трески (*щепы*) летаюць;
Коло явору тресочки,
Коло караваю молодзички.

47.

Коровайницы псицы
Сидзяць, якъ лисицы,
Усе цѣсто покрали,
По кишенямъ поклали,
Ахъ-ци мнѣ пришло:
Въ кишени цѣсто подошло.
Чія жена гожа,
Языкомъ дзѣжу гложе,
Чія жена хижа (*проворна*),
Языкомъ дзѣжу лиже.

48.

За короваемъ я споцѣла,
Горѣлочки захоцѣла;
Дайце и другую—я выпью,
Дайце и другую—я выпью и тую,
А за треццюю подзенькую.
Стану я для печи
Коровою глядзѣци,
Кабъ енъ не отпекся,
Кабъ енъ не отжогся,
Кабъ намъ соромъ не бывъ,
Да чужій человѣкъ не кпивъ (*не шути*

49.

Красный Гришечка,
Не усядайся на лавочци,
Да возьми сокола у ручки,
Да поидзи коло пшеночки,
Обжени перепелочки:
Кышъ—кышъ! перепѣлочки,
Да не ѣжце моей пшоночки;
Пшонка моя придалася,

Да на коровай сгибалася,
Да на коровай, на квѣточки;
Да лучи, Боже, наши дзѣточки!

50.

Положили коровай на столѣ,—
Столовыя ножки гиблюцца (*гнутся*),
Уси людзи дзивюцца,
Што удався нашъ коровай,
Господу Богу на хвалу,
Добрымъ людзямъ на славу,
А пріяцелямъ на дзиво.
Вы, пріяцели, глядзице
И по целковому кладзице.

51.

Пытався коровай у перепечи (*лепешки*):
„Да куды сцежка до клѣци?"
—Ахъ ты, коровою—воропаю!
Часто въ клѣци бываешь,
Сцежки, дорожки пытаешь.
Возьми посошокъ, попирайся,
Да у клѣтку добивайся.

52.

Мы жъ были на коровои,
Тамъ насъ честовали
Пивцомъ молодзенькимъ,
Медкомъ солодзенькимъ,
Цымбалы заиграли...

53.

Наталькина челядзь
Захоцѣла вечерянь.
Лецѣли гусочки съ вырыю *)
Да пыталися о короваю:

*) Относительно этого слова см. выше стр 44 (Слов. г. Носовича 93).

„Ци уже вы коровай сплескали?
Чему жъ насъ, гусочекъ, не ждали?
Мы бъ вамъ коровай сплескали,
Крылками-ножками сплескали.

Г. Пѣсни при веденіи дѣвицы на посадъ, при чесаніи косы и выкупѣ невѣсты.

54.

А ты, мой брахника, пошто ты пришовъ,
Съ ржанымъ пирогомъ, зъ дубовою ряжкой (*шайкой*),
Съ пшонныимъ пивомъ и зъ березовою розкой?
—Ржаный пирогъ дзѣвкамъ подарю,
А въ ряжку я ягодъ наберу,
Пшонное пиво подъ вуголъ подоллю,
Съ березовой розкой скоцину погоню.

55.

Лецѣли гусыньки черезъ садъ,—
Часъ тобѣ, Ганнулька, на посадъ.
Сцелице кобельцы, я сяду;
Благослови, брацейко, я пойду.

56.

Братъ сестру на посадъ ведзець,
Шовкомъ земельку мецець,
Сытою поливаёць,
Съ сестрою размовляець:
Сестрица моя родная,
Да не будзь гордая,
Да не жалѣй своей головки,
Да кланяйся мамцѣ въ ножки,
Нехай мамка знаець
Да объ долю гадаець.—
„Знаю, дзѣцятка, знаю

Да объ долю не гадаю.
Даець Богъ долю, даець добрую,—
Хвала Тобѣ, Боже!
А коли якую проклятую,
Ахъ, мой моцный Боже!

57.

Ходзиць, походзиць зязюлька
По щиромъ борочку,
Садзиць, посадзиць дзѣточекъ своихъ
На бѣлой паучинѣ, на пуховомъ листочку,
Покуль прилециць соловей зъ лугу:
„Енъ васъ разгониць и мене возмець съ собою."
Ходзиць, походзиць молодая дзѣвочка
По новыхъ ганочкахъ, *)
Садзиць, посадзиць своихъ сестрицъ
На бѣлыхъ лавочкахъ,
Покуль прiѣдзёць (*имярекъ*) съ гурбою:
„Енъ васъ разгониць, а мене возмець съ собою."

58.

Што-то за заря у татки на дворѣ?
Дзѣвочка съ цепломъ ходзиць, усихъ побужаёць:
Устаньце, дзѣвочки, берице щоточки,
Чешице головки, ужо жъ моя почесана,
Косничкомъ уплецена; ужо мое прiѣхали—
Ужо жъ мою развiюць коску,
По мужниму (?) разлiюць слёзку.

59.

У горо̂дзѣ на частоколѣ
Зязюлька куковала,
У лазни (*въ банѣ*) на лавцѣ

*) *Ганокъ, га̂ночекъ*—крыльцо, крылечко. *Ганочки*—ступеньки. (Слов. г. Носовича стр. 109).

Косу дзѣвица чесала,
А чешучи косу русу,
Съ косою размовляла:
„Моя косица, моя русая,
Нѣйдѣ (*знать*) я татку не мила!
Я тобѣ, мой таточка,
Зъ весны говорила:
Не дзери бору, не сѣй лёну,
Не-кому будзець полоць.
Гдзѣ я пойду, гдзѣ я жиць буду,
Тамъ я и робиць буду.
Я тобѣ, свекровка,
Зъ весны говорила:
Надзери бору, насѣй лёну,—
Я приду и полоць буду...

60.

Брахна Миколкинъ по гумнѣ ходзиць,
Три сады садзиць,
Уси сады хмѣлевые.
Війся, хмѣлю, війся коло тычки,
Війся коло тычки, свѣсивши въ садъ шишки.
Подстригайся (*имярекъ*) съ ребяцкаго стану
Да въ мужскую славу.

61.

Выйду я на ганочекъ (*крылечко*),
Гляну я на красочки,—
Ажъ мое красочки зіянуць (*сіяютъ*).
Ажъ мое рученьки вянуць.
Зіяйце, красочки, зіяйце,—
Мнѣ жъ васъ не носици,
Я одзинъ вѣнокъ звила,
Да и той повѣсила
У комори на пруточку,

На шовковомъ шнурочку,
На червоной ниточцѣ,
Меньшей сестрицѣ.

62.

Почимъ познаць калинку ў лузѣ?
Низенько сѣдзиць, бѣленько квицець.
Почимъ познаць Наталку у мамки?
Межъ дружекъ сѣдзиць, да жалосно плачець.

63.

Улѣзъ дружко въ хату,
Да у печъ поглядаець:
Ци густа капуста,
Ци великъ горщокъ каши,
Ци пойдаюць наши.
Одзинъ кажець: мало!
Другій кажець: годзе (*довольно*)!
Трецій кажець: мовчи!
Бо заставюць товчи.

64.

Полѣзъ дружко по лучину—
Выдрали дзѣвки чуприну,
Усторкнули на тычину.
„Хто ѣдзець—пытаюць:
Чій гето хохолъ летаець?"
—Дружковъ хохолъ летаець;
Чему жъ бояринъ не витаець.

65.

Звязали дружка, звязали;
А й дзѣ жъ его поймали?
Запивая дружка, запивая
И на дружину забывая.

„А гдзѣ жъ твоя дружина?“
—А у поли подъ шатромъ,
Подъ бѣленькимъ полотномъ.

66.

Дружка жена да досужа была,
Семъ годъ кросны ткала,
Семъ недзѣль хвартухъ шила,
До обѣда зносила, на порозѣ згубила.
„Я па веселли гуляла,
Хвартукъ поцеряла;
Коли мене мой мужъ любицъ,
Ёнъ мнѣ другій купицъ.“

67.

Дзѣвочки дружка били,
Чуприну залупили.
Хто идзець,—смѣецца,
Што чуприна тресецца.

68.

Да у нашего дружка
Голымъ-гола голова:
Добре дзѣвкамъ бобъ молоцицъ,
По закуточкамъ не лецицъ.

69.

Передъ дружкомъ сорока,
Лежицъ ена безъ вока;
Ена лежучи сокочецъ,
А ёнъ ее ѣсци хочецъ.

70.

Да красная Зосечка,
Коли съ цебе тое было,

Штобъ ты служки наймала
Русу-косу расплетаци,
Слезки свое разливаци?
— Да дзѣвочки-сестрицы,
Да теперь мой дзень наставъ,
Што до мене братка приставъ—
Русу косу расплетаци,
Слезки мое разливаци.

71.

Куковала зязюлька въ садочку,
Приклонивши головку къ листочку:
„Хто мое гнѣздзечко разовьець,
Хто мое ячки поберецъ?“
—Разовьець гнѣздзечко лебѐдзька,
Поберецъ ячки лебедка.—
Плакала паненка у свѣтлицы,
Приложивши головку къ скамлицы:
„Хто мою косыньку расплецець,
Хто мои уплеты поберецъ?“
—Расплецець косыньку братэнка,
Поберецъ уплеты сестренька.

Д. Пѣсни до зари вѣнчальнаго дня при благословенiи мате

а) *при расплетанiи косы.*

72.

Закосники паничи,
Чѐго ѣздице по ночи?
— Да мы ѣдзимъ тропою,
Да за русою косою,
Да за родною сестрою.

73.

Закосничекъ—воробей,
Чѐго рано прилецѣвъ,

Ци ѣсциньки захоцѣвъ?
Дайце ему гречки снопокъ,—
Нехай клюець, якъ питушокъ;
Нехай скачець, якъ бѣлка,
Нехай пѣець, якъ дзѣвка.

74.

У недзѣльку пораненько Сонька сѣнцы мецець,
Вѣничкомъ махнець, жалосно заплачець.
Да у ее мамочка пытаець:
„Чего, моя дочухна, такъ жалосно плачешь?
Ци ты жалуешь старосци моей,
Ци жалуешь подворьика мойго?“
—Моя мамочка, моя родная!
Усяго я жалѣю, жалѣю старосци твоей,
И подворьика твойго и русой косы своей,
Усей дзѣвочьей покрасы.

75.

Скочила дзѣвонька доловку, (*на землю*)
Склонила мамѣ низко головку;
Ручками земельку обняла,
Слезками ноженьки облила.
„Корися, дзѣвонька, корися,
Старому и малому поклонися:
Съ поклону головка не болиць,
Старый и малый благословиць“.

76.

Елиночка зиму и лѣто зелена,
Наша Маланка нешто дзень весела,
У субботу косу чесала, слезки разливала,
А въ недзѣлю рано до шлюбу повстала.

б) *сиротскія.*

77.

Нѣту, нѣту Мариночки дома;
Пошла до Господа Бога.

Стоицъ годзину, стоицъ другую,
Покуль отчинили райскія дзвери.
Тамъ углядзѣла свою мамочку,
Якъ же обачила, сильно заплакала:
„Боже, Боже, прошу на веселле,
Ци Самъ придзи, ци мамочку пусци.“
—И самъ не пойду, и мамочку не пущу,
Да щасця и долю тобѣ пришлю.

77.

Нѣту Марильки, нѣту дома,
Пошла Марилька до пана Бога;
Стоицъ годзину, стоицъ другую,
Покуль отчинюцъ райскія дзвери,
Покуль выпусцюцъ ее матыньку.
„Прошу цебе, матухна, прошу на веселле,
Да на сирочее, на дзѣвочее.“
—Веселися, дзѣцятка, веселися зъ Богомъ,
Веселися, зъ Богомъ, да и зъ добрыми людьми,
Зъ добрыми людзьми усе сусѣдзями,
Зъ молодыми, да и зъ дзѣвочками.

78.

Хто у полю по сырюсеньку гукаецъ?
—Тамъ невѣста своей мамочки шукаёцъ.
Хоцъ шукаецъ-не шукаецъ, не знайдзецъ,
Ой далёка ее мамочка, далёка,
У сырой землѣ у жовтомъ песку глубоко.
„Да зробили добрые людзи вѣчный домъ
Безъ дзверей, безъ вокошечка, безъ слонца.—
Не промовлю, дзѣцятко, ни словца.“

79.

Чіи то слезки зъ горы кацилися?
Невѣстины слезки зъ горы кацилися,

Пески разрывали, мамочку доставали.
Далеко мамочка, за тремя замочками.
Першій замочекъ—сосновый церемочекъ,
Другій замочекъ—жовтый пясочекъ,
Трецій замочекъ—сосновыя доски,
Да сциснули ножки—нельзя мнѣ крянуць (*ударить*):
Сырая земля грудой налегла,
Жовтыя песочки засыпали вочки,—
Не можно ни якъ проглянуць;
Сырые каменья по забоччю лежаць—
Не даюць повернуцьца.

81.

Настулькина мамочка
Передъ Господомъ Богомъ стоиць,
И ручки на крыжъ дзержиць
Да у Бога просицца:
„Пусци мене, Боже, да зъ неба до долу
Дзѣца поглядзѣци,
Якъ ено прибрано,
На посадъ посажено?“
—Прибрана ена, якъ лебедка,
Посажена, якъ сиротка,
Прибрана уся бѣлая,
Посажена якъ бѣдная. *)

82.

Не стой, Боже, за вокномъ,
Да йдзи, Боже, въ хату;
А сядзь, Боже, на куцѣ,
Да дай долю сироцѣ.
А у сироцинки нѣту матки,
У сироцинки нѣту бацьки...

*) Ср. въ моей христоматіи на стр. 24-й пѣсню галицкую. *О. М.*

83.

Ишла пошла дороженька по небу,
Туды-жъ ишла молодзенькая дзѣвочка.
Пришла ена до шкляного конца, *)
Углѣдзила свою мамочку сѣдзючи,
Стала ена у Господа Бога просици:
„Пусци жъ, пусци жъ, мой Божечка, мамочку
Мене бѣдное дзѣця поблагословици!“
Богъ ей такъ отказавъ:
„Што жъ бы то за свѣтъ наставъ,
Какъ Богъ зъ неба людзей пускавъ!“

84.

Гдзѣ сонца усходзиць,
Тамъ невѣста ходзиць,
Свою матку просиць:
„Моя мамочка родная,
Перейдзи дорожечку,
Помолися Божечку,
Тройцѣ зъ Миколою,
Штобъ надзѣлили сироту
Щасцемъ и долею.“

85.

Знаць, дзѣвочка, по веселлю,
Што не таточка цебе отдаець,
Што не таточка родный благословляець.
Великій дворъ, да не великій зборъ,
Бо не вся пришла родня.
Соловейку пошлю по таточку,
Сама пойду на украину,

---

*) Замѣчательно указаніе на миѳическое представленіе неба с *горою. О. М.*

По свою любую родзину.
Соловейко полецѣвъ, да не дождався;
Таточка мой родный самъ догадався:
„Леци не леци, мой соловейка,
Уже мнѣ не встаци.
Радъ бы я радзешенекъ встаци,
Да свойму дзѣцяци порадочекъ даци,
Да сырая земля грудой налегла—
Нельзя мнѣ устаци.“

86.

Прошу цебе, матухна,
Прошу на веселле,
Да на сироцкое, на дзѣвоцкое!
— Веселися, дзѣцятка, зъ Богомъ,
Зъ добрыми людзьми да сусѣдзями,
Зъ молодыми да зъ дзѣвочками.

87.

Въ недзѣлю раненька вышла Агапка съ хатки
Молицьца Богу на могилкѣ матки:
„Благослови мене, маточка,
До шлюбу зъ Богомъ ступаци.“
— Зъ Богомъ, зъ Богомъ, дзѣцятка,
Съ усими святыми,
Тобѣ дорожка очищена
И церковка отчинена,
Тобѣ дорожку Богъ благословиць,
А церковку татусь отчиниць.

88.

Дымъ, дымъ по долинѣ,
Шумъ, шумъ по дубровѣ,
Дзѣвка къ вѣнцу идзець,
А старый сватъ провожаець,

Дзѣвка на Бога нарекаець,
Сырую землю проклинаючи.
„Сырая земля, сырая,
Узела мою маточку старую,
Покинула мене ёна молодую
Съ кудрявою головкою.“

Е. Пѣсни при поѣздѣ молодыхъ въ церковь и об:

89.

По чимъ познаци калинку у лузѣ?
Низенько сѣдзиць, бѣленько квицець.
По чимъ познаци Наталку у мамци?
Межъ дружекъ сѣдзиць, да жалосно плачець.

90.

До дубу зязюлька, до дубу...
Часъ тобѣ дзѣвочка до шлюбу.
Што тобѣ, зязюлька, до того,
Есць у мене матка для того.
Благословиць пойци, я пойду;
Посцелиць рушничекъ, я стану.

91.

Кланяйся, Кацеринька, кланяйся,
Стараго и малого не минай,
Слезами землицу обливай,
Роднаго таточка познавай.
Становицеся, бояры, усе рядомъ,
Чи не будзе ойченька подъ передомъ.
—Колько я сцежечекъ перешла,
Родного ойченька не нашла,
Кольки бояры перебрала,
Родного ойченька не познала.

92.

Брахника мой родненькій,
Дай же мнѣ коня у возъ,
Кабъ мене до шлюбу завезъ
Да на тую гору крутую
Подъ церковку святую,
Гдзѣ людзи збираюцца,
Пану Богу кланяюцца,
Низенько и покорненько,
Пану Богу пріемненько (*пріятно*).

93.

Лецѣли гусыньки отъ дубу,
Часъ тобѣ Ганнулька до шлюбу!
—Сцелице кобельцы—я иду,
Благослови, матухна, я пойду.

94.

Не лекайся дзѣвонька, не будзешь вѣнчана,
Да нема попа у дому, поѣхавъ у крому
Ключики куповаци, церковку отмыкаци.
„Двое дорогихъ дзѣтокъ звѣнчаю,
Да одно родное, а другое суженое:
Да Парасочку татка родзивъ,
А Миколая ей Богъ судзивъ".

95.

Ишла дзѣвочка съ поля,
Несла красочки въ приполлѣ, *)
Звила вѣнокъ при столѣ,
И покацила по землѣ,
Задала жалосци усей семьѣ,

*) *Приполле*—объемъ, сколько можно положить въ полу или пе (Слов. г. Носовича, стр. 508).

Не такъ семьѣ, якъ татку и матцѣ.
Наталкина мамочка
У концѣ стола стоицъ,
Да на дзѣвочекъ глядзицъ.
Уси дзѣвочки, якъ дзѣвочки,
Одно мое дзѣцятка
Слизами заливаецца,
Волосами уцираецца.

96.

Закидайце конемъ сѣнца,
Поѣдзимъ до вѣнца,
Да нема попа дома,
Поѣхавъ до Шклова
Ключики купляцъ,
Церковку отчиняцъ,
Двоихъ дзѣтокъ вѣнчацъ.
Дзѣтки и однолѣтки
Не одного отца, не одной матки.
Первое рожоное, другое сужоное,
(*Имярекъ*) рожоный, (*имярекъ*) сужоная.

97.

Сваты боромъ ѣдуцъ, играюцъ и скачуцъ.
Наша дзѣвчина не даецъ вѣры—не плачецъ.
Ужо сваты полемъ ѣдуцъ, играюцъ и скачуцъ,
Наша дзѣвчина не даецъ вѣры—не плачецъ.
Ужо сваты селомъ ѣдуцъ, играюцъ и скачуцъ,
Наша дзѣвочка не даецъ вѣры—не плачецъ.
Ужо сваты на дворѣ ѣдуцъ, играюцъ и скачуцъ,
Наша дзѣвочка даецъ вѣру—плачецъ *).

*) Ср. въ моей христоматіи на стр. 19 пѣсню изъ сборника Се
О. М.

98.

Богъ тобѣ давъ, Миколайка,
Што твоя невѣста богата;
Не поѣдземъ въ городъ по уборы,
Приберецца ёна у коморѣ,
Да надзенецъ шубу
И поѣдзецъ до шлюбу,
Бѣлый ковнеръ (*воротникъ*) на спинѣ,
Чорные соболи у крылѣ
Жовтые лисочки въ рукавѣ.

99.

Стояла Настанька подъ вѣнцомъ,
Чесала косыньку гребенцомъ.
Кинула гребенецъ подъ вѣнецъ,
Русую косыньку подъ чепецъ.
Косица моя русая,
Отдуха моя ранняя,
Не одно я ранепько згуляла,
Русую косыньку чесала.

100.

За воротами травка муравка
Золотомъ посыпана.
Настунька ишла, золото несла,
Золото разсыпала;
За слезками, за дробными
Золота не собрала,
За жалосцю, за великою
Мамочки не познала.

101.

Да зъ вѣнца дзѣвочка, да зъ вѣнца
Да не закидай же ты гребенца,

Да подай же мнѣ гребенецъ.
—Я жъ тобѣ, мамочка, не молодзецъ,
Што буду подавацъ гребенецъ.

102.

Мы были въ Божжемъ дому,
Стояли при сцѣнѣ,
Молилися Богу и Духу Святому.
Нашъ попъ молодзéнькій,
У его вусокъ золоцéнькій,
Борода шовковая,
Головка кудрявая,
На емъ червоные квѣточки,
Звязавъ наши дзѣточки.
Дзѣтки не однолѣтки,
Не одного отца и матки:
Первое рожоное,
Другое сужоное.

103.

Ой, што-то за госци ѣдуць,
Подковками огонь кресюць,
А хустками раздымаюць.
Выйдзи, доня, поглядзи,
А што ены привезли?
Привезли перину синюю,
А звѣнчали Марильку силою.

104.

По бору, по вересу роевыя пчелки:
У цесця на куцѣ свадзёбные госци.
Пьюць зелено вино, медомъ запиваюць.
Хвала-жъ Тобѣ, Боже, што на нашемъ стало,
Што мы раненько встали, попа ошукали (*надули*),
Да не дорго отдали, за паненку копѣйку,
А за того молодого—новъ-золотого.

105.

Зажигай, мамочка, свѣчку,
Да выходзи на сустрѣчку:
Да выходзи, мамочка, процивъ насъ,
Да витай кубочкомъ усихъ насъ,
Да пытайся у дочки: ци моя?
— Не твоя, мамочка, не твоя.
Да того князя молодого,
Съ кимъ на вѣнцѣ стояла,
За бѣлую ручку дзержала,
Золотый персцень мѣняла.

106.

Наталка за столъ идзець,
Шубочку за столъ несець.
Дзѣвочки, дружечки,
Не трице моей шубочки,
Да не тутъ ёна справляна,
Шили ее кравцы Нѣмцы,
Брали сукно у Кролевцѣ,
У Кролевцѣ—у городзѣ,
Прислали мнѣ молодзѣ.

107.

Сциха бояре идзице,
Хоромъ не вернице:
Хоромы усё новыя,
Столы цисовые,
Обрусы двойчастые,—
— Да й мы госци не частые.

Ж. Пѣсни застольныя, при дарени молодой и пос

108.

Налецѣли гуси, да зъ бѣленькой Руси,
Сѣли на криницѣ, стали воду пици.

Наѣхали госци, да съ чужой волосци,
Сѣли ёны за цисовымъ столомъ,
Стали ёны медъ, вино пици
Да кубками объ столъ бици.

109.

На морѣ, на возерѣ два бобры купалися;
А у новомъ церемочку два братцы змовлялися.
„Браточка мой родненькій, пойдземъ мы бобровъ бици,
Паненцѣ на шубочку, паничу на шапочку:
Паненочка за столъ идзець и шубочку въ рукахъ несець;
Поциху бояре идзице, шубы паненцѣ не оботрице;
Не тутъ то купляна, не тутъ то справляна.
Куплена въ городзѣ, прислана молодзѣ,
Шили кравцы Нѣмцы, прислали паненцѣ."

110.

Дзякуй тобѣ, цещухна!
Нѣйдзѣ твое пироги
На ў мѣдзяной печи были.
Да хорошо ёны росли,
Золотымъ весломъ выйманы,
Большаночкамъ даваны.

111.

Дмецца свацця, дмецца,
Да къ намъ не хинéцца (*не наклоняется*),
Коло припечку трецца.
Ци мы ей не любы?
Ци мы ей не милы?
Мы госци зазваные,
Любые, коханые.

112.

У нашея цещухны
Пироги съ кишени (*кармана*) копюцца;

Ай! намъ же ихъ хочецца.
Ей даваць маркотно,
А намъ браць охотно;
Ёна даець, плачучи,
А мы беремъ, скачучи.

113.

Казали намъ людзи,
Нашу невѣстку гудзя (*хуля*),
Што наша Наталка
Ни ткаха, ни пряха.
Ажъ наша Наталка
И пряла тонко,
И ткала звонко,
И бѣло бѣлила
И ўсихъ сватовъ дзѣлила.

114.

Намъ людзи говорили:
Хоць ѣдзьце, не ѣдзьце, —
Вашъ сватъ не богатъ.
Ажъ у нашего свата
Да зъ явору хата,
Золотое подстрѣшше,
Сѣночки съ паперочки,
Лавочки съ китаечки,
Печь его кахляная,
Чесць его коханая.

115.

Добрая твоя, Наталка, доля,
Што твой татка цебе доре;
Щасливая будзéць годзина —
Цебе дариць ўся родзина.

116.

Дарю цебе, дзицятка,
Съ хлѣбомъ-соллю съ благословеннемъ
На больше не сподзѣвайце (*не разсчитывайте*),
Да ранепько уставайце,
Одзинъ другого побужайце.

117.

Да мой таточка!
Щиро тобѣ робила,
Вѣрно тобѣ служила;
Выслужила хлѣба кусочекъ
Да соли дробочекъ.

118.

Дзенькую тобѣ, брахника,
За великіе дары твое!
Коли жива буду, да спомнуся,
Тобѣ братку отслужуся:
А коли не тобѣ,
То дзѣткамъ твоимъ.

119.

Нашъ сватъ соловейка,
Частуй насъ хорошенько!
Мы госци зазваные,
Любые коханые.
Коли мы не зналися,
Сватами не звалися,
А цеперь познаемся,
Сватами назовемся.

120.

Цёточки лебёдочки, кладзице намёточки,
Дзядзички лебедзички, кладзице копѣечки.

Дзядзинки голубочки, кладзице урубочки (*обрубленные платки*);
Дзѣцюки молойчики, кладзице червончики,
А дзѣвочки боярочки, кладзице подарочки.

3. Пѣсни послѣ стола до отправленія молодыхъ въ домъ молодого.

121.

Да гуляй, гуляй щука въ синемъ морѣ,
Якъ же пойдзешь на луги
Широкой рѣки на береги,
Не будзешь тогды гулядь.
Уловюць цебе молодые рыболовы,
Да снимуць съ цебе золотую луску (*чешую*),
Покроюць рыбочьку на часцицы
И положуць на столѣ у свѣтлицѣ,
Сготуюць рыбочку молодые кухари,
Да зъѣдуць цебе паны сенаторы.
Да гуляй-гуляй Проська у роднаго татки,
Якъ пойдзешь къ чужому да не родному.
Не будзешь гуляць у его по воли.
У свойго таточки крутые горы,
Нагулялася у его доволи.
А у чужого татки ўсе поле ровно,
Да гуляць не дужо вольно.
У свойго татки, што дзень головка въ вѣночку,
А што недзѣля въ дзѣвоцкомъ таночку.
А у чужого будній дзень въ рабоцѣ,
А святый—пильнуй хаты въ некоцѣ.

122.

А у нашего свата
Одзежа богата,
Шапка собачча,
Шубка целячча.
Поясъ вужаччій,

Боты коневы.
Шапка забрешиць,
Шубка замычиць,
Поясъ зашипиць,
Боты загогочуць.

123.

У князя молодого на лѣво стоиць береза,
Вокругъ той березы березничёкъ.
А на тэй березцѣ листочки,
А на листочкахъ росица.
Ажъ то не береза, а Наталка,
Ажъ то не березничекъ, а служечки,
Ажъ то не листочки, да подруженьки,
Ажъ то не росица, а слезыньки.

124.

Хоць ты мене, татка, малую замужъ отдавай,
Тольки въ свою хатку чужого не примай.
Принявши зяця, тольки будземъ сварицьца,
Не буду вѣдаць, за кого вступицьца.
Уступившися за таточку, будзе мужъ биць,
Уступившися за милого, вонкахъ *) быць.

125.

Болиць моя головонька отъ вѣнца,
Не оддавай мене таточка за вдовца;
Отдай мене, мой таточка, у семью,
У семьи ёсць порядочекъ ўсему.
У ступѣ товчи, молоць—золовки,
Дзѣжу мѣсиць, хату топиць—ятровки,
А въ криницу по водзицу—я молодая.

*) *Вонкахъ* — внѣ, на дворѣ. Вода вонкахъ. Не сваволь, вонках зешь. *Слов. г. Носовича*, стр. 66.

126.

Черезъ мой дворъ, черезъ мой дворъ,
Да цецерка лецѣла,
Да не давъ мнѣ Богъ, не давъ мнѣ Богъ,
За кого я хоцѣла,
Съ кимъ стояла, розмовляла,
Да подарочки брала;
Съ кого кпила, смѣялася,
Сама тому попалася.

127.

Наша сестрица—налитый сыръ;
Вашъ молодый—надутый пузырь.
У вашого молодого Хведоса
Овсяные зубы, ячменный носъ,
Брюхо зъ ночовки, ледве привёзъ.
Наша сестрица съ сокола,
Вашъ молодый зъ вола.

128.

Матка дочку пропила,
Свою родную продала,
Мошну грошей набила
И волосомъ зашила.
Зашила волосомъ, завыла голосомъ.
Пропила матка дочку
На солодкомъ медку,
Да упившися скачець,
А выспавшися плачець.

129.

Да пропою, пропою!
Да Наталкинъ тато-тка
Да пропивъ свое дзѣцятко

Да на новомъ ганочку,
Да за меду шкляночку,
За горѣлки чарочку.
Добро было пропиваци,
Кого-жъ будземъ посылаци
У криницу по водзицу,
У шерый (*сѣрый*) боръ по брушницу?

130.

Чiи то коники дли (*подлѣ*) стаенки (*конюшни*) стояц
Сивые, буланые, въ дорожку прибраные?
Чiи жъ то свашечки за столикомъ сидзяць,
Бѣлыя, румяныя, въ дорожку прибраныя?
Молодого Князя коники дли стаенки стояць,
Сивые, буланые, въ дорожку прибраные.
Молодого князя свашечки за столикомъ сидзяць,
Бѣлыя, румяныя, въ дорожку прибраныя.

131.

На синимъ возерѣ сядзѣла лебедка,
Крылками опусцяся, перьикомъ осыпяся.
Прилецѣвъ къ ней лебедзь: „бѣлая моя лебедка,
Узыйми свое крылле, сбери свое перье.
Полецимъ съ тобою, гдзѣ голуби злетаюцца,
Насъ съ тобою дужо сподзѣваюцца:
Цеплое гнѣздечко вьюць, цебе лебёдки ждуць“.
Да за новою скамьею сядзѣла Мариська,
Косками опусцившися, слезками обливши́ся.
Прiѣхавъ Гришечка: „милая моя Марися,
Сбери свое коски, да утри свои слезки.
Поѣдземъ до дому, у насъ госци зьѣзжаюцца,
Насъ съ тобою сподзѣваюцца,
Бѣлое ложе сцелюць, зёлки у головки кладуць,
Насъ молодзенькихъ къ собѣ вельми ждуць.

132.

Шовковая питочка къ сцѣнѣ льнецъ.
Наталка мамцѣ челомъ бьецъ.
„Добраночь мамцѣ оддаецъ:
Добраночь, мамочка, добраночь,
Да не тэй добраночь, што на почь,
Не на одну почку, а на весь вѣкъ.
Не одной мнѣ гето, а на весь свѣтъ."

133.

Идзице, сваточки, домовъ.
Мы вамъ Мариськи не дадзимъ,
Бо наша Мариська сестрица,
Зъ нами у ягодки ходзила.
Да у одну лубочку збирала.
Съ одной лусточки (*ломтика*) ѣдала.

134.

Бери, блазнюкъ, (*) бери.
Да ўмѣй шановаци,
Якъ родную маци,
Якъ вишенку въ саду,
Якъ пчелочку въ меду.
У насъ была работница,
У васъ будзецъ свавольница.
У насъ была—пряла, ткала,
У васъ будзецъ попихала.

135.

Татка мой покинувся мною, якъ не любою,
Якъ садовымъ яблочкомъ недоспѣленькимъ;
Не бѣдуй же ты, сестрица моя,

*) *Блазнюкъ*—несовершеннолѣтній. Еще ты изъ блазнюковъ шовъ. Бранное: дуракъ! *Слов. г. Носовича*, стр. 27.

Я жъ буду не далеко отъ цебе.
Будзимъ во чистомъ полѣ жито жаць,
И раннею и вечернею зарею
Сойдуцца нашіе голоскй съ собою.

136.

Вотъ тобѣ, мамочка, уси лубочки,
А мнѣ, мамочка, уси трубочки (*свертки полотна*),
Вотъ тебѣ, мамочка, уси коробочки,
А мнѣ молодзѣ уси сорочечки;
Вотъ тебѣ, мамочка, уси скрыночки (*сундуки*),
А мнѣ, мамочка, уси ширяночки.

137.

Уже дужо позно, сонце па заходзѣ.
Да уже Марьечка у мамочки нà выхóдзѣ,
Ее мамочка родинькая дужо унимаëць:
„Не ѣдзь, дочушка любая, уже рожа зацвѣтаець,
Барвиночки зеленѣюць, землю укрываюць.
— Моя мамочка родная! Мнѣ рожи не дождаци,
Зъ барвиночекъ зеленыхъ вѣнковъ не звиваць;
Гдзѣ буду жици, хоць буду выци,
Да ўже мнѣ ихъ николи не носици.

138.

Вотъ тобѣ, матухна, шишки въ пятки,
Што нема кому тобѣ месци хатки.
Ой цяжко тобѣ будзець безъ дочки!
Поростуць по за лавкой козлячки (*грибы*),
Людземъ триба въ боръ ходзици,
А тобѣ будуць по за лавкою родзици.

139.

Зъ недзѣли на понядзѣлокъ
Татку бѣда стала—

Пропала скрыня малеваная
И дочушка коханая.
Я тую скрыню малеваную
За дзень призабуду,
Своей дочушки коханой
По вѣкъ не забуду.

140.

Прибирайся, брахпика,
Пора домовъ ѣхаць,
Наша дороженька довга,
Да и перепуццевъ много.
Четыре мили ѣхаць боромъ,
Пятую плыци моремъ.

141.

Ой свѣтъ свѣтаѐць, заря займаецца,
Наша Маринка зъ дворомъ прощаецца
А у ес братынька ключовъ пытае.
„Гдзѣ ты. Маринка, ключи подзѣла? —
Я тобѣ. брацинька, да не ключница,
Чужому татку буду послужница.

142.

Не стой, мамочка, въ порозѣ,
Уже я у цебе въ дорозѣ:
Приступи, мамонька, близенько,
Поклонюся тобѣ низенько.
Приступи, мамочка, ближе ўсихъ,
Поклонюся тобѣ ниже ўсихъ.

143.

Чему, дочухна, не вечерила у свойго татки?
Пойдзешь къ чужому, да не родному, не будзешь вечериць.
Цебе молоду пошлюць по воду,

А сами сядуь вечерици:
„Принеси воды, на себе бѣды,
Каждому пиць дай, и старому и малому,
И свойму молодому коханому.
—Не свarися, мамочка, со мною,
Сядземъ повечеряемъ съ тобою.

144.

Да я говорила: соколы летаюць,
Ажъ гето мои брахники на коней сѣдаюць.
Я говорила, што мѣсяцъ всходзиць,
Ажъ гето мой татка по двору ходзиць,
Мене молодую проводзиць.

145.

Ночь по ночи въ цёмпенькую ночку
Зажурилася соколихъ по своему сыночку.
Да за чимъ же мойго соколка довго нѣтъ?
„Нѣйдзѣ ёнъ чечезъ сады полецѣвъ,
Нѣйдзѣ его ўси птушки узлюбили,
Нѣйдзѣ его на былиночцѣ садзили,
Нѣйдзѣ его ягодками кормили,
Нѣйдзѣ его зъ лисциночки поили,
Нѣйдзѣ его шерой зязюлькой дарили.“
Ночь по ночи, цёмная ночка;
Зажурилася мамочка, ждучи сыночка,
„Зачимъ мойго сынка нѣтъ?
Да нѣйдзѣ ёнъ черезъ мѣсто ѣхавъ,
Нѣйдзѣ его мѣщаночки узлюбили,
Нѣйдзѣ его за столикомъ садзили,
Нѣйдзѣ его пирожками кормили,
Нѣйдзѣ его зеленымъ виномъ поили,
Нѣйдзѣ его красной дзѣвкой дарили.“

И. Пѣсни по выѣздѣ молодыхъ изъ дома отца невѣсты, по приѣздѣ въ домъ отца молодаго.

146.

Звонко дзерево—калина
Да боромъ ишла, шумѣла,
А полемъ ишла звенѣла,
А къ двору ишла, говорила:
Отчини, мамочка, новый дворъ,
Веземъ невѣстку, якъ яворъ;
Отчини, мамочка, воконце,
Веземъ невѣстку, якъ сонце;
Отчини, мамочка, вершочекъ,
Веземъ невѣстку съ коршочекъ (*кулачекъ*).

147.

У Миколая въ обозѣ
Не кованъ коникъ, што въ возѣ:
— Есць у мене ковали въ дорозѣ,
Подкуюць коника, што въ возѣ;
Есць у мене тацянкины персцёнки,
Будуць конику подковки;
Есць у мене тацянкины крали (*ожерелье*),
Будуць къ подковкамъ вухнали, (*)
Есць у моей Тацянки пояски,
Будуць къ саночкамъ полозки.

148.

Хоць бы мы моремъ плыли,
Абы бъ скорѣй въ дворѣ были,
Поѣдзимъ до дому

---

*) *Вухнáликъ,*—гвоздикъ съ ушками для подковъ. *Слов. г. Носовича* стр. 76.

По госцинцу (*по дорогѣ*) сухому,
Наша дорожка довга,
Черезъ дорожку рѣчка,
Черезъ рѣчку кладка,
Будзе сварицьца матка,
Што насъ довго нѣту,
Што гуляли до свѣту.

149.

Вышла невѣста на ганокъ,
Штобъ послухаць приданокъ.
Ци не зязюльки кукуюць?
„Ци не соловейки щебечуць?
Ажъ не зязюльки кукуюць,
Не соловейки щебечуць,
Да мое родные пѣюць,
Мнѣ молодой вѣсци даюць.“

150.

Приданые на дворъ ѣдуць,
Курки подъ клѣць бѣгуць.
Не бойцеся, курки,
Не много васъ надо:
Семъ на вечерю,
А восьмую на печеню,
Девятую на снѣданне,
Десятую на отъѣзжанне.

151.

Отчини, матухна, новый дворъ,
Вотъ тобѣ невѣста якъ яворъ;
Отчини, матухна, воконце,
Вотъ тобѣ невѣста якъ сонце.
Запали свѣчку, дзѣцёмъ на встрѣчку:
Першее рожóное, другое сужёное.

152.

Ай, Боже мой, Боже! мы боромъ ѣхали,
Вѣтры не вѣяли, боры не шумѣли.
Приѣхали къ свату,
Такъ дзѣвки заспѣвали,
Якъ сучки забрехали.
Ци на гето сватъ запросивъ,
Кабъ сельскими сучками напусцивъ.
Возьми, сватокъ, помело
Да гони сучекъ за село.
Альбо возьми добрый лутъ (*лыко*),
Да гони сучекъ въ цёмный кутъ.
Да дзѣвочки вы мое,
Да не лайце такъ мене,
Да придзеце и вы къ намъ,
Будзець тое же и вамъ.

153.

Дали намъ ѣсць и пиць,
Дайце погуляци,
Дайце намъ волю,
Пусцице въ комору;
Хоць бы мы поглядзѣли,
Гдзѣ вы сестру нашу дзѣли.
Дайце подняць перинку,
Поглядзѣць калинку,
Ци хорошо развилася
По кошули ци разлилася. *).

154.

Хоць я ноченьки не спала,
Я свою свацщику ошукала,

---

*) *Калина*, очевидно, имѣетъ тутъ символическое значенiе *кровяному* цвѣту.

Собѣ невѣсточку дождала;
Будзёць кому мнѣ въ хозяйствѣ помогаць,
Да къ сцюдзеной зимѣ плацця працъ,
А къ красной веснѣ кросны ткаць,
А къ цихому лѣту жито жаць,
А съ цемной зари на току молоциць.

155.

Милые мое сваточки,
Ци добре было въ дорозѣ?
Ци повные были талерки,
Да ци давали вамъ горѣлки?
Да добре было намъ въ дорозѣ,
Усего было намъ у возѣ.

156.

Добрые наши морозы
Не зморозили нашей розы.
Покраса наша Тацянка
Да покрасила два дворы:
Одзинъ дворокъ, гдзѣ росла,
А другій, гдзѣ пришла.
Гуляйце приданки
У Тацянки коханки;
Да велѣла намъ маци
Хорошенько гуляци,
Учиниць добрую славку
Да поломаць, скачучи, лавку,
Да въ городзѣ ячмень
Ёнъ золотомъ зацвѣвъ.
Лѣпши того злóта
Тацянкина цнота (*честность, цѣломудріе*).
Наша Тацянка швачка была,
Вышила кошульку съ подолà.

157.

Ѣхали мы три мили,
Коней поутомили,
Сами поупоцѣли,
Горѣлочки захоцѣли.

158.

Да у чистомъ полю приданые блудзили,
Негдзѣ ёны дорожку згубили,
Да споткали маленького хлопчинку:
„Такій сякій маленькій хлопчина,
Укажи намъ дорожку у село,
Куды наша сестра вёзена.“
— Тая дорожка вся муравкой утрѐсена,
Будзёць ваша головка вѐсела.

159.

Пріѣхали поцеребнички, *).
Да церебюць, церебюць зубочки
Цѣлое жеребя зъѣли,
По столу кочаючи,
У попелъ мокаючи.

160.

Учора зъ вечёра
Перепѣлка злецѣла:
Мы сегодни свѣтомъ
Перепелоччимъ слѣдомъ,
Гдзѣ мы ее осочуемъ (*отыщемъ*),
Тамъ мы заночуемъ,
Тамъ же намъ добре будзёць,
Коникамъ оброкъ будзёць,

---

*) *Поцерѐбникъ,*—потребитель. Поцеребниковъ у насъ мноı никовъ мало. *Слов. г. Носовича*, стр. 488.

Коникамъ дадуць оброку, сѣнца,
А намъ дадуць медку й винца.

161.

Да умная разумная дзѣвочка:
Поставила сторожечку на броду,
Сама сѣла подъ вишенкой у .саду.
Буду сѣдзѣць, буду глядзѣць при зари:
Откуль ясенъ мѣсячекъ узойдзець,
Откуль мое сестрицы узъѣдуць.
Узъѣдуць мое сестрицы съ за-горы,
Ены жъ мнѣ паметочку привезуць.
Ены жъ мою головочку приберуць.
Ены жъ мене съ тоски выведуць.

162.

Пошовъ Цимошка у калиновый логъ,
Нашовъ калинки скольки смогъ.
„Вотъ тобѣ, Насточка, калина моя,
Нехай гуляець родзина твоя. *)
Гуляйце, приданки, гуляйце,
Жаднэй тревоги не майце.“

163.

Ужо жъ мы позябли:
Руки наши якъ грабли.
Въ довгой дорозѣ,
На тугимъ морозѣ,
Наши шубки сакочуць,
У хатэньку хочуць;
Наши коники гогочуць,
У стаенку хочуць.

---

*) Припомнить выше-замѣченное о символическомъ значенiи калины. Родня невѣсты предается веселью, когда являются доказательства ея *цноты*. *О. М.*

164.

Пріѣхали приданки зъ Гданя,
Попросили у Тацянки снѣдання.
Пожджице, сестрицы, пожджице,
Покуль я свою свекровку познаю,
Тогды я вамъ снѣданне сгадаю.

165.

Отчинице дзвери,
Да нехай вѣцеръ вѣе
Подъ новые лавки,
Гдзѣ сѣли приданки.
А гдзѣ сѣли приданки,
Здриганулися лавки.
А ци такъ здригануцца,
Якъ приданки попьюцца.
Гдзѣ ёны сѣли, запѣли,
Гдзѣ ёны стали, зайграли.
Кто къ имъ приткнецца,
Тэй до пьяна напьецца.

166.

Посередъ хаты стоиць печь;
Не умѣла невѣстка печь перепечь.
Нечого на ее дзивовацъ,
Бо недавно стала женовацъ,
Учора была дзѣвкою,
А сегодни жонкою.
Якъ мы захоцѣли,
Такъ мы нарядзили:
Зъ жита поленицу *),
Зъ дзѣвки молодзицу.

---

*) *Поленица*—хлѣбецъ, особенно испеченый изъ муки яровыхъ хлѣбовъ. *Слов. г. Носовича*, стр. 460.

167.

Милые закосники,
Чему жъ вы не веселы?
Ци ваши коники не въ злоцѣ?
Ци ваша сестрица не въ цноцѣ?
Гэто жъ ваши коники въ злоцѣ,
Гета жъ вашая сестрица въ цноцѣ.

168.

Тацянка, сестрица моя,
Стань же ты въ конецъ стола;—
Хоци жь мы наглѣдзимся,
Покуль разъѣдзимся.
Голубка сестрица наша,
Ужо жь мы домовъ ѣздзимъ.
Мы цебе научаемъ:
Уставай раненько,
Мый лавки бѣлюсенько,
Меци хату чистютэнько,
Кабъ тобѣ не упикали (*попрекали*),
Што мы у цебе гуляли.

169.

На дворѣ снѣжокъ припавъ;
Ой рано-рано Николка вставъ,
У Наталки просивъ:
„Наталка, подай мнѣ боцики."
Наталка не послухала,
Боциковъ не подала.
„Возьму жъ я пужку (*плетку*),
Тонкую свистушку,
Да выгоню бацьковые гнѣвы,
Да переверну на свое манеры."

170.

Жаль намъ, сестрица, па цебе,
Што ты насъ гонишь отъ себе.
Ци мы тобѣ косочки не плели?
Ци мы тобѣ вѣночка не вили?
Плели тобѣ косочку въ четыре ряды,
Вили тобѣ вѣночки четыре годы.

171.

Поѣдзеце, сестрицы, домовку,
Поклоницеся мамцѣ у ножки,
Што мене маленькую выховала,
Тридцаць ночекъ цемнюсенькихъ пе спала,
Покуль мене маленькую взгодовала;
Сорокъ свѣчекъ ясненькихъ спалила,
Покуль мене маленькую взросцила,
А взросцивши въ чужіе людзи пусцила.

172.

Чужое дзиця, свацники, наставляйце
И певѣстѣ своей павуку давайце,
Якъ быць въ людзяхъ чужому дзѣцяци,
Штобъ якъ свое дзѣця въ зневагу *(поношеніе)* не пускаи
—Да якая ёй и намъ тутъ зневага?
Чимъ же наша Тацяпка блага (*дурна*)?
Наша сестрица гожа,
Якъ червонная рожа.

Пѣсни, напоминающія посѣщеніе молодыхъ.

173.

Да пойду я коло краю, выженю сокола зъ гаю;
Не сокола̀ выгнала, а своего ойченьку.
Ойченько мой родненькій, ружовый квѣце,
Побывай у мене хоць же разъ у лѣцѣ.

—Дзѣцятко мое дорогое, якъ же мнѣ у цебе быци
Въ лѣтку за песками, зимою за снѣгами,
А весною за водою?
—Въ лѣци у кареци, зимою въ возочку,
А весною у човночку.

174.

Похилицеся, лозы, отъ дуба до березы,
Кабъ мнѣ было видно до ойченька мойго.
Лозонки хилилися, да хмурки (*тучки*) явилися,
Таки мнѣ не видно до ойченько мойго.
Таки жъ мнѣ не видненько до ойченько родненькаго.

Б. Крестины.

Рожденіе ребенка составляетъ, какъ и вездѣ, общую радость семейства. Бабка повитуха, какъ только приметъ на руки рождаемаго младенца, немедленно заставляетъ отца принесть водки и хлѣба, чтобы подкрѣпить родильницу. Родильница, по настоянію бабки, должна непремѣнно выпить порядочную рюмку водки и порядочно закусить, чтобы наполнить опустѣвшій животъ. Такова логика простонародныхъ бабушекъ. Даже и пословица на это есть, будтобы сами родильницы, убѣжденныя бабкиными медицинскими доводами, говорятъ при этомъ обстоятельствѣ: „ты-тка не тони, да вокругъ булки обгони". Бабка вскорѣ вослѣ этого подкрѣпленія родильницы ведетъ ее въ изготовленную заблаговременно баню. Нѣкоторыя повитухи даже и самого младенца носятъ тотчасъ же въ баню.

Въ тотъ же день повитуха отъ имени отца младенца идетъ къ священнику, если въ одномъ селѣ живетъ, прочитать заочно молитву съ нарѣченіемъ имени новорожденному, а потомъ разсылаетъ, а болѣе сама разноситъ отъ имени отца и матери сосѣдямъ и родственникамъ „родзины",т е. родильный пряникъ, на этотъ предметъ призапасенный, и проситъ посѣтить родильницу. Посѣтительницы родильницы не медлятъ съ посѣщеніемъ и приносятъ ей разные съѣстные припасы, какъ-то: пшеничныя булки, сыръ и яйца. Въ пер-

вый праздничный день избранные родителями кумовья или воспріемники везутъ или, если близко, несутъ младенца къ священнику, а лѣтомъ въ церковь, гдѣ и совершается крещеніе.

Обычай при этомъ случаѣ существуетъ, что воспріемникъ священнику послѣ крещенія ставитъ привезенную съ собою бутылочку, копѣекъ на десять, водки и калачъ, или даетъ лепешку, спеченную на сковородѣ, которой священникъ потчуетъ кумовей, бутылочку же возвращаетъ назадъ воспріемнику. Воспріемниками избираютъ такихъ, съ которыми не могла бы произойти какая либо распря, по пословицѣ: „не дзѣцей у его хресциць". Кумъ даетъ священнику за совершеніе крещенія пять или шесть копѣекъ, а иногда, по бѣдности, и тремя копѣйками священникъ съ причетниками довольствуется.

Послѣ крещенія оба, воспріемникъ и воспріемница, принесши младенца къ родильницѣ, поздравляютъ ее слѣдующими словами: „Якъ видзѣли мы его или ее подъ хрестомъ, дай Богъ намъ съ тобою видзѣць подъ вѣнцомъ." Воспріемникъ при этомъ случаѣ кладетъ подъ подушку родильницы, по Бѣлоруски „породзихи", деньги на мыло; обязанность же воспріемницы дать крещаемому холстину на рубашечку (что она и исполняетъ, подавая бѣлую и тонкую наметку при принятіи младенца отъ купели, когда поютъ: „Ризу мнѣ подаждь"), а самой родильницѣ поднесть лавочный платочекъ, по бѣлоруской пословицѣ: „кумъ кумѣ даець полцинку, а кума кумѣ или куму холсцинку".

Бѣлорусскіе селяне любятъ угощать и угощаться на крестинахъ (по Бѣлорусски, на ксцинахъ или хрезбинахъ). На этомъ семейномъ праздникѣ постоянно учреждается обѣдъ для прошеныхъ гостей, изъ которыхъ главную роль играетъ кумъ и кума. Кумъ и кума, т. е. воспріемникъ и воспріемница, считаются между собою ближайшими родственниками. Кумъ и кума сидятъ на кутѣ рядомъ. На крестинахъ хотя однодневно, но лучше угощаютъ, нежели на свадьбѣ, особенно въ первый день самой свадьбы, по Бѣлорусской пословицѣ: „на весилле идуць зъ вочами, а на ксцины альбо ховтуры съ животами". *) Подвеселившись порядочно подносимою часто вод-

*) *Ховтуры*—погребенье, поминки.

кою, по пословицѣ бѣлорусской: „што потравка, то поправка"; тутъ же начинаютъ пѣсни подъ № 1 и 2, но не болѣе этихъ пѣсень: ибо ни обстоятельства, ни время не позволяютъ распространяться съ пѣснями.

Въ концѣ самаго обѣда повитуха ставитъ на столъ горшокъ каши и тарелку для денегъ за кашу въ пользу ея. Этотъ горшокъ каши воспріемникъ долженъ разбить однимъ ударомъ объ столъ. Кумъ, поднявъ высоко горшокъ, со всей силы бросаетъ его на столъ. Разбивши горшокъ, кумъ беретъ ложку каши, хвалитъ ея вкусъ и кладетъ на тарелку деньги по своему состоянію и щедрости; подражая ему, и прочіе кушаютъ кашу и кладутъ деньги на тарелку.

Слѣдующій за крестинами день называется Муровины. Разсматривая этнологически слово муровины, я долженъ придти къ такому заключенію, что это слово единственно принадлежитъ Кривичскому племени. Ни одно изъ прочихъ Славянскихъ племенъ Греческое ѵ не произноситъ какъ у. Въ одномъ только Кривическо-Бѣлорусскомъ нарѣчіи во всѣхъ словахъ почти, гдѣ въ Славянскомъ языкѣ стоитъ ѵ Греческое, буква эта произносится какъ у. Какъ-то: Кѵпріанъ—Купрей, Кѵрила—Курила, Акѵлина—Кулина, Евтѵхій—Автухъ, Глѵкерія—Лукирья, мѵро—муро (однимъ муромъ мазаны и проч.). Очевидно, что слово муровины происходитъ отъ мѵро и означаетъ буквально — первая вода, въ которой купаютъ младенца послѣ мѵропомазанія его. Повивальныя простонародныя бабки, для своего прибытка, выдумали кропить этою водою каждаго приходящаго, по ихъ приглашенію, на второй день крестинъ посѣтить домъ отца новокрещеннаго; этотъ день и называется муровинами. Бабка по этому оставшуюся отъ купанья, послѣ мѵропомазанія, воду сливаетъ въ чистое суденушко и этою водою она кропитъ и даже рукою моетъ упрямыхъ, приходящихъ на муровины, хотя бы кто и не былъ на крестинахъ. За это, не охотно принимаемое, окропленіе всякой кладетъ на тарелочку деньги болѣе для того чтобы откупиться отъ него. Это неблаговидное обыкновеніе проникло даже въ средній слой Бѣлоруссовъ. Городскіе жители и чиновническіе дома не изъемлются отъ него, тѣмъ болѣе околичная шляхта православнаго и даже католическаго исповѣданія, хотя младенцы послѣдняго не мѵропомазываются.

Пѣсни крестинныя.

1.

Хто жъ у насъ у полозѣ лежиць?
Пёколка наша да у полозѣ лежиць,
Да зажадала вишневаго соку.
„Сыйщице мойго Хведорка съ току *)
Нехай добудзець вишневаго соку.
— Пытайцеся, да хто жъ то родзився?
Коли сынъ родзився, я и соку добуду;
Коли дочухна, водзицей отбуду:
Коли сынъ родзився, славный городъ ставлю;
Коли дочухна, я и шацеръ не поставлю.

2.

Ахъ вы, столики мое вы цисовенькіе,
Чёму жъ стоице вы не засланенькіе?
Ахъ вы госцики мое вы любовинькіе,
Чёмужъ сѣдзице вы не веселенькіе?
Чи мой хлѣбецъ пушонъ, **) ци мой мужъ не веселъ?
Коли хлѣбецъ мой пушонъ, то я выполю,
Мужуковы норовы да я вывѣдаю.
Куня, рися, соболи на вóроцикахъ висяць,
Мужуковы норовы да на плечикахъ висяць,
На плечикахъ висяць и въ головенькахъ шумяць.

Варіантъ.

Ахъ! вы столики мое, вы цисовинькіе,
Ахъ чтожъ вы стоице не засланенькіе?
Ахъ вы госцики мое вы любовенькіе!

---

*) *Токъ*—гладкое на гумнѣ пространство, на которомъ молотятъ хлѣбъ (Словарь г. Носовича, стр. 636).

**) *Пушный*—пушной, съ мякиною (Словарь г. Носовича, стр. 640).

Ахъ чтожъ вы сѣдзице не веселенькіе?
—Да хозяюшка твоя да у полозѣ лежиць
Епа мыслиць о томъ, якъ бы мужу уноровить!
Мужуковы норовы да я вывѣдала,
Да я вывѣдала, много выщерпѣла.
Мужуковы норовы да на плечикахъ лежаць,
Да па плечикахъ лежаць и въ головкахъ шумяць.

3.

Не дорого пиво пьяпое
Да дорого посѣдзеннико,
Мужское погулянпико,
Мужское, господарское,
А въ бесѣдзѣ людзи добрые,
Гукаюць ёны мужское:
„А будземъ мы пиво варици,
А будземъ мы сыновъ женици,
А будземъ мы горѣлку гнаци,
А будземъ мы дочекъ-оддаваци.“

4.

Кумъ ходзиць по саду, кума по горо̂дзѣ;
Сойдземся, обоймемся, напьемся мёду.
Кумочка пьяна на ганочку (*крылечкѣ*) пала,
Поглядзице, хлопцы, ци у тонкой сорочцѣ?
Коли ёпа у тонкой, дайце ей покой,
А коли у згребной (*суровой*), дайце ей покой бѣдный,
А коли у посконно̂й, завядзице ее у покой.

5.

Ай кумъ кумѣ радъ,
Повёвъ куму въ виноградъ (*въ овощный садъ*):
„Щпили кума вишни,
Што до долу свисли.“

6.

Да чужіе мужики добры,
Покупляли своимъ жонкамъ бобры;

А мой мужичокъ не добêръ,
Не купивъ мнѣ ни куницъ, ни бобêръ.
Да мой мужичокъ дурачокъ,
Да купивъ же мнѣ коровухну,
На мою бѣдну головухну.
Я коровочку напой да подой,
Рано вставши на поранки *) гони.

Колыбельныя пѣсни.

Цѣль колыбельныхъ пѣсенъ та, чтобы убаюкать дитя, возбуждая младенческое воображеніе малютки болѣе или менѣе доступнымъ расказомъ о близкихъ понятію его предметахъ (См. № 1 и 2. колыбельныхъ пѣсенъ). Многія импровизаціи матерей и нянекъ не уловимы, потому что каждая по своему убаюкиваетъ дитя тѣмъ, что на умъ взбредетъ.

Для дѣтей, болѣе уже понимающихъ, нянюшки находятъ расказы поинтереснѣе, какъ видно изъ № 3.

Къ колыбельнымъ пѣснямъ относятся и импровизиціи мужчинъ, родственниковъ молодой матери, принимающихъ на себя роль няньки, которые, колыша первое ея дитя, выдумываютъ разныя прибавленія, чтобы разсмѣшить самую мать. См. № 5.

Сюда же можно отнести пѣсни, которыми забавляютъ дитя, чтобъ развеселить его. См. № 7 — 10.

1.

Люли, люли, люленьки!
Прилецѣли гуленьки (*голубки*),
Сѣли на воротахъ
У червонныхъ ботахъ.
Стали ёны ворковаци,
Чимъ дзицятку годоваци.
Нехай дзѣтку пташки
Приготовюць кашки!

---

*) *Поранки* — утренній выгонъ скота на пастбище (слов. г. Носовича, стр. 476).

2.

А-а, а-а, люли, прилецѣли гули
Сѣли на воротахъ у червоныхъ ботахъ,
Сѣли пали на току у сизенькомъ колпаку,
Стали ворковаци: што дзѣцяци даци,
Ци бобу коробу, ци гороху троху,
Ци колопень черепень, ци ячменю жменю (*горсть*),
Коня вороного, быка половаго,
Цѣлушку рябушку, дзѣцяци на юшку (*ушицу*)?

3.

А на кота воркота!
На малютку сонъ дремота!
А, брысь, коця, ни ворчи!
А дзѣтэнька спи-мовчи!
Пошовъ коцикъ у лѣсокъ
Принесць дзѣтэньку орѣшокъ (или *поясокъ*).
Пошовъ коцикъ на вулку,
А дзѣцятко у люлку!
Пошовъ коцикъ на торжокъ,
Принесць маленькому пирожокъ.

4.

Прилецѣли гуси,
А зъ бѣленькой Руси:
Пали сѣли на криницѣ,
Стали ёны воду пици,
Воду пивши, размовляци,
Якци дома даць дзѣцяци.

5.

А-а, а-а милое!
Покуль будзець другое.
А-а, а-а дзѣтичка!
Покуль будзець дзѣвочка.

А-а, А-а Несцерко!
Покуль будзець шесцерко.

6.

Гэй чукъ, Гэй чукъ, гэй чука,
Лѣпѣй дзѣвки дзицюка (*парня*),
Дзѣцюкъ дровъ насѣчець,
Дзѣвка блиновъ напечець.

7.

А ладочки, ладки!
А йздѣ были у бабки—
А што ѣли?—кашку.
А што пили? бражку.

8.

Гой, гой дзѣцючокъ!
Куды ты поплывъ?
По сѣно по дровы
По красную птушку.
А йдзѣ ты ихъ дзѣнешъ?
Птушку въ клѣтку,
Сѣно подъ повѣтку,
Дровы въ печку,
Да й самъ па печку.

9.

Пошовъ коцикъ у лѣсокъ, нашовъ коцикъ поясокъ,
А кошечка отняла и дзѣцяци отдала.
Пошовъ котокъ на торжокъ, нашовъ котокъ пирожокъ:
Чи самôму ѣсци, чи дзицяци несци?
И самъ трошку укусивъ и дзѣцяци приносивъ.

10.

Ага-ага люльки, пошовъ коть у дульки,
Поморозивъ лапки, улѣзъ на палатки,
Стали лапки грѣцьца, нейдзѣ коту дзѣцца.

Пѣсни разныхъ въ семействѣ перемѣнъ, невзгодъ и проч.

1.

Отдавай, таточка, мене лѣпи за дворъ:
Да не бери зяця къ себѣ въ дворъ!
Въ своімъ дворѣ не знаю кому годзици,
Ци цебе, таточка, ци мужа большъ любици.
Уступлюся за татку, мужъ будзець биць,
Уступлюся за мужа, вонкахъ быць.

2.

Въ цёмномъ лѣсѣ за рѣкою
Распашу я пашеньку.
Якъ посѣевъ я конопель,
Уродзився мой конопель
Тонокъ, дологъ, волокнистъ.
Якъ уладзився воръ воробей
Мою конопельку, мою зелененьку клювацн.
Да ужожъ я его поймаю,
Крылле, ноги поломаю.
Якъ уладзився бѣлъ молодзецъ
До моёй Маруси ходзици,
Дороги подарки носпци,
Да мою Марусю любици,
Да ужежъ его я поймаю
Руки ноги переломаю:
Енъ небудзиць къ моей Маруси ходзици,
Мою Марусю любици,
Дороги подарки ей носици.

3.

Ахъ подъ вишенькою, подъ черешенькою
Стоицъ старый съ молодою, якъ и съ ягодою.
Я й просилася, я й молилася:

Пусци мене, старичище, на вулицу погуляць!
— Я и самъ не пойду, и цебе не пущу:
Хочешь мене старенькаго да й покинуци.
— А ты старый дзѣдзюга! ты согнувся якъ дуга;
А я молодзенька гуляци радзенька.
— Куплю тебѣ хатку, да къ ей сѣножатку,
И ставокъ и млынокъ и вишневенькій садокъ.
— Не хочу я хатки, а не сѣножатки,
Ни ставка, ни млынка, ни вишнёвенька садка.
(Нѣтъ конца).

4.

Цёмная, цёмная да невидная ноченька!
Умная, умная и разумная доченька.
Полюбила, полюбила да молойчика молодаго,
Да отдали, да отдали ее бѣдну за другого.

5.

Мецелица куриць, куриць;
А дзѣдъ бабу журиць, журиць.
А йдзи, баба, домовъ,
Напечи ты намъ блиновъ.
Охъ якъ же мнѣ не хочецца
Коло печки ворочацьца!
Да въ бѣленькой сорочечкѣ
Да въ тоненькой намёточцѣ!

6.

Сонце на небѣ къ заходу клоницца,
Мнѣ къ татку дуже у госци хочецца.
У мойго ойчинька садъ подъ рукою,
У саду вишеньки достаць рукою.
Пусци мене, таточка, у садъ погуляци!
Не буду вишенокъ твоихъ щепаци,
Не буду тресци твойго винограду.
Пришла къ тобѣ я, татка, на пораду.

Порадзь мнѣ, татка, якъ съ немилымъ жици!
Не знаю чимъ мнѣ ему угодзици!
Посцелю посцельку, слёзками льлюся,
Спаць кладучися къ сцѣпѣ хилюся.
— Живи, дочухна, живи, небога,
Корися мужу, корися, якъ мóга.

7.

Гора съ горою не схожаецца,
Часомъ и братъ сестры чужаецца.
Сестра ѣздець въ госци къ брату,
А братъ сестры не просиць въ хату.
— „Ховай, жонка, хлѣбъ со стола;
Ѣдзець въ госци ко мнѣ сестра.“
Сестра его якъ почула,
Назадъ коня завернула.
— „Постой, братку, не чужайся,
Съ хлѣбомъ-соллю не ховайся.
Я обѣду не хоцѣла,
Твойго жицця поглѣдзѣла.
Есць у мене обѣдъ въ возѣ,
Пообѣдаю ў дорозѣ.
Тобѣ, братку, повелося,
А мнѣ горе припаслося.

8.

Ой раненько у недзѣлѣ уси войски зъ войны идуць;
Уси войски зъ войны идуць, нашего пана коня ведуць.
„Выйдзи, выйдзи, удова, возьми паньского коня!
— Може жъ я и не вдова, подожду другого дня,
Подожду еще его, почекаю до недзѣли:
Може дзѣточки мое не посироцѣли.“

Ой раненько у недзѣли уси войски зъ войны идуць,
Уси войски зъ войны идуць, а тамъ паньскій мундýръ везуць.
„Выйдзи, выйдзи, удова, возьми паньскій мундуръ.
—Може жъ я и не удова, подожду еще дни два,

Подожду еще дни два, подожду и до недзѣли:
Може дзѣтки мое да й не посироцѣли."
Ой раненько у недзѣлю уси войски зъ войны идуць,
Уси войски зъ войны идуць, и паньское цѣло везуць.
„Выйдзи, выйдзи, удова, паньское прими ты цѣло.
— Ой цеперь я удова! цеперь же я сѣла.
Отчиняйце скорѣй широки вороты,
Цеперь дзѣтэньки мое—бѣдные сироты!

9.

Шли три солдацика до слонца,
Кроваву вкинули въ воконце
Кошулю съ строгимъ приговоромъ,
Кабъ безъ воды была вымыта,
Безъ вѣтру была высушена,
Безъ качулочки (*валька*) выкачена.
Я молода была догадлива:
Я слезыньками бѣло вымыла,
Цяжко ўздыхаючи, высушила,
Руки ломаючи, выкачала.

10.

„И шумиць, и гудзець, дробный дождечикъ идзець:
А хто мене молодую да до дому доведзець?"
Отозвався казакъ на солодкомъ меду:
„Гуляй, гуляй, молодушка, я до дому доведу.
—Не прошу я цебе, не ведзи ты мене!
Бо лихого мужа маю,—достанецца отъ его мнѣ."

11.

А чужіе мужики добры,
Покупляли своимъ жонкамъ бобры:
А мой мужичокъ не добёръ
Не купивъ мнѣ ни куницъ ни бобёръ.
Ажъ и мой мужичокъ, якъ дурачокъ,
Да купивъ же мнѣ коровочку

На мою бѣдну головочку.
Я коровку напой да накорми,
Рано вставши, на поранки гони.

12.

Била жонка мужука, руки заносивши;
А ёнъ же ёй поклонився и шапочку знявши.
„Да спасибо, моя мила, што потиху била!
Куплю тебѣ гарнецъ меду и коновку пива.“

13.

Гуляй, гуляй, молода,
Ещё тобѣ не бѣда!
А по моей головѣ
Ўсё застàнецца тебѣ:
Ступа, жорны и рожонъ
И сторожа и пригонъ.
Въ ступѣ што хочешъ стовчéшъ,
Рожномъ хату подопрешъ,
Въ жорнахъ усе, што хочешъ, смѣлишъ,
Рогозземъ посцель засцелишъ...
А до ступы есць товкачъ,
Хоць ты плачъ, хоць ты скачъ.

14.

Ой мамка моя, а я дочка твоя!
Чему жъ мене не вучила, якъ я мала былà,
А цеперь ўжь я велика,
Треба ко мнѣ чоловика *(мужа)*,
Ни стараго, ни малòго,—
Молойчика молодого.

15.

Пригнавъ старый жидъ до насъ
За наборы забирацъ.
Мене въ дворѣ не былó,

Ўзявъ ёнъ ложки, помело.
А мой пѣвень господарь
Да ўсѣхъ курей распродавъ,
Тольки еднўю чубату
Па заводъ пусцивъ па хату.
Сѣли курки на снопу,
Мнѣ знесли яецъ копу.
Я яечки продала,
Пожалѣла помела.
Жиду довги отдала,
Ложки й помело ўзяла.

16.

Я ў горȯдчику ходзила,
Я морковочку рѣдзила (*вырывала, чтобы рѣж*
— Што ты робишь, моя мила?
Спытавъ мене господарь!
— Ци я ў цебе, мой мужу,
Да за наймитку служу?
Ты, мужъ, жито продаешъ,
Да мнѣ грошей не даешъ.
А я зъ родзинкой сойшлася,
За морковочку напилася,
За цыбульку да за макъ.
Вышла замужъ я не такъ,
Вышла разъ, да не заразъ,
Не подманéшъ въ другой разъ.
Удалися мнѣ въ знакй
Мужуковы кулакй.
Кулаками по бокамъ
А ладоньми по щекамъ.

17.

Черевички я згубила,
Въ дворѣ босякомъ ходзила.
Зиръ (*глядь*) я ложки подъ исподъ (?)

Знашла лапоць и чоботъ.
Хвала Богу, што нашла,
Я обулась и пошла.
Черезъ гребельку иду,
Якъ голубонька гуду.
Нехай наша шляхта знаець,
Што чоботы паня маець.
Самъ на встрѣчу попадаець,
Да й ў мене ёнъ пытаець:
Чего жъ, паня, надўлася?
Ци што въ боты обулася.
Коли жъ въ госци ты собралась,
Чому въ кожухъ не прибралась?
— Бодай ў цебѣ бывъ тȧкій духъ,
Якъ ёсць у насъ якій кожухъ.

18.

Дуэтъ

„Бабка моя, голубка моя!
Будземъ хату топицъ,
Будземъ сову варицъ,
Соколка моя, голубка моя!
— Дзѣдзюхна мой, лебедзюхна мой,
На што хату топицъ,
На што сову варпцъ,
Коли не чимъ посолицъ,
Соколику мой, лебедзику мой!
„Бабка моя, голубка моя!
А иди жъ ты къ сусѣду,
Да позычъ соли ложку,
Посолицъ сову трошку.
Соколка моя, голубка моя!
— Дзѣдзюхна мой, лебедзюхна мой,
На што жъ намъ позычнцъ,
Коли нечимъ отдавацъ?
Соколику, мой, лебедзику мой.

„Бабка моя, голубка моя!
Будземъ пашню пахаць,
Будземъ довги отдаваць.
Соколка моя, лебедка моя!
— Дзѣдзюхна мой, лебедзюхна мой!
А ўжо жъ наша пашня
Вся за довги пошла;
Соколику мой, лебедзику мой!"

19.

Дуэтъ.

„Хто зо мною, хто зо мною?
За цихій Дунай, хто зо мною?
—Я съ тобою, я съ тобою,
За цихій Дунай я съ тобою!
Хто ў цебе ёсць, хто у цебе ёсць,
За цихимъ Дунаемъ, хто ў цебе ёсць?
„Есць у мене тамъ оцецъ и маць,
За цихимъ Дунаемъ оцецъ и маць.
Хто зо мною, хто зо мною?
За цихій Дунай, хто зо мною?
—Я съ тобою, я съ тобою,
За цихій Дунай я съ тобою!
Хто у цебе ёсць, хто у цебе ёсць?
За цихимъ Дунаемъ хто у цебе ёсць?
„Есць у мене да два братцы,
За цихимъ Дунаемъ да два братцы!"

На второй вопросъ такимъ же порядкомъ поютъ двѣ а въ концѣ самой пѣсни поется.

Есць у мене жена зъ дзѣцьми,
За цихимъ дунаемъ жена зъ дзѣцьми.
Такъ поѣдзимъ, такъ поѣдзимъ
За цихій Дунай такъ поѣдзимъ!

20.

На цихинькомъ Дупаѣ, Дунаѣ
Перевозъ дзѣвка тримала, тримала (*державa*).
Припѣвъ {Въ лузѣ малина, свѣтло, видно,
Соловейки щебечуць.
Да пришовъ же къ ей бацинка, бацюшка:
„Перевези мене, донечка, донечка"
Я жъ цебе, бацюшка, незнаю, незнаю;
Первозничка не маю, и не маю.
Припѣвъ {Въ лугѣ калина, цёмно не видно,
Соловейки не щебечуць.
Да пришла къ ей матухна, матухпа:
„Перевези мене, донинечка, донечка"
(*тотъ же отвѣтъ и припѣвъ*).
Да пришовъ же къ ей брахника:
„Перевези мене сестрица."

(*Отвѣтъ и припѣвъ тотъ же, такъ же и при просьбѣ сестр*

Да пришовъ же къ ей миленькій, миленькій:
„Перевези мене, милая, милая"
Я жъ цебе, миленькій, познала, познала,
Первозничка наня́ла, наня́ла.
Припѣвъ {Въ лузѣ малина, свѣтъ и видно,
Соловейки защебетали.

21.

Бацька добрый—бацька добрый, а мацi лихая:
Не пускаець на вулицу, што я молодая.
Я жъ молода плотъ сломила, бѣгучи съ разгона,
Блукаючи, шукаючи свойго молодзёна.
А у мойго молодзёна личко, якъ у пана,
Только ему и пригана (*порока*), што нема жупана.

22.

Густый гаю, густый гаю, густый—не прогляну!
Не поймаю голубочка, пусцивше въ поляну.

Пусци мене, моя маци, у тэй садъ гуляци!
Ци не придзе́ць мой миленькій своихъ воловъ пасци.
— Пасицеся, мое волы, не бойцеся вовка,
А я пойду до дзѣвчины, што змыта головка.
А ци змыта, ци незмыта, а быбъ не пробита,
Руса коса до пояса шовкомъ перевита.
„Ой пій маци, тую воду, што я наносила,
Люби, маци, того друга, што я полюбила.
— Я не буду воду пици, буду проливаци:
Не люблю я зяця мого, буду разлучаци.
„Не проливай воды, маци, мнѣ цяжко носици,
Не разлучай зъ милымъ другомъ, не вѣкъ съ тобой жици.
Сама воды напошу, сама буду пици,
Сама друга полюбила, зъ имъ и буду жици.

23.

— Ўчора была суботэнька, сегодни недзѣля,
Чему жъ ў цебе, мой миленькій, кошуля небѣла?
„Ой якъ ёна будзѐць бѣла, не мыта повъ рока:
Сестра мала, матка хвора, милая далёка.
— Ой я стану у рѣченьки, стану на бугрочку,
А вымыю и высушу милому сорочку.
— Покинь же ты, чернобрива, кошулю качаци:
Возьми серпокъ, да йдзи въ поле пшениченьку жаци!
— Я у мамы не жала, и ў цебе не буду;
Узложивши сукеночку, похожаци буду;
Шовковою хусточкою помахиваць буду.
Покинь, милый чернобривый, лежаць на кроваци;
Возьми топоръ, идзи на дворъ, тамъ дровы рубици.
— Я й у таты не рубивъ и ў цебе не буду:
Ўзложу собѣ красный сурдукъ, похожаци буду,
Шовковою хусточкою помахиваць буду.

24.

Да не сонъ мою головоньку спаць клониць,
То брацецъ да сестру съ двора доловъ гониць.

Пойду я молода да доломъ долиною,
А спытаюся я у вербоньки съ калиною:
Да куды, вербонька моя, дорожка пошла?
Куды, калинушка моя, сцежка пролегла?
Да ци у лѣсъ, ци у боръ мѣсто цѣнистое?
Да ци дорожку выбрацъ у поле чистое?
Ў цёмномъ лѣсѣ у бору усё пни да гнилица,
Ў чистомъ полѣ бѣла ярь да пшеница,
А ў пшеницы тэй да ракитовый кусточекъ,
За ракитовымъ кустомъ вишнёвый садочекъ,
А въ томъ садочку соловейко свищиць,
А лихой свекоръ своей невѣстки ищець.
„Хоць ищи, хоць не ищи, къ двору не вернуся;
Хоць вернуся, да твойму сыну не покорюся;
Хоць покорюся, да посцели слаць не буду,
Хоць посцелю посцелю, да спаць зъ имъ не лягу,
Хоць я лягу, да я легши обернуся къ сцѣнѣ.
Якъ пошла я молода у лугъ зелененькій,
Сустрѣвъ мене тамъ казакъ молодзенькій,
Да ставъ у мене дорожки пытаци;
Я молода не знала, што ему сказаци.
„Ци въ лѣсу ты, дзѣвка, ци въ бору жила,
Што незнаешъ куды дорожка пошла.“
— Не на то мене мама на свѣтъ породзила,
Штобъ я въ дому се господынькой была.
Ой пошла я коло братняго двора,
Братъ убачивъ ў вокошка, къ ему идзець сестра.
Знаю, братка, ты госцей много маешъ,
Да на свою родную сестру забываешъ.
— Кабъ ты, сестра, да добрую долю мѣла,
То и ты бы у мене за госцейку сѣдзѣла.

25.

Да сынъ матцѣ коморочку грѣе,
Да сынъ матцѣ посцелечку сцеле.
„Ци цепла, мамочка, коморочка твоя?

Ци мяхка, мамочка, посцелька твоя?
— Да цепла, сынокъ, коморочка моя
И мяхка, сынокъ, посцеличка моя,
Да только цвердо твоей жены слово:
На ложе ишла, добраночь! не дала,
А зъ ложа встала, добрыдзень! не сказала.
— Выбачь, мама, выбачь, коханинька!
Ена вчора да была пьяненька,
А сегодни головка ломила,
Добрыдзень! тобѣ сказаць забыла.
Буду вучици, буду навучаци,
Якъ мамочцѣ добрыдзень! отдаваци

26.

Ой, Бо̀же мой, Боже, якъ шкода молодосци!
Живу одзинъ, трачу лѣты, плачу со злосци.
Есць у мойго ойца да кони вороные,
Поѣду догоняць я лѣты молодыя.
— Дзиця мое, дзиця, дзицятко дорогое!
И кониковъ загонишъ и лѣцевъ недогонишъ.

27.

Боже мой, Боже, спаци хочу!
Положу головку на таткину ўзголовку.
Татка идзе, глядзь на мене!
„Дзицятка дорогая, вышла замужъ молодая,
Да не выспалася.“
Боже мой, Боже, спаци хочу,
Положу головку на маткину ўзголовку.
Мамка идзе, глядзь на мене!
„Дочухна дорогая, вышла замужъ молодая,
Да не выспалася.“
Боже мой, Боже! спаци хочу,
Положу головку на свекрову ўзголовку.
„Свекоръ идзе, глядзь на мене!
„Сонливая, дремливая

Невѣстка моя!“
Боже мой, Боже спаци хочу,
Положу головку на свекрухину ўзголовку.
Свекруха идзе, глядзь на мене!
„Сонливая, дремливая
Невѣстухна моя!“
Боже мой, Боже, спаци хочу,
Взложу я головку на милаго ўзголовку
Милый идзе, глядзь на мене!
„Да возьму я котаночку (*душегрѣйку*), накрыю коханочку,
Нехай собѣ спиць.“—

28.

У саду береза коренистая,
У мене свекрова норовистая:
Сама спаць ляжець, мнѣ робиць кажець.
Якъ тутъ середъ цемной ночи мнѣ по воду ици!
Зачувъ мой миленькій, коней пасучи.
„Не плачь, моя мила, коней попасу,
Коней попасу, воды принесу!
Матку напою съ новнаго ведра:
Пи, мама, зъ ведра—твоя невѣстка хвора!
— Будзе и другая! Да не такая!
— Будзе середольшая! *) Да гетой горшая!

29.

Смертухна—матухна
Бери моихъ воловъ у ярмѣ,
Пусци мою жонку ко мнѣ!
Мнѣ не съ кимъ горе гореваци,
Не съ кимъ дзѣцей годоваци,
Нема съ кимъ вѣку коротаци.

---

*) *Середольшій* — старшій изъ среднихъ по лѣтамъ. (Слов. г. Носовича, стр. 578).

30.

У ровнымъ полѣ корчомочка стоиць,
А ў тэй корчомцѣ два брацика пьюць.
Одзинъ братка пивъ, коника пропивъ,
Другій братка пивъ, да й жонку пропивъ.
Што коня пропивъ, свиснувъ—вороцивъ,
Што жонку пропивъ, руки сощепивъ.
Пришовъ до хатки, плачуць дзицятки!
— Ой татка, да идзѣжъ наша матка?
— Пропивъ я матку на солодкомъ меду.
Построю вамъ хатку новюсенькую!
Возьму вамъ матку молодзюсенькую!
— Згори тая хатка новюсенькая!
Здохни тая матка молодзюсенькая!

31.

По городзѣ хожу да шалфею сажу.
Матка мене журиць, што не женатъ хожу.
— Оженися, дзѣтка, оженись, сыночку!
Возьми панночку, удовину дочку!
— Удовина дочка, ёна мнѣ не ровна,
Ходзиць по мѣстэчку, словно королевна.
На ей сукенка зелёнаго цвѣта,
Съ позументами чистая саєта *).
Ой добраночь! усимъ въ гетой сторонѣ;—
Смѣялася донька ўсе лѣто зъ мене.
Куплявъ я тэй доньцѣ дороги панитки;—
Были у мене два жупаны, цеперъ нема й свитки.
Куплявъ я тэй доньцѣ калёны орѣшки;—
Была у мене пара коней, цеперъ хожу пѣшки.
Справлявъ я тэй доньцѣ дорогіе шаты (*одежды*);—
Мѣвъ я два дворы, цеперъ нема й хаты.

*) *Саєта* - тонкое французское сукно (Слов. г. Носовича, стр. 572).

32.

Ой да оженився старый зъ молодою,
Словно разсѣевся куколь зъ лебедою!
Ой да пошовъ старый у поле орапи,
Его молодухна у корчму гуляци.
Ой да пришовъ старый изъ поля у двору.
„Што не принесла ты мнѣ ѣсци у пору?
— Выбачь, мой старичокъ, мнѣ стало не ловко,
И цеперь еще моя болиць головка."
Ой пошовъ старый отъ хаты до хаты,
Своей молодухѣ зелля пытаци.
Да принесъ старый дубоваго сала;
Помазавъ ей спину, ажъ шкура отстала.
Тогды молодуха съ посцели вскочила,
Съ посцели вскочила, вечерыць зварила.

33. *).

Захоцѣла баба да й побогацѣци,
Посадзила курочку, штобъ вывела дзѣцей.
Выпусцила баба писклятокъ попасци,
Сама сѣла при ихъ кудзелочку прясци.
Насунула хмура, дождживъ покропляе,
Бабуленька въ кучу писклятъ собирае.
Одного поймала, троихъ затоптала;
Повернулась плохо, па пяцёхъ упала,
А встаючи на остатнихъ ступала.
„Боже жъ мой, Боже, да штожъ я зробила!
Да придзець же мой воркунъ, будзець же мнѣ лихо."
Пришовъ и дзѣдъ зъ лѣсу: „Што тутъ цихо въ хацѣ?
Штожъ, бабулька, въ хацѣ писклятъ не чуваци?
— „Я пусцила ихъ троху погуляци.
Якъ на дзиво на якое собралися людзи.
Призарили (*сглазили?*) писклятъ, кабъ заперли грудзи!"
Ой якъ узявъ дзѣдъ въ руки сырую хлудзину (*хворостину*),

*) Ср. стр. 162—163 въ „Памятникахъ Нар. Творчества въ Сѣверо-Западномъ краѣ." Вильна 1866 г. (сб. П. А. Гильтебрандта).

Почесавъ бабули головку и спину.
„Бодай твоя, дзѣдзька, борода вылѣзла,
Забивъ бабу сусимъ, насилу вынесла:
Бодай тобѣ, дзѣдку, рученька усохла:
Забивъ бабу свою, за ледви не здохла.

34.

На мяхкомъ лужку мужикъ сѣно косицъ.
Прилегши къ косѣ, бѣдненькій голосицъ.
— Што ты, косецъ, плачешъ? може коса тупа,
Альбо жоночка твоя дужо скупа.
— Моя коса востра, жонка-жъ дужо злая;
Принесла обѣдаць да гультаемъ лае,
Принесла къ обѣду ссохлую скоринку,
Ссохлую скоринку да воды барилку.

35.

Хвала Богу, хвала Богу, што я упилася!
Упилася, бо съ своимъ родочкомъ сошлася.
Да родокъ мой не велицъ повнэй выпиваци,
Да ёсцъ же у мене три бѣды у хацѣ.
Одна, што мужъ не удалъ, другая—дзицятко,
Трецяя бѣда—лихая свекратка.
Взыйду я подъ вокно на цыпочкахъ цихо:
А зирну, якое мужъ мой робицъ лихо.
Ажно мужъ мой милый дзицятко колыше,
Подли его плачучи, матка ледви дыше.
Люли, люли, люли, дзѣтка дорогая!
Разгулялась твоя матка молодая.
„Гуляй, ахъ, погуляй, моя ты черноброва.
Покуль головонька моя еще здорова.
Да якъ здоровьико мое часомъ звихнецца,
Тогда гулянико твое сусимъ минецца."

36.

Кабы я знала, кабы вѣдала
Да свое горькое замужество,

Тобы я за мужъ не хваталася (*не торопилась*),
У свойго бъ отца годовалася,
Пила бы, ѣла бы ўсе готовинькое
И носила бъ ўсе хорошенькое,
Русу косу ўсё-бъ расчесывала,
Русой косѣ ўсё бъ приговаривала:
Ой коса моя ты русинькая!
Да кому-то ты, коса, достанешся?
Ци подружечку поручничку,
Ци якому пивоварничку,
Ци тому, што у корчомцѣ пьецъ,
Ци тому, што ўсе шклянки бьецъ!

37.

Бѣлая березка дай похилилася:
Жена съ мужемъ да й посварилася.
Вставши раненько, мужъ жену просицъ:
Встань, моя милая, погнѣвалась досицъ (*довольно*).
Встань, милая! принесъ тобѣ я пива.
— Дай мнѣ покой: я й такъ ледви жива!
„Встань, милая, я принесъ тобѣ меду!
— Дай мнѣ покой, не добуду году!
„Встань, моя милая, принесъ тобѣ я водку!
— Дай мнѣ покой, залій собѣ глотку.“
Пошовъ мужъ въ лѣсъ по зелле, по калину,
Да вырѣзавъ лозину на жонкину спину.
— Дзякуй тобѣ, милый, за твое здоровье!
Ты перенявъ мое усякое норовье.
Я не хворѣла, не болѣли косци:
Только такъ лежала съ поганой злосци.

38.

Добры вечеръ, сусѣдочка моя!
Ци здоровенька семейка твоя?
Не пытайся ты семейки моей, —
Журливый мужъ не любицъ жонки своей.

Ци я ему коли кошулю шію,
А ёнъ мене бьецъ кулакомъ у шію.
Да я коли ему вечерицъ готую,
А ёнъ мене прецъ съ хаты молодую:
„Заразъ пойдзи, коня мойго знайдзи!
А якъ не найдзешъ,—до хаты лѣпшъ (*лучше*) нейдзи!“
А взыйду я на высокую гору,
Штобъ увидзѣць коня подъ ясную зарю.
„Ой взыйдзи, моя ты ясная заря!
Утопила мене мамочка моя.“

39.

Ци то, Боже, съ твоей воли
Ци зъ несцасной моей доли,
Што я живу, якъ въ пустынѣ,
Трачу лѣты на единѣ?
Кого люблю, того не маю,
Кто мене любиць, не знаю.
Боженька мой зъ високосци,
Приглянь къ моей молодосци!
Выслухай, што я прошу,
Дай мнѣ жонку хорошу!
Штобъ была мнѣ вѣрна, дружна
И слухала слова мужня.
Штобы хаты пильновала (*берегла*),
Мене мужа шановала (*уважала*).

40.

А у лузѣ на бéрезѣ стояла берёза,
А подъ тэй берёзой плачецъ дзѣвица, якъ роза.
„Чего тужишъ? чего плачешъ, бѣдная дзѣвчина?
Чего журишся, небога, якая причина?
Цебе, може, матка била, ци сестра журила?
— А ни маци мене била, ни сестра журила!
Да у мене молодои сами слёзы ллюцца,
Што до мене неудалые кавалеры шлюцца.

Шлюцца, шлюцца неўдалые по три по четыре.
Да у гетыхъ кавалеровъ залёты *) не щиры.
Не отдавай мене, маци, гдзѣ не ладъ у хацѣ!
Отдавай мене туды, гдзѣ мирно у хацѣ!
Гдзѣ дзевери два и три, ёсць съ кимъ размовляци;
Гдзѣ золовки дзвѣ и три, ёсць съ кимъ жито жаци.
Займемъ постаць широкую, будземъ поджинаци;
Якъ же сядземъ полудноваць, ёсць съ кимъ размовляци!
Нема цвѣту синѣйшаго, якъ цвѣтъ василёчекъ,
Нема друга вѣрнѣйшаго, якъ милый дружочекъ!

41 **).

Цёмная, цёмная да невидная ноченька!
Дурная, дурная, не разумная дзѣвица!
Полюбила, полюбила молойца неудалаго:
Взяла его, взяла его да съ корчомки пьянаго,
Положила спаци на цисовой кроваци,
Сама пошла, сама пошла на вулицу гуляци,
Да забыла, да забыла соловейку сказаци:
„Не щебечи, коли рано солдаты бьюць зорю,
Не разбудзи ты мого пьянаго въ комори.
Мнѣ вицци, чи то мой пьяный въ коморѣ не чуець,
Ажно ёнъ на мене нагайку готуець.
Я думала, што нагайка здѣлана съ папери,
Ажъ съ сыраго ремня, я скорѣй за дзвери.“

42.

Нѣту лѣпшаго цвѣточка да надъ василёчка:
Нѣту лѣпшія дзѣвицы якъ ўдовина дочка!
Просилася молилася доченька у маци:
„Пусци мене, матуленька, на вулку гуляци!
—Идзи, моя донька мила, да вернись къ вечери,
Тольки не стой, моя донька, тамъ, гдзѣ охвицери:

---

*) *Залёты* — заискиванье расположенья дѣвицы, искательство (Слов. г. Носовича стр. 172).

**) Ср. въ сб. г. Гильтебрандта стр. 36 и 251.

Охвицеры хитры людзи, ошукаюць *(обмануть)* цебе,
Ошукавши ёны, повезуць до себе.“
Донька моя слово матки допереимала,
Да на свою злую долю, на травцѣ задремала.
„Эй, фурманы, коней запрягайце въ кочи!
Повеземъ дзѣвчину середзь цемной ночи.»
Проснулась дзѣвчина да й у чужей хацѣ.
„Пусците мене къ моей родной маци!
— Ўжо тобѣ твоей маци вѣкъ не видаци!
Останешся ў насъ на весь вѣкъ гуляци.“

43.

А у недзѣли рано три солдаты засвистали,
Три солдаты засвистали, войну возвѣщали.
У вдовы одна дочка! на войну собираецца,
На войну собираецца, зъ мамою прощаецца.
„Ганнуся, моя донька, не ѣдзь ты середь войска,
Ѣдзь ты скрай дорожки, коло бережочка!“
Ганнуся не слухала, средзь войска поѣхала,
Средзь войска поѣхала и на томъ мѣсцѣ пала;
Якъ пала передъ смерци, до матки листъ писала:
„Поховаюць мене не въ могильничку,
А поховаюць мене при дорожкѣ въ ельничку.»

44.

Ой горы, горы! на одной горѣ кустъ ракитовый,
Подъ ракитовымъ да кустомъ лежыць цѣло бѣлое.
Да нихто къ тому цѣлу не пришовъ приплакаци,
Прилетаюць къ цѣлу бѣлому да три ласточки:
Перша ласточка его родная то мамочка,
Другая ласточка его родная то сестричка,
Трецція ласточка то жена его, его милая.
А й дзѣ матка плакала, тамъ колодзезь ставъ,
А й дзѣ сестра поплакала, тамъ рѣчка цекла.
А й дзѣ милая поплакала, тамъ роса пала; —
Взошло совнико, тогды росонька вся пропала.

45.

Пропивъ миленькій, пропивъ,
Пропивъ душенька, пропивъ,
Пропивъ жонкинъ андаракъ *),—
Ходзиць милый, якъ дуракъ.
Пропивъ вола и коня,—
Ходзиць милый безъ ума.
Пропивъ жену и дзѣцей, —
Ходзиць милый, якъ злодзѣй.

46.

Да оравъ мужикъ при дорозѣ,
Гэй, гэй при дорозѣ...
Да повѣсили торбу на берёзѣ,
Гэй, гэй на берёзѣ...
Да й тажъ торба не простая,
Гэй, гэй не простая.
Шкуроця́ная, не пустая...
(Припѣвъ съ повтореніемъ послѣдняго слова).
Да съ пшенишными пирогами...
Да й тамъ дзѣвки грибы брали...
Дзѣвки тую торбу ўкрали...

47.

Прошло лѣто, зима стала, зла пора настала!
Дзѣвчиночка молодая свою долю кляла.
Быстры рѣчки призябли, ручейки не цекуць!
Въ полѣ травочка завяла, цвѣточки не цвѣтуць!
У садочку ни кусточку, дробны пташки не пѣюць!
Дробны пташки не пѣюць, соловейка не щебечиць!
Идзець молойчикъ бравый-жвавый со стороночекъ чужихъ.
„Не плачь, не плачь, моя мила, ты й ще въ лѣцѣхъ молодыхъ.
Зима пройдзець, лѣто станець, возьму замужъ за себе,
Возьму замужъ за себе, на всёгды возьму цебе."

---

*) *Андаракъ*—суконная исподница, юбка (Слов. г. Носовича стр 6).

48.

Ци я была не хозяйка, ци не господыня?
Три дни хаты не мела, смецця (*сору*) не носила,
А вымела разкомъ, а вывезла возкомъ.
Пришли ко мнѣ козаченьки смецця торговаци,
Стали ёны за смецце цѣну мнѣ даваци:
Туды копъ, туды хопъ, за смеццико восемъ копъ.

49.

Ой на бору, на бору,
По широкому двору
Красна дзѣвица идзець,
Словно вуточка плывець,
Русу косеньку плецець,
Приговариваючи:
„Ты росци, моя коса,
До шовкова пояса —
Молойчикамъ любота,
А женатымъ сухота́.“

50.

Лежиць воякъ на долинѣ,
Сложивши головку на купинѣ;
А ни труны (*гроба*), а ни ямы,
А ни отца, а ни мамы,
А ни сестрицы, а ни братца:
Не съ кимъ было попрощацьца.
Некому его прибраци,
Некому его поховаци,
Некому и поминаци.

51.

Породзила маци сына, породзивши, взгодовала,
Всгодовавши, коня купила, коня осѣдлала.
Коня осѣдлавши, сына посадзила,

Сына посадзила й на войну послала.
Старшая сестра хусточки катала,
Середняя сестра брата убирала,
Самая меньшая у брата пытала:
„Ци скоро ты, братка, зъ войны къ намъ повернешъ?
— А взыйдзи ты, сестрица, на гору́ высоку
И зирпи оттуля па рѣку широку:
Якъ перо на дно падзець, камень на верхъ всплынець,
Тогды твой братъ зъ войны до дому повернець.“
Взошла сестра на гору́ круту-высоку
И взглянула на рѣку глубоку-широку:
Бѣлый камень по верхъ плывець, перо потонуло.
Пошла сестра дороженькой да госцинцемъ битымъ,
Стрѣла—ѣдуць три дворяне да въ золоцѣ шитымъ.
„Ци бачили мойго братца?“—Ци не то твой братъ бывъ,
Якъ соколъ ёнъ ўси ночки головы рубивъ,
На чецвертую же ночку свою положивъ.
Коники его ажъ стогнуць, цѣло везучи,
Челядзины его плачуць, за имъ идучи.“

52.

Зашумѣло дзерево, зашумѣло, зелёнѣючи,
Зажурилась ўдовушка, свойго сына лелѣючи.
Ахъ, Боже мой, сына лелѣючи. *(Припѣвъ этотъ: ахъ Боже мой! съ послѣднею половиною втораго стиха повторяютъ послѣ каждаго двустишія).*

„Ци мнѣ цебе, сынку, въ войско отдаваци,
Ци оставиць съ собою горе гореваци?
—Не кручинься, мамочка, не плачь, не тужи!
Велѣй (*лучше*) мене до войска въ солдаты отвези!
А справъ мнѣ, мамочка, три трубы мѣдныя,
А чецвертую позолоченую:
Въ первую зайграю, коника сѣдлаю;
Въ другую зайграю, на коня сѣдаю;
Въ треццюю зайграю, со двора съѣзджаю;

Въ чецвёртую зайграю, до полку вступаю.
Якъ почула мама чецвертую голосину,
Молилася Богу, штобъ вернуцьца сыну.

ДОПОЛНЕНIЕ.

1 *).

Ой подъ гаемъ зелененькимъ,
Ой здався мнѣ сонъ дзивне́нькій:
Приснився мнѣ братъ родненькій.
Кажу кони закладаци,
Ѣду брата отвѣдаци:
Подъ ворота подъѣзджаю,
Чую брата говорючи:
„Знимай, жонка, хлѣбъ-соль зъ стола.
Ѣдзе сестра моя голодная.“
Жонка мужа не слухала,
Хлѣба-соли не знимала.
Сестра тое якъ почула,
Назадъ коней завернула.
Мужъ на жену посварився,
Вышевъ, да й сестрѣ склонився:
„Сестра жъ моя родненькая,
Прошу цебе обѣдаци,
Да й мене отвѣдаци.
— Я обѣду не хоцѣла,
Цебе братку поглядзѣла:
Есць у мене хлѣбъ соль въ возѣ, —
Будзе обѣдъ у дорозѣ.
Кажу конемъ оброкъ даци,
Сама сяду обѣдаци.

*) Ср. выше стр. 241.

Тобѣ же, братка, повелося,
А мнѣ горе приплелося.
Якъ я дзѣтокъ подгодую,
Свое горе позабуду.

2.

Ой за лѣсомъ, лѣсомъ, у далекомъ краю.
Ани мѣсяцъ свѣцицъ, ани сонце йграе,
Тамъ добрый молодзецъ коника сѣдлае,
Коника сѣдлае, цяжко уздыхае:
Узявъ королёвну, да не собѣ ровну,—
По дворѣ ходзицъ, ключиками звоницъ;
У хатку войдзе, вся дружина встане,
Уся дружина встане и шапки знимае.
„Сядзь, королевна, зъ нами, пій пиво и водку."
Вочами лупнецъ и коркомъ (*каблукомъ*) стукнецъ,
Черевичкомъ брязне: „отступися, блазне!"

3 *).

А поѣхавъ сынъ Данила на войну воевацъ.
А покинувъ Кацерину въ своемъ дому домовацъ.
Маци его старая къ ему листы писала:
„А вернися, сынъ Данилушка, домовъ;—
А уже твоя Кацерина свою волю повела,
Мёды твое солодкіе повычестовала (*испотчевала*),
Сукни твое дорогіе поизнашивала,
Кони твое стаенные поизъѣзджывала,
Гроши твое великіе поразсоривала́."
А вернувся сынъ Данилушка домовъ,
Ажно его Кацерина на перейми вышла,
Сынка его маленькаго на рукахъ вынесла.
А хвацивъ же сынъ Данила вострюсенькій мечъ
И знявъ же ёнъ Кацеринѣ головоньку съ плечъ.
Якъ пошовъ сынъ Данила до шкатулы своей.

*) Ср. выше стр, 118—119.

А въ шкатулѣ его грошн да цѣлёхоньки лежаць.
Якъ пошовъ сынъ Данила да до шафы своей,
А у шафѣ его сукни у цѣлосци висяць.
Якъ пошовъ сынъ Данила да до клѣци своей,
А у клѣци его меды позаплѣсневили.
Якъ пошовъ сынъ Данила да до стайни своей,
А у стайни его кони позачесываны.
Якъ пошовъ сынъ Данила до свѣтлицы своей,
А ў свѣтлищѣ дзвѣ сестрицы дробны слёзки ллюць.
Якъ пошовъ сынъ Данила до пекарни своей,
А въ пекарни Кацерина безъ головки лежиц.
Недалеко Кацерины домовѣрка (*ключница*) стоиць.
Якъ пошовъ сынъ Данила до палацу свойго.
А ў палаци стара маци да у кресли сѣдзиць.
Сынка его маленькаго на рукахъ дзержиць.
„Ой маци, маци! увесь грѣхъ на цебѣ.
Першій грѣхъ—што я молодъ овдовѣвъ,
Другій грѣхъ—што мой сынъ сирота,
Трецій грѣхъ, што Кацеринки нема."

4. *)

У лузѣ соловей калинку клюець,
Лихая свекровка на невѣстку злуець,
Шлець ее молоду въ Дунай по воду.
На ее бездолле пѣтухъ не пѣявъ,
Пѣтухъ не пѣявъ, гусакъ не кричавъ,
Тольки одзинъ вовчища за горою выѣдь.
Плакала молода, къ Дунаю идучи,
А зачувъ миленькій, коней пасучи.
„Небось, милая, я коней пасу,
Я коней напасу и воды принесу.
— Черпай, миленькій, вёдры повненькіе,
Неси, миленькій, по малюсеньку,
Поставь, миленькій, у сѣняхъ на лавцѣ.

---

*) Ср. выше стр. 251.

Не кажи, миленькій, ты своей мамцѣ.
„Вотъ тобѣ, свекровка, зъ Дунаю вода,
Умыйся, напійся съ повнаго ведра.
— Я жъ цебе, невѣстка, не по воду слала.
Я жъ цебе, невѣстка, зъ свѣту сбавляла."

5.

Червонная калиночка
Въ зеленой лугъ схилилася;
Я молода зажурилася,
Што отъ роду отбилася,
Ай отъ роду отъ родочку,—
Цяжко мойму животочку,
Цяжко жици, цяжко быци
Въ чужой землѣ молодзицѣ.
Эй, пойду я, гуляючи,
Своей Доли шукаючи.
Откликнися, моя Доля,
На томъ боку синя моря,
А приплыви, моя Доля,
А къ крутому бережочку,
А къ крутому бережочку,
А къ липовому кусточку,
А къ липовому кусточку,
А напишемъ по листочку
Да пошлемъ до родочку,
Нехай родная прочитае—
Назадъ письмо отсылае.

6.

Каюся молода я не по малу,
Што млода за мужъ пошла:
Живу я годокъ, живу я другій,
У мамки не бываю.
Обернуся я сѣрой зязюлей
И полечу у мамкинъ садъ,

Сяду у мамкиномъ саду
На бѣлой лялéи;
Якъ закукую, якъ защебечу
Жалоснымъ голоскомъ,
Чи не почуе моя маменька,
Подъ воконцемъ сѣдзючи?
Якъ вышевъ старшій брацецъ
Зъ новаго церема:
„Коли зязюля, коли шерая—
Леци у щирые боры;
Коли сестрица, коли родная—
Ходзи ко мнѣ у госци.
— Ахъ добре тобѣ, мой браточка,
Гдзѣ родзився, тамъ и быци,
А я молодзенькая въ чужой сторонѣ—
Цяженько мнѣ жици.
Чужая сторона тýгою орана.
Слезми засѣвáна;
Своя сторона сошкою орáна.
Пшонкою засѣвана.

7.

Никому такъ не томненько, якъ мнѣ молодзѣ:
Осталася отъ родзины, якъ листъ на водзѣ.
Якъ выйду жъ я за вороты—зелена трава.
Якъ выйду жъ я за другія—чужá сторона.
Якъ выйду жъ я за трецція—вишневенькій садъ:
А въ садъ пошли дзвѣ дорожки, мимо саду одна:
А въ садъ пошли дзвѣ сестрицы, мимо саду одна.
„Вы, сестрицы, вы, родные, голубки мое,
Будзеце жъ вы щипаць вишни, щиплице жъ и мнѣ,
Пойдзице жъ вы къ отцу къ маткѣ, несице жъ и отъ м
Будзеце вы пиць, гулянць, вспомянице и мене;
„Ахъ якъ наша бездольница ў чужой сторонѣ
Да ци живець, ци горюець, ци бѣду бѣдуець:

Сядзиць собѣ подъ воконцемъ, якъ на рожѣ цвѣтъ,
Выплакала свое вочки, неволенъ ёй свѣтъ."

8.

А при крайчику, при Дунайчику
Тамъ два братцики купалися,
А, купаючися, размовлялися,
Да межы ихъ чужеземчикъ бывъ;
Чужеземчика загубиць хочуць.
Одзинъ кажецъ: „загубимъ его!"
А другій кажецъ „попытаемся,
Да чи ёсць у его родъ и племе.
Родъ и племе, оцецъ и мамочка,
Оцецъ и мамочка, братъ съ сестрицами,
Братъ съ сестрицами, жена зъ дзѣтками.
— Цихій Дунаю, то мой татэнька,
Сырая земля, то моя матэнька,
У лузи соловей, то мой брацитка,
У бору зялюля, то сестрица моя,
Бѣла берёзка, то жена моя,
У берёзочки розочки, то дзѣтки мое.
Цихій Дунаю, умывай мене,
Сырая земля, прикопай мене,
У лузѣ соловей, пощебечи по мнѣ,
У бору зязюлька, покукуй по мнѣ.
Бѣла борёзка, пошуми по мнѣ,
У берёзки розочки, покивайцеся."

9.

Да поѣдзешь, паниченьку, женицися,
Не ставь коника подъ калиною,
Бо калина дзерево нещасливое:
Весною калину дзѣвки ломюць,
А ў восень калину пташки зоблюць.

Поставь коника подъ яворомъ:
Яворъ дзерево счастливое,
У яворовомъ комлѣ чорные бобры,
У яворѣ въ серѐдзинѣ райскія пчелки,
У явору у верху сивые соколы.
Чорные бобрики—добрые на боцики,
Райскія пчолки — солодо̀къ медо̀къ,
Сивые соколы—да на погулянне.

10.

Ходзивъ парень надъ возеромъ, да й ставъ голосици:
„О якъ цяжко убогому богату любици.
Богатая не думае, што бѣдненькій нудзиць (*скучаетъ*).
Богатая да думае, якъ дзѣцюковъ (*парней*) гудзиць (*хулитъ*).
Поввѣку лѣтъ зживши, я щасця не знаю;
Якъ же о мнѣ Богъ признačивъ, што чяпици маю?
Ходжу-блужу, ходжу-блужу, вѣкъ свой проклинаю,
Што полюбивъ богатую, да ее не маю.“
Лецѣвъ воронъ понадъ моремъ, да й сѣвъ ёнъ на со̀сни:
„Ой мой же ты Прокопочку, не будзь такъ нудо̀сны (*грустенъ*).
Есць же у насъ Парасочка, молода, хоць бѣдна,
Покинь любиць богатую, полюби Параску.
Богатая да пышная цебе глумиць будзе,
А бѣдная Парасинька цебе любиць будзе.“

11.

Ой на што мнѣ свойго милого будзиць,—
Енъ мене молоду̀ не раненько будзиць,
Да самъ ёнъ идзе да на токъ молоциць,
А мнѣ молодой велиць започиць,
А й самъ идзе да на поле ораци,
А мнѣ молодой велиць ици гуляци.
Ой иду я, иду я гуляцы,
Кроицца мое серце на ча́сци,
Ой мое сусѣдочки пьюць и гуляюць,
А мене одну бездольную, одну окуляюць (*избѣгаютъ*).

Ой выйду я на вулочку—разсыпаны карты,
Ой гдзѣ жъ мое дзѣвоцкіе подзѣлилися жарты?
Ой выйду я на вулочку—разсыпаны суницы (*земляника*),
Ой гдзѣ жъ мое дзѣвоцкіе дзѣлись вечерницы?
Ой выйду я на вулочку—разсыпаны дули,
Ой гдзѣ жъ мое дзѣвоцкіе подзѣлися гули?
Ой выйду я на вулочку—разсыпаны вишни,
Ой гдзѣ жъ мое дзѣвоцкіе подзѣлися мысли?
Ой выйду я на вулочку, не съ кимъ сказаць словка,
Ой бѣдна жъ я молодзенька, хожу якъ удовка.
Ой крутая берёзонька, што подъ гаемъ взросла,
Нещасная недзѣленька, што я за мужъ пошла.
Ой крутая берёзонька воду замуцила,
Нещасная годзиночка за мужъ покруцила.

12.

Ой чёму жъ то панъ Хамицкій въ тэй часъ не женився,
Якъ у лѣсѣ на орѣсѣ голубъ народзився?
Ой чёму ты, бондаровна, *) въ тэй часъ за мужъ не йшла,
Якъ у млыни на ка́мени пшеничснька взошла?
У мѣстэчку Церастэчку команда стояла,
Тамъ же наша бондаровна всю ночку не спала.
Говорили бондаровнѣ да добрые людзи:
„Уцекай ты, бондаровна, лихо тобѣ будзе."
О якъ скочёць бондаровна межами, лугами,
А за нею панъ Хамицкій съ своими слугами.
А якъ догнавъ бондаровну ў полъ-лощинки,
Такъ ухопивъ бондаровну, не пусцивъ дзѣвчинки,
А привевъ же бондаровну до своей свѣтлицы,
Посадзивъ же бондаровну на бѣлой скамлицѣ,
А казавъ же бондаровнѣ пѣсенку спѣваци,
А самъ пошовъ панъ Хамицкій стрѣльбу набиваци.
„А ци лѣпи, бондаровна, въ сыромъ песку гници,
Якъ за мною, за Хамицкимъ, въ атласѣ ходзици?

*) *Бондаровна*—дочь *бондаря* (бочара).

— Ой да лѣпи, панъ Хамицкій, въ сыромъ песку гници,
Якъ за паномъ за Хамицкимъ въ атласѣ ходзици.“
Охъ якъ выцявъ бондаровну подъ лѣвое вухо,—
Засталася бондаровна и слѣпа и глуха.
Ой казавъ же панъ Хамицкій отъ ранку до ранку
Выкопаци бондаровнѣ глубокую ямку.
Ой казавъ же бондаровну у три дни ховаци,
Да нехай же не плачуцца ее бабка, маци;
Ой пришовъ же ее бацька и спляснувъ руками:
‹Ото жъ тобѣ пришло лихо съ твоими думками.›

13.

Заржали коники на брόду,
Чули ёны на себе пригоду,
Што братъ за сестрой гоницца,
Знявши шапочку клоницца.
„Постой, швáгерка (*шуринокъ*), не уѣзджай,
Дамъ тобѣ коника воронца,—
Верни мою сестрицу отъ вѣнца.
Дамъ тобѣ щабельку—вся въ злоцѣ,—
Верни мою сестрицу при цноцѣ.
Дамъ тобѣ хусточку—вся въ шовкý,—
Верни мою сестрицу у вѣнкý.
— Мнѣ твоей хусточкой не махаць,
Мнѣ съ твоей сестрицей вѣкъ вѣковаць.
Мнѣ твоей шабелькой не воеваць,
Мнѣ съ твоей сестрицей вѣкъ вѣковаць.›

14.

Съ подъ лѣсу, съ подъ цёмнаго лѣсу,
Съ подъ кусточка зеленаго
Вылетае птушечка райская,
Вынόсиць письмо паньское,
На крылочку написаное.
„Якъ бы намъ тую пташку поймаци,
Якъ бы намъ тэй листъ перечитаци.“

Поймала тую пташеньку матуля,
Три сынки родненьки маючи.
Якъ прочитала, то заплакала:
„Которому да щасце даци,
Да чи старшему, чи молодшему,
Да чи Григорьку середольшему?
Тэй же бѣленькій и хорошенькій.
Ена его сподобае, будзе щасливый,
Да на цѣломъ свѣцѣ голосливый.
Што сподобала (*полюбила*), да и узела его
Паненька зъ Украины.
Ой прибирайся, Григорька-сынку,
Щасливый ты будзешъ;
Ѣдзь на Украину въ щасливую годзину,
Тамъ вѣкъ коротаци будзешъ.
Есць же тамъ панна, што цебе возьме
За мужъ и за пана;
Памятуй, сынку, на свою дружинку,
Коли цебе щасце споткае,
Штобъ не забывся, чего научився,
Якъ Бога знаци и на землѣ гореваци.“

15.

„Зелёная берёзонька, чёму бѣла, не зелёна?
— Якъ же мнѣ быць зелёной, при бѐрезѣ стоючи?
Да што дзень купцы ѣдуць,
На кореняхъ огни кладуць,
Черезъ гиллё (*вѣтви*) дымы идуць,
Коренико подпаливаюць.
„Красна дзѣвонька, чёму смутна, не весела?
—Якъ же мнѣ веселой быци, што дзень госцики,
Што суботы, то сванцики,
Што недзѣли, маршалочки,
Зелёное вино возюць,
Мойго ойченьку поюць,
Мене молодзенькую просюць:

«Красная дзѣвонька, ци пойдзешь ты зъ нами,
Зъ молодыми сватами?»
— Рада бъ я поѣхаци, жаль покинуци
Ойцоваго подворьпка, маткинаго прибраньнка,
Дзѣвоцкаго гуляньнка.

16.

Служивъ Иванъ воеводзѣ,
Выслуживъ Касеньку жонку молодую.
Кася листы писала и до Ивана посылала.
„Ѣдзь, Иванъ, до дому, збудуй нову комору,
Штобъ я мѣла, гдзѣ лежаць, свое дзѣтки годоваць.“
Пріѣхавъ Иванъ до дому, проводзюць Касю до гробу.
„Ой покажнце Касю мнѣ, погляжу, чи не живе.“
Пришовъ Иванъ до сѣней, лежиць Кася на столѣ.
Малый сынъ въ колысцѣ. „Люли, люли, сыну мой,
На што цебе Богъ створивъ, коли ты Касю заморивъ?“
Сестра тое учула, да на Ивана вскрикнула:
„Ой не клепи ты его,—тобѣ жонка заразъ будзець,
У его матки до вѣку не будзець;
Тобѣ жонка въ вѣночку, ему мамка въ песочку.“

17.

Ахъ у лузѣ калинушка,
А у бору стоиць сосна:
Гдзѣ я пойду похинуся,
Всё на моемъ серцу тошно.
Луги мое зеленые
Да усё не кошоные;
Поле мое широкое,
Да усё не ораное;
Волы мое половые,
Еще не поеные;
Кони мое вороные
Еще не насаные.
Пойду я къ свойму татку на порадку:

Порадзь, порадзь, татуленька, якъ мнѣ гореваци,
Якъ мнѣ дзѣтокъ подховаци (*воспитать*).
— Не горюй, сынку, не горюй, родный,
Будуць поля побраные,
Будуць луги покошеные,
Будуць волы половые
Уси накормленые,
Будуць кони вороные
Уси напоеные,
Будуць твое дзѣтки подхованые.

18.

„Синій соловейка, чёму не спѣваёшъ,
Ци ты, соловейка, голосу не маешъ?
— Потрацивъ я голосъ по зеленомъ гаю,
По зеленомъ гаю, по цихомъ Дунаю.
„Чему ты, молодый, чему не гуляешъ,
Чи ты, молодый, щасця-доли не маешъ?
— Потрацивъ я долю черезъ свою волю
У новой корчомцѣ на горькой горѣлцѣ.
Цеперь же мнѣ некуды повернуцца,
Усё мое село у Бораха па водцѣ:
Тутъ мое коники, тутъ мое волики,
Тутъ моя одзежка, тутъ мое грошики.

19.

Сизый голубочку, сѣдзи на дубочку,
Выкликала матка съ корчмы до домбчку:
„Ой! ходзи, мой сынку, зъ корчмы да до дому,
Забираюць арендары всю твою худббу (*имущество*).
— Я самъ тое бачу, што худббу трачу,
За дробными слезыньками я слѣду не бачу.

20 *).

У чистомъ поли подъ бѣлой берёзкой
Бѣлый молодзецъ сочивочку (*осоку*) косиць,

*) Ср. выше стр. 258.

Покосивши, короваточку сцелиць,
А пославши, спацички кладзецца.
Якъ настали буйные вѣтры
И забили молойца у короватцѣ,
Нѣкому по ёмъ куковаци,
Ай не кому по ёмъ щебетаци!
Прилецѣли три зезюльки зъ бору,
Прилецѣли три сѣренькихъ зъ бору,
Ены стали по ёмъ куковаци,
Ены стали по ёмъ щебетаци.
Одна сѣла у молойца у головцѣ,
А другая сѣла у молойца на серцу,
А трецяя да у бѣлыхъ ёго ножекъ.
А якъ стали по ёмъ куковаци,
А якъ стали по ёмъ щебетаци,
Якъ родныя матки по дзѣцяци!
Што въ головцѣ, то ёго мамулька,
Што на серцу, то его жопухна,
Што у ножкахъ, то ёго сестрица.
Мамка плачець отъ вѣку до вѣку,
Сестра плачець отъ году до году,
Жена плачець отъ обѣду до обѣду.
Пообѣдавши, пошла въ садочекъ,
Свила собѣ на голову вѣночекъ.

21.

Ой жила-была удовка-жидовка,
Была у ее дочка Хайночка.
„Дочка Хайночка, люблю я цебе.
— Пане Зеленькевицъ, пойду за цебе.
Не ѣдзь же ко мнѣ въ недзѣлю рано,
Пріѣдзь же ко мнѣ въ субботу позно,
Коли моя маменька до школы пойдзе.
Пріѣдзь же ко мнѣ у трехъ возочкахъ:
У одномъ возочку скринки, перинки,
А у другомъ возочку серебро и золото,

А ў треццемъ возочку—тамъ мы съ тобою."
Узявъ я Хайночку подъ бѣлы плечки,
Кинувъ Хайночку въ глубокую рѣчку:
„Вотъ тобѣ, Хайночка, вода и болото,
А мнѣ молодому сребро и злото;
Вотъ тобѣ, Хайночка, жици зъ водою,
А мнѣ оженицися зъ другою молодою."

22.

Зацвѣла въ горо́дзѣ маковка,
Заболѣла у Мариськи головка:
Захоцѣла заморскаго зелля.
Кому ѣхаць за море по зелле?
— Тому ѣхаць, кому рукодзѣлле,—
Татку ѣхаць за море по зелле.
Татка кажêць: „я и коника не маю,
Татка кажêць: я й зеллика не знаю."
Зацвѣла въ городзѣ маковка (и т. д. 5 стиховъ).
Брату ѣхаць за море по зелле (и т. д.).
Зацвѣла въ городзѣ маковка (и т. д. 5 стиховъ).
Ясю ѣхаць за море по зелле (и т. д.),
А Ясь кажецъ: „я и коника маю
А Ясь кажецъ: я и зелле знаю."—
Одзинъ коникъ поле перѣхаць,
Другій коникъ море перелецѣць,
Трецій коникъ до зелля доѣхаць.
А ставъ Ясь зелле копаци,
Стали надъ имъ птушки щебетаци:
„Не копай, Ясенька, зелля,
„Ужо у Мариси другое веселле,
„А ѣдзь, Ясь, лугомъ,-берегомъ,
„А стань, Ясь, у поли подъ шатромъ,
„Будзешъ видзиць якъ сваты Мариси поѣдуць."
— Позволь, позволь, Марисенька, на дворъ.
„Не позволю, Ясюленька першій,
Есць у мене другій милѣйшій.

— Позволь, позволь, Марусенька, въ хату.
„Не позволю, Ясюленька першій,
Есць у мене другій милѣйшій.
— Позволь, позволь, Марусенька, за столъ.
„Не позволю, Ясюленька першій,
Есць у мене другій, милѣйшій.
— Позволь, позволь, Марусенька, танчиць.
„Не позволю, Ясюленька першій,
Есць у мене другій милѣйшій."
Узявъ Ясь Марысю за лѣвую ручку,
У правой ручцѣ шабельку тримаѐць,
Сцявъ Ясь Мариси головоньку ровно съ плечъ:
Вотъ Мариси заморское зелле,
Вотъ Мариси другое веселле,
Вотъ Мариси: „Ясюленька першій,
Есць же у мене другій милѣйшій."

23. *).

Въ нашемъ селѣ вѣцеръ вѣе, а въ сусѣднѣмъ цихо,
Въ нашемъ селѣ добра нема, да й въ сусѣднемъ лихо.
У нашихъ войтовъ-икономовъ едвабныя (*шелковыя*) хустки,
А гдзѣ были господари, то ўсё хаты пустки;
У недзѣлю ранюсенько у два звоны звонюць,
А ў насъ войты-икономы на панщину гонюць.
Якъ за старымъ было паномъ легко на работу:
Увесь тыдзень (*недѣлю*) сядзи дома, шарварка **) въ суботу,
Цеперь за молодымъ паномъ цяжко на работу:
Увесь тыдзень на панщинѣ, шарварка въ суботу.

24. ***).

Тамъ зъ надрѣчча людзи собралися рано,
Кличуць войти въ дворъ на рахубу (*разсчетъ*) до пана.

---

*) Ср. въ сб. г. Гильтебрандта стр. 122, 136—139.

**) *Шарварка*—видъ барщины или пригона для исправленія домашнихъ предметовъ или строеній. (Слов. г. Носовича. стр. 706).

***) Ср. въ сборн. г. Гильтебрандта стр. 60—62, 65, 177.

Стали думку думаць, якъ некрутовъ здаваци.
А й дзѣ два, тамъ нема, а й дзѣ пяць, невеляць,
А й дзѣ три—уцекли. — „У вдовушки ёсць сынъ!
— Да ёнъ у ее одзинъ. — Не глядзѣць, што одзинъ!“
Сестра бывши во дворѣ, тое послыхала.
Прибѣжавши домовъ, брату да й сказала:
„Братку, уцекай скорѣй, поведуць до двору.“
Братъ въ комору скочивъ. войтъ за имъ въ комору,
Енъ въ воконце, черезъ плотъ, въ солому вкопався,
Да бѣдненькой отъ войта и тамъ не сховався.

25.

Якъ рекруциковъ ловили,
Мене Доля не спознала,
Отъ сыщиковъ не сховала.
Руки мнѣ назадъ скруцили,
На ноги колодки набили.
У недзѣли по раненьку
Выбираюць фурманеньку (*подводу*),
До городу провожаюць,
У дорозѣ развражаюць:
„Цыцъ, некруцикъ, не журися!
Еще молодъ, не згодзишся“.
Я тымъ часомъ не ускрёбъ (*не ушелъ*),—
„Молодзецъ, сказали, лобъ“!
Добраго мнѣ дзядзьку дали,
Енъ мене жалѣзъ въ печали:
„Лягъ, некруце, пересыпайся,
Да до муштру собирайся.“

26.

Стоиць липа, развалившись високо;
Ее лисце густо, густо и широко.
Тамъ зезюльки кукуюць, соловейки свищуць,
А сыщики тутъ добра молойца ищуць:
—„Не ховайся, дзѣцина, слѣзай зъ липы, здайся;

Въ нашихъ ты рукахъ, слѣзай, не спречайся".
Такъ мене молойца туто полонили,
Руки вяжуць назадъ, колодку набили.
Выбрали подводу, сѣли на задочку,
А мене положили въ самомъ передочку;
Сами коней погоняюць, на мене поглядаюць.
Везуць мене въ городъ: „еще молодъ" развяжаюць.
Подкупили пріемщиковъ, знали лѣкаровъ;—
Хоць я мѣры не дошовъ, да въ солдаты пошовъ,
Я въ городзѣ (*огородѣ*) родзився, Государю згодзився,
А въ селѣ годовався, Государю сподобався.

27.

„Ты дуброва зеленая,
У три ряды сажоная,
Ой не шуми надо мною,
Надъ моею головою!
Ой зашумишъ ты въ тэй хвили (*бурѣ*),
Якъ я буду за три мили.
Ой ты, соколъ соколеньку!
Не кручинь мою головеньку!
Бо я самъ зажурился,
Што отъ роду отбился,
Отъ роду и отъ родзйночки
За дваццать четыре милички".
Тамъ дороженька убитая
И слёзеньками ўся улитая.
Туды ишли новобранцы,
Новобранцы молодые,
Не женаты, холостые.
За ими матка рыдаючи,
Рученьки свое ломаючи.
„Досиць, мама, гореваци,
Досиць рученьки ломаци!
Бѣды гетымъ не загоцишъ (*не уймешь*),
Мене съ службы не ворацишъ."

28.

Не шуми ты, зелёна дубровенька,
Не тужи ты, молодая вдовенька!
Што твой милый пошовъ до Варшавы
Шукаць смерци своей, альбо славы.
А въ Варшавѣ, хоць пьюць да гуляюць,
Да молодыхъ некрутовъ навучаюць.
Которые холостые, тые скачуць;
Которые женатые, тые плачуць,
Што зоставили жонокъ ўдовами,
А дзѣточекъ своихъ сиротами.

29.

Ой у лузѣ при долинѣ стояла калина,
Породзила удова хорошаго сына.
Его ёна породзила, да не дала доли;
Только дала бѣло лицо да чорныя брови.
Папы къ собѣ въ ревизію его записали,
Записали своимъ хамомъ и въ некруты здали.

30.

„Развивайся, красный дубе, заразъ морозъ будзе:
Прибирайся, сынъ ўдовинъ, заразъ походъ будзе!
— Я морозу не боюся, заразъ разовьюся:
Я й походу не боюся, заразъ приберуся.“
Заиграли музыканты, забили барабаны,
Забили барабаны, сынъ ўдовинъ прибраный.
Енъ коника сѣдлае, головку склоняе,
За вороты выѣжджае, шапочку здыймае.
„Поливайце дороженьку, штобы не дымѣло,
Споцѣшайце матуленьку, штобы не жалѣла.“
— Мы дорожку поливаемъ, ёна ўсё дымицца:
Мы матульку споцѣшаемъ, ёна ўсе журицца.“

Птичья свадьба.

Щигликъ пе великій громаду збираёць,
Самъ не хочёць одзинъ жиць, женицися маець.
Узявъ собѣ пцицу—борову синицу,
Красную, ясную воробья сестрицу.
Пославъ орла, пославъ орла всё птаство збираци,
А орелъ попавъ гусю давай мордоваци.
Два снигиры, два снигиры шпака (*скворца*) да поймали,
А ворóны за тэй часъ коровай сгибали.
Два каплуны, два каплуны солодъ молоцили,
Куропатва и цецерь до млына носили,
Буцянъ (*аистъ*) меле, буцянъ меле, а крукъ (*воронъ*) засыпае,
А воробчикъ, добрый хлопчикъ, муку обирае.
Перепёлка, перепёлка хату заметае,
Сова сѣдзиць на покуцѣ, скоса поглядае.
Сѣдзиць дзергачь (*коростель*) на порозѣ, сѣдзиць на порозѣ,
Пугачъ, пугачъ—упившися, лежиць на морозѣ,
А сороки, якъ приданки, скачуць коло лавки.
„Бѣдна моя головонька! лавки безъ подставки,“
А чаечка съ куличкомъ на веселлю йграе,
А куликъ да чайку хвацивъ за чубайку,
А чайка кигиче: „да згинь ты, куличе!“
А зязюля матуля, хорошая пцица,
Золотыя крылы мае, такъ гучно летае,
А щемель (*шмель*) меду даёць и госцей примаёць.